

ДМИТРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

**КАСТА
НЕПРИКАСАЕМЫХ I**

Юни — мусорщик. Таким его видит окружающий мир. Так видит себя даже он сам, но только это не совсем правда! В душе юноши горит еще и воля возродившегося императора Вала. Преданного, сожженного, но поклявшегося вернуться и отомстить. Этой скрытой силой достаточно, чтобы сама судьба пробудила в теле парня самое мощное из древнейших заклятий.

Тайна, способная отправить его на тот свет, если о ней узнает хоть кто-то! Тайна, способная вознести его на вершину мира! Тайна, от которой трясутся поджилки даже у демонов, считающих, что им больше некого бояться!

Дмитрий Емельянов
Каста Неприкасаемых

Тысяча лет назад

То, чего не смогли сделать легионы демонов, смогла совершить подлость и предательство человека, которому император Вала доверял как самому себе.

Взгляд бывшего властителя империи скользнул по эшафоту. Здесь вместе с ним над кострами с разгорающимся огнем стояли еще четверо его самых верных и преданных друзей. Самых преданных слуг императора, что вместе с ним прошли путь от самых низов до высот золотого дворца, парящего в облаках.

«Гор! — Подумал Вала, глядя на усмехающегося красноглазого демона. — Как невероятны сюрпризы судьбы! Когда-то он был самым опасным из моих врагов, а сейчас стоит в ряду тех, кто готов взойти вслед за мной на костер».

Его взгляд двинулся дальше и остановился на стоящей на коленях девушке.

«Мара! Они раздробили ей кости, но не сломали ее дух. Никто и никогда не мог добиться этого, ни сейчас, ни во времена ее юности, когда она была всего лишь шляхой в трактире нижнего города».

Взгляд императора перешел на застывшего с закрытыми глазами человека в хламиде жреца.

«Заал! — Вздохнул Вала. — Как всегда молится. Он молился, когда хотел уничтожить меня, молился, когда встал в ряды моих сторонников, молится и сейчас, всходя из-за меня на костер».

Последний из стоящих на эшафоте поднял глаза и встретил взгляд своего императора.

«Торин! — Горько усмехнулся Вала. — Единственный из всех грандов, кто остался мне верен. А ведь я до последнего сомневался в его преданности. Жаль, что я не смогу его отблагодарить».

Языки пламени вцепились в босые ноги, а клубы дыма разорвали легкие. В этот миг император увидел того, кто его предал. Их глаза встретились, и в сознании Вала прозвучало невысказанное злорадство изменника.

— Глупец! Какой же ты глупец! Во мне всегда жила ненависть к тебе! Она просто ждала своего часа, и вот он настал! — Бесконечная самовлюбленность и эгоизм звучали в каждом слове, и в каждом из них чувствовалось затаенное желание, чтобы именно эти слова были последними, что император услышит в своей жизни. Вот только не стоило недооценивать волю того, кто смог подчинить себе почти весь мир.

Подавив адскую боль горящего тела и разорвав своей волей пелену клубящегося дыма, Вала прокричал так, что его услышал не только изменник, но каждый из стоящих на площади. Услышали все, и все поняли на кого обрушено это проклятие.

— Клео, ты очень скоро умрешь! Ты и весь твой род до седьмого колена! Вы все умрете, но наш с тобой разговор на этом не закончится. Для нас с тобой смерть — это только начало! — Вала все же смог оставить последнее слово за собой. — Мы вернемся! Может быть скоро, а может быть через тысячу лет. Я и мои преданные друзья, чтобы отомстить, а ты — для того, чтобы понести заслуженную кару!

Яростный язык пламени рванулся к небу, поглотив императора, и на глазах у выстроенных легионов врага то, что осталось от повелителя мира взлетело к небесам всполохом черного дыма. И в этот миг слишком многим показалось, будто сами Хранители

забрали к себе дух Вала, чтобы однажды вернуть... Вернуть, чтобы спасти, или наоборот, уничтожить весь мир!

Сейчас

Я иду вслед за стариком Перлом, таща на себе весь наш нехитрый скарб. Пара джутовых мешков, две метлы и деревянную лопату. Чуть поодаль, за нами катится потрепанная арба. В пронзительной тишине звонко цокают по мостовой копыта худющей клячи. Сейчас именно те часы, когда ночная непроглядная тьма уже отступила, и столица империи — великий город Джавалгварах — залит черной предутренней прозрачностью. Это наше время — время чистильщиков городских улиц, время самых презираемых членов общества.

Оглядываюсь назад и ловлю равнодушно-презрительный взгляд возчика, он смотрит на меня примерно также, как и на тот мусор, что мы собираем. За все свои восемнадцать лет я так и не смог к этому привыкнуть. Отворачиваюсь и догнав старика, в сердцах хватаю его за рукав.

— Почему они нас так презирают?

— Мы — каста неприкасаемых и ничего тут не поделаешь, — тяжело вздохнув, старик остановился, глядя на неподвижно лежащее в канаве тело, — таким Великие Хранители устроили наш мир. Кто-то правит, кто-то воюет, другие выращивают хлеб или торгуют, а мы убираем с городских улиц мусор и мертвые тела бездомных бродяг. В этом наш удел и предназначение.

Я еще слишком юн, чтобы спорить со стариком Перлом, но что-то в его словах кажется мне неправильным. Почему никто не спросил меня о моем предназначении, хочу ли я изо дня в день собирать мусор и умерших с голода на ночных улицах. Нет, я не ропщу, работа как работа, наверное, есть и похуже, но все-таки почему с рождения я должен носить клеймо самого презираемого человека в городе. Почему любой побрезгует сесть со мной на одну скамью, никто не подаст руки, не пустит на порог своего дома, а ведь я не сделал ничего плохого?

— Юни, не спи, — старик ткнул меня в бок, показывая в канаву, — хватай вон того под мышку, а я возьму за ноги.

Нагибаюсь над мертвым и в свете луны вижу залитую кровью рубаху и черную дыру на груди.

— Этот старик, кажется, не своей смертью помер? — С интересом рассматриваю рану, оставленную узким кинжалом, и слышу ворчливый ответ.

— Не наше дело, с этим пусть городская стража разбирается.

Перл поднял ноги покойника и повернулся спиной готовый тащить.

В десяти шагах от нас стоит городская арба, труп надо погрузить туда, а уж потом возчик отвезет его на кладбище, где в безымянной могиле упокоят всех неизвестных убитых и умерших за сегодняшнюю ночь.

Нагибаюсь и хватаю тело под мышку, Перл хоть и старый, но рука у него тяжелая и злить его не стоит. Уже отрываю труп от земли, и в этот момент его мутные, бесцветные глаза распахиваются и впиваются в меня.

— Ты, — звучит еле слышный хрип, — ты кто?

Вздрагиваю от неожиданности и еле слышно шепчу.

— Я, Юни.

В глазах умирающего появились признаки ожившего сознания.

— Неприкасаемый?!

Подтверждающе киваю головой.

— Да.

Слышу злой шепот, больше похожий на бред, словно он разговаривает с самим собой.

— Неприкасаемый! Почему ему?! Вручить судьбу мира идиоту, ты ничего глупее придумать не мог! Что?! Я умираю?! *Нет времени выбирать! На трупе все равно найдут, а на нем никто не будет искать...*

Злобное бормотание бродяги почти затихло, но вдруг он резко повысил голос.

— Дай мне свою руку!

Я так опешил, что роняю его на землю и слова не могу вымолвить, а оживший покойник протягивает свою жилистую клешню и хватает меня за рукав.

— Не бойся, неприкасаемый, это не страшно.

Что «это», и что «не страшно» не понимаю, но стою словно замороженный и смотрю как на синюшной руке бродяги вдруг начинают вырастать черные непонятные буквы. Они словно бы вылезли из-под кожи в одно мгновение, по велению этих теряющих силу глаз, иссиня-черные, великолепные и притягивающие своей глянцевой непроницаемой глубиной.

Его голос звучит набатом в моей голове.

— Я отдаю тебе то, что никогда мне не принадлежало, отдаю в твои руки великие возможности и страшную опасность. Отдаю тебе то, что сделает твою жизнь невыносимой и прекрасной одновременно. Я отдаю тебе огромную власть и тяжелейшее бремя!

От волнения раненый задохся, но из последних сил все-таки выдавил из себя.

— Я предупредил тебя, теперь отвечай. Принимаешь ли ты на себя Сияние Тьмы?

Я твердо уверен, что расслышал каждое слово, но все равно ничего не понимаю, что надо сделать и что принять, а самое главное зачем?

В глазах умирающего блеснули искры гнева.

— Скажи, принимаю, недоумок.

В его взгляде есть что-то гипнотическое, потому что не понимая зачем, я делаю как он велел и шепчу вслед за ним.

— Принимаю.

Черная вязь знаков на руке бродяги вдруг зашевелилась и блеснула чешуйками как гибкое тело змеи. Готов отдать голову на отсечение, я точно услышал шипение, когда черная лента поползла с запястья умирающего на мою руку. Меня словно сковало холодом, и ледяная игла ударила прямо в сердце! Такой боли я еще никогда не испытывал, а уж я то понимаю в боли как никто. Если бы я мог, то заорал бы так, что разбудил весь город, но из распахнутого рта не вырвалось ни звука, а из вытаращенных глаз не вытекло ни слезинки. Это была немая, разрывающая сознание боль, а следом за ней в голове разорвалась ослепительная вспышка, словно весь мир раскололся у меня на глазах, раскололся на миллионы маленьких кусочков и слепился вновь, но уже другим. Другим, заполненным серой взвесью, тяжелым почти осязаемым туманом, окутывающим стены домов, хрустящим под ногами, забивающим мой разинутый от ужаса рот. Этот мир словно остановился и утонул в сером вязком болоте.

Осторожно делаю первый шаг и спотыкаюсь о лежащее под ногами тело бродяги. Замираю и вдруг слышу, как что-то хрустнуло, будто не выдержав — это надломилась ветка огромного дерева. Вскидываю взгляд и на фоне фосфоресцирующих домов вижу две темные тени. Они приближаются и к моему ужасу становятся все больше и больше похожими на

чудовищных адских псов с огромными змеиными головами. Капает слюна с торчащих наружу клыков, выгнутые спины оцетинились роговыми шипами! Не в состоянии ни крикнуть, ни пошевелиться я в немом отчаянии сжимаюсь в нервный комок, ожидая мучительную смерть, но в этот момент из скользящей по руке линии знаков вырывается бешено вращающийся смерч. Тоненькая крутящаяся струйка расширяется до огромной черной воронки под серыми небесами. Она набухает грозовой тьмой и прямо на глазах превращается в жуткого драконоподобного демона. От шока у меня останавливается дыхание и подкашиваются колени, но и адские псы замирают на месте. Припав на передние лапы и задрав морды, они скалятся и рычат, а из нависшей тучи грохочет голос.

— Прочь, пожиратели мертвечины, эта добыча не про вас!

Черной молнией разрезает серый туман удар неясной Силы, отбрасывая огромных тварей как котят! Душераздирающий вой рвет уши и...

Вдруг звучит раздраженный старческий голос.

— Юни, ты совсем идиот!

Злобный тон Перла заставляет меня изумленно открыть глаза.

— Ты зачем труп бросил, я что, по-твоему, один его должен тащить?

Ошарашенно верчу головой, вокруг все как прежде, никакой серой мглы, никаких чудовищ, а глаза покойника, только-что гневно требующие от меня ответа, смотрят безжизненной мутной пеленой. Трогаю тело, оно холодное и застывшее. Жизнь покинула его уже много часов назад.

«Что это было, — врезается в мозг вопрос, — мне что все это привиделось, показалось?»

— Да хватай же ты тело, недоносок!

Костлявый кулак старика взлетел над моей головой.

— У нас еще работы невпроворот!

Рассвет уже окрасил небо в багрово-красные тона и это значит, что нам пора возвращаться. Неприкасаемым запрещено ходить по улицам города в дневное время, дабы никто из достойных горожан не мог осквернить себя случайным взглядом или того хуже — касанием.

Наш район здесь недалеко, надо лишь пройти через специальные ворота в стене и мы на месте. Несколько сотен глиняных развалюх, прилепившихся к склону между рекой и городской стеной. Здесь ютятся семьи мусорщиков, кожевников, красильщиков и прочих неприкасаемых. Из всех людей нашей касты в город можем войти только мы, мусорщики, да и то лишь ночью, остальные же никогда не видели городских улиц и вряд ли когда-нибудь увидят.

Спускаемся вниз к воротам, старик, чуть прихрамывая, идет впереди. Перл все еще зол на меня из-за того мертвого бродяги, да и вообще из-за моей странной сегодняшней заторможенности. Он молча ковыляет впереди, и слава всевышним, потому что его обычное недовольное брюзжание мне уже порядком осточертело. Этот дед выкормил и воспитал меня — подкидыша и сироту. Я ему очень за это благодарен, но все что я слышал от него с того момента как научился понимать слова — это терпи, так устроен мир и не нами такие порядки заведены. За восемнадцать лет любой может запомнить и выучить эти слова наизусть. Запомнить-то может, а вот понять нет. Ну вот не понимаю я, чем я хуже других людей и почему мне уготована такая горькая участь! Если спросить у Перла, то кроме

синяков никакого другого ответа не получишь, я уже пробовал, а больше спросить не у кого. Мы, неприкасаемые, народ не слишком общительный.

Слева от меня тянется высокий подъем, на верху которого видны глухие заборы домов, там за заборами я слышу лай собак, крик домашней птицы и еще что-то. Прислушиваюсь, ничего! Словно какое-то шуршание в ушах. Мне вдруг стало интересно, что за ерунда такая? Мотаю головой и напрягаюсь еще раз, теперь это явно неразборчивая человеческая речь. Сосредотачиваюсь и закрываю глаза — невнятный шепот вдруг превращается в четко различимые слова.

— Карета Дидал Ашшура поедет по улице Глафар. Его специально задержат и к этому времени уже стемнеет. Мы будем ждать его на мосту. Ударим с двух сторон. Охраны немного, всего два телохранителя и у обоих лишь заклинание Триан. Бойцы они хорошие, первый и второй дан максимальных уровней, но для нас главное, что никто из них не может входить в Сумрак. У самого Дидала заклинание Дойс, но совсем без развития, всего первый дан, так что он тоже опасности не представляет. Телохранителей снимут стрелами с дистанции, а потом вы добьете! Никого в живых не оставлять, свидетелей быть не должно! Спафарием Дидалом я займусь сам. Вам все понятно?

Я затряс головой, пытаюсь сбросить звучащие слова, потому что слабая боль в висках выросла до нестерпимой, словно мне в голову гвоздь забили. Боль исчезла вместе со звуком, но одно осталось несомненно, я слышал разговор, происходивший где-то там наверху за высоким забором, а может быть даже в доме. Разговор тайный, а значит тихий, в укромном месте, но я его все-равно слышал. Что это такое? Как это может быть?

Сказать, что я напуган — это ничего не сказать. Бегающим взглядом ищу того, кто со мной это делает, кто издевается надо мной, но ничего кроме спины Перла не вижу. Пустая дорога, справа обрыв, слева гора и все. На всякий случай прибавляю хода и прижимаюсь вплотную к деду. Меня знобит несмотря на жару, и внутри холод, который мне очень напоминает тот, что пронзил меня как копьем в том странном видении.

— Да что же это со мной? — Выплескиваю свой страх вслух и в голове вдруг начинает прокручиваться то самое видение — я вновь вижу, как обвивается вокруг запястья живая вязь знаков и как она исчезает буквально впитываясь в кожу. Пялюсь на свою левую руку стараясь разглядеть хоть какие-то доказательства того, что все это случилось в реальности и ничего не вижу. Рука как рука.

И вдруг меня осеняет понимание. То, что я сейчас увидел было ответом. Я спросил и получил ответ. Боясь того, что это может быть правдой весь внутренне сжимаюсь. Ведь можно же проверить, стоит лишь повторить вопрос, но повторять не хочется. Ведь если это правда, то это рубеж, черта за которой совсем другая жизнь. Жизнь, в которой есть понимания того, что в тебе сидит какая-то чуждая тварь которая может сотворить с тобой все что ей заблагорассудится. Мои шаги становятся все медленнее, ноги заплетаются, я пытаюсь оттянуть этот момент, но знаю, я все равно спрошу. Сжимаю кулаки от напряжения и произношу еле слышно.

— Что со мной случилось?

Ледяная игла, болью прошивает голову, но теперь я чувствую ее источник. Она рождается здесь на моем левом запястье, тянется вверх по руке и врывается в мозг. Все то же видение опять встает перед глазами. Цепкая хватка умирающего, ползущая лента заклинания и его исчезновение.

Картинка пропадает, и я вдруг успокаиваюсь, — ничего не произошло. Я жив и здоров.

Может быть это заклинание не так уж и страшно. Что плохого в том, чтобы получать ответы на вопросы?

— Юни! Да что с тобой сегодня! — Злобный крик Перла застаёт меня врасплох. Я так задумался, что остановился, и старик уже ушагал далеко вниз.

— Бегу! — Припускаюсь что есть сил. Тут «что будет дальше» спрашивать не надо, я и так знаю, сейчас огребу палкой по спине.

Валяюсь на связке сухого тростника в нашей хижине и не могу заснуть. Через плетеные стены пробиваются яркие солнечные лучи, рядом храпит и пускает газы Перл, но не в них дело. К шуму и чудовищной вони нашего поселка я давно уже привык, мне не дает покоя другое, тот разговор, что я слышал по дороге. Что это — случайность или в этом есть смысл? Какое мне дело до того, что какие-то бандиты хотят убить какого-то неизвестного мне Дидала Ашшура. Сейчас мне странно уже от того, что я запомнил такое мудреное имя, у нас таких имен не бывает, да и вообще, в моей голове обычно ничего не задерживается. В глубине сознания все время крутится какая-то мысль, но я никак не могу ее уловить, и меня постоянно подмывает спросить у той таинственной силы, что поселилась во мне и в тоже время спрашивать страшно не хочется. Что-то подсказывает — если таинственное заклинание мне ответит, то проигнорировать его будет невозможно. Придется выполнять, куда-то идти, напрягаться и возможно даже рисковать жизнью. Я этого не знаю точно, но я так чувствую и боюсь, что это чувство мне подсказывает именно та вязь непонятных букв, что забралась мне под кожу.

Еще минут пять борьбы с собой, и я все-таки не выдерживаю и, собравшись, словно бы заглянув в самого себя, спрашиваю:

— Какое мне дело до этого Дидала?

Ответ появляется в моей голове в виде вопроса.

Ты что, хочешь всю жизнь прозябать в мусорщиках?

— Нет, — отвечаю самому себе.

Тогда, снафарий и член тайного императорского совета, Дидал Ашшур — твой шанс выбраться из той навозной кучи, что ты сейчас называешь жизнью.

— Не понимаю, как? — Морщю лоб, пытаюсь сообразить, и получаю резкий ответ.

Ты предупредишь снафария и не позволишь его убить.

— Ага, — радостно выпучиваю глаза, — а в благодарность он возьмет меня к себе и...

Голос во мне прерывает меня на полуслове.

Думаю, вряд ли. Взять в дом неприкасаемого, значит осквернить очаг предков, навлечь беду на свой род. Для такого одного спасения будет маловато. Тебе нужно будет заставить его поверить, что ты ему нужен, что его собственная жизнь зависит от тебя. Вот тогда возможно ты сможешь переехать из этой помойки.

Обескураженно произношу вслух:

— Как я это сделаю?

Где-то внутри меня прозвучала нескрываемая насмешка.

Этот вопрос пока открытый, посмотрим по обстоятельствам.

Во мне кипят противоречия, и я кидаюсь от одного вопроса к другому.

— Но как я попаду в город?

Жду ответа и вдруг вспоминаю слова главара убийц — его специально задержат и к этому времени уже стемнеет.

«А раз так, — довольный собой, додумываю без посторонней помощи, — то мы будем уже в городе и мне нужно будет всего лишь сбежать от Перла».

«И что дальше? Кто меня станет слушать? Как я остановлю карету?» — В моей голове вновь сумбурно завертелись десятки вопросов, но ответов на них больше не появлялось. То ли заклинание решило так далеко не заглядывать, то ли посчитало не нужным меня посвящать.

Продолжаю лежать и пялиться в связки тростника, из которого сложена крыша нашей хижины. Чувствую, что это последние минуты покоя и надо насладиться ими сполна. Вроде бы ничего еще не случилось, но я знаю точно, с этого момента в моей жизни больше никогда не будет таких вот спокойных, безмятежных минут.

Глава 1

Ночь еще полностью не вступила в свои права, и крепостные стены Джавалгвараха в багровом свете заката нависают над нами зловещими, кроваво-красным утесами. Вечерние, только зарождающиеся сумерки окутывают фигуры воинов у открытой калитки. Один из них шагнул навстречу, пахло кислым пивом и луком. На обнаженной руке мелькнула витиеватая татуировка и бронзовый браслет с гравировкой. Задерживаю на них взгляд и в моем сознании появляется понимание — буквы Ш и М написаны на языке первых людей и означают — школа многоруких, а гравировка на браслете — Триан-Неотразимый Удар 1–3. Что значит, первый дан третьего уровня. Не успеваю удивиться появившемуся знанию, как злые глаза уже впиваются мне в лицо.

— Куда претесь, грязные свиньи!

Острие копья упирается в грудь.

— Для мусорщиков еще слишком светло.

Поднимаю вверх растопыренные руки

— Господин стражник, не гневайтесь на нас. Сегодня нам надо забрать много мусора с улицы Глафар, а это путь не близкий. Можем не успеть за ночь.

Эту отмазку я сам придумал, ну или мне так кажется, что сам. Во всяком случае свой внутренний голос я не спрашивал. Старику Перлу я тоже наплел будто приходил староста, пока тот спал, и приказал идти к улице Глафар вытаскивать трупы из-под моста. Дед согласился выйти пораньше, хоть и ворчал всю дорогу, что стража все равно нас не пустит пока не стемнеет.

Вижу, как морщится лицо стража, и лоб, украшенный зеленой кастой воина, собирается в складки. Глядя на меня он зло кривит губы.

— Ты что не знаешь, тля, неприкасаемым вход в город до темноты запрещен.

— Знаю, господин, — склоняюсь в низком поклоне, — но сам господин префект приказал все убрать до утра, а он, вы же знаете, если не выполним, разбираться в причинах не будет.

В глазах стражника промелькнуло сомнение, префект города — фигура одиозная, и никому не хочется попасть под его горячую руку. Я вдруг понимаю, что читаю этого человека как открытую книгу и мне это чертовски нравится. Раньше со мной такого никогда не бывало, я ощущаю свое превосходство над грозным воином, потому что могу заставить его поступить так, как мне нужно, а он даже не понимает этого. Вот сейчас надо лишь добавить совсем крохотную гирьку, и чаша весов качнется в мою сторону.

— Господин стражник, мы же не пойдем через центр, мы осторожненько самыми окраинами, вдоль стены. Глядишь и стемнеет совсем скоро.

Секундное промедление, взгляд на пики гор, за которыми уже скрылось солнце и еле заметный кивок головы в сторону калитки.

— Валите!

Стражник даже повернулся к нам спиной, чтобы не видеть вопиющего безобразия.

Проходя мимо, склоняю голову еще ниже, чтобы никто не заметил моей довольной усмешки. Еще несколько шагов и мы входим в темную арку. Длинный коридор под толщей городской стены, освещенный пылающими факелами и вот он — город. Впервые, в вечернем сероватом свете, а не в полной темноте. Все выглядит по-другому — улицы, дома, совсем не

так как ночью. Город совсем другой, как и я. Я не узнаю привычные кварталы, так же как я не узнаю самого себя. Моя голова обычно пустая и тяжелая в такие минуты, сейчас забита разнообразными мыслями. Я быстро просчитываю какой дорогой лучше идти, где спрятаться от городской стражи, если напоремся до темноты. Я думаю и решаю. Быстро, четко и меня это нисколько не напрягает. Все это так необычно и удивительно.

Идем вдоль стены, мимо хибар городской бедноты. Пока никого не встретили, но мои глаза внимательно отстреливают каждую мелочь. Городской плебс хоть и такой же нищий, как и мы, но гонору в нем побольше, чем у аристократии, да и бьют они злее. Вечером на улицах города пустынно, а с темнотой они и вообще вымирают. По ночам ходить небезопасно, в крошечной темноте узких улочек и мостов можно легко наткнуться на неприятности. Ночью город принадлежит самому низкому отребью: вора, грабителям, да нам — мусорщикам. С заходом солнца почтенные горожане накрепко запирают крепкие ворота своих домов, спускают собак и спокойно спят до рассвета.

Вот уже и набережная. Старик еле поспевает за мной и все время ноет, — куда ты так несешься, Юни? Успеем мы все сделать.

Я не слушаю и, выглянув из переулочка, озираюсь вокруг. Налево мост, направо чернота улицы Глафар. Отчаянные вопросы забились в голове испуганной птицей.

«Что дальше? Сколько ждать, а может быть карета уже давно проехала?»

Еще немного и Перл начнет ругаться и задавать вопросы. Пока шли, я старался не думать о таком варианте. Так просто не должно быть, — уговариваю себя, — иначе все зря, заклинание, мои новые способности, мои надежды. Всматриваюсь до рези в глазах в темноту, и, «хвала небесам», до меня доносится стук копыт. Радость и страх вспыхивают одновременно.

И, что теперь?!

Отпрянув назад, прячусь за угол и наталкиваюсь спиной на Перла. Его крепкий сухой кулачек упирается мне в ребра.

— Куда ты прешь, черт! То несется как бешеный, то замер как истукан. Что с тобой сегодня!

Не обращаю внимания на его крики и тычки. Слышу лишь топот копыт и скрип приближающейся кареты. Вот уже показались морды лошадей.

Пора!

Голос внутри меня спокойный и уверенный как команда. Я знаю что делать! Мое тело бросается вперед, и руки сами хватают огромные конские морды под уздцы. Дикое, испуганное ржание, брань и испуганный крик Перла.

— Ты куда, дурак!

И все! Лошади встали, карета замерла, и откуда-то с козел посыпалась отборная брань. Передо мной горой вырастает всадник, и в ушах стоит лязг выходящего из ножен меча. Отпускаю поводья и качусь по брусчатке под лошадь. В голове лишь страх, — сейчас убьют и разбираться не будут!

Всадник спрыгивает с коня, и в меня упираются его вспыхнувшие удивлением глаза.

— Мусорщик?!

Я уже знаю, — не убьют, но сейчас начнут бить и больно. Надо терпеть и ждать.

Жесткая рука вытаскивает меня наружу, и кованый носок сапога впивается в ребра. Это пока так себе удар, мужик еще не разошелся.

— Ты куда влез, погань немьятая!

А вот сейчас будет по-настоящему. Гигантская нога взлетает для нового удара, но я стремительно перекатываюсь и совершенно немыслимо для себя группируюсь, принимая на руку лишь крохотную часть разрушительной силы.

Озверевший вояка катает меня по земле как ветер верблюжью колючку, но к своему удивлению я не только цел до сих пор, но даже ребра не сломаны.

— Что случилось?! — Шторка на дверце кареты поехала вниз, и в проеме показалась голова мужчины.

«Это он», — мелькает у меня в голове, и увернувшись в последний раз от разъяренного бугая, вскакиваю и подлетаю к карете.

— Мой господин, впереди засада!

Острие меча протыкает мне кожу на спине.

— Вас хотят убить! — Хриплю из последних сил.

Вельможа неторопливо поднимает руку.

— Постой!

Меч останавливается, и я чувствую теплую струйку крови, побежавшую между лопаток.

— Что ты сказал? — Жесткие глаза напряженно всматриваются в мое лицо.

— Там на мосту, — машу рукой в сторону реки, — вас ждут убийцы.

— Откуда ты знаешь?

Слышу вопрос, но не слышу в нем недоверия, поэтому набираюсь храбрости и смотрю прямо в глаза советнику.

— Знаю и все!

Мгновение он изучает меня, а потом резко бросает команду.

— Парс, проверь!

Всадник за моей спиной, толкнув пятками, посылает коня галопом в сторону моста, и мы все, устремив за ним взгляды, стоим и ждем. Проходит совсем немного времени и оттуда слышится лязг оружия и топот копыт несущегося обратно коня.

— Разворачивайся!

Команда спафария пронеслась, не дожидаясь возвращения разведчика, и кучер, соскочив с козел, начал заводить лошадей.

Я стою и смотрю на всю эту суету. Стою и жду, отщелкивая события с бесстрастностью летописца: Вот кучер с охранником развернули карету, вот примчался разведчик и, склонившись к уху своего господина, что-то яростно ему шепчет. Брошенный на меня взгляд из-под густых бровей, в котором ловлю удивление, заинтересованность и непонимание.

— Неприкасаемый, подойди. — Распахнулась обитая красным бархатом дверца.

Медленно подхожу и опускаю взгляд. Высокий, грузный мужчина, не выходя из кареты, протягивает мне серебряную монету. Что я сейчас чувствую? Даже не знаю. Радость — таких денег мне не увидеть за всю свою жизнь, или разочарование — ведь я ждал совсем не этого. Рука дернулась, но меня словно бы прошил немой приказ — не бери.

Маленький блестящий диск, не встретив моей ладони, запрыгал по камням мостовой. Патрикий посмотрел на меня, затем на застрявшую в брусчатке монету и снова на меня. В его глазах — вспыхнуло удивление.

Всадник, бросив в мою сторону такой же удивленный взгляд, нагнулся к опущенной шторке.

— Господин, надо уходить.

Глава имперского совета кивнул тому в ответ и со словами, — ну как знаешь, —

захлопнул дверцу. Меня захлестывает отчаяние. Моя надежда вырваться из ада тает как дым. Мозги начинают кипеть в попытке найти выход, и там, сейчас, стоит только одна фраза — он должен считать, что ты ему нужен. Слова рождаются во мне сами по себе и сами же по себе вылетают из моего рта.

— Им не удалось сегодня, но они будут пытаться снова и снова, пока не добьются своего!

Поднявшаяся было рука замерла в воздухе, и вместо команды «поехали» зло сжатые губы процедили.

— Ты слишком много знаешь для нищего мусорщика.

Мгновение тишины и, решившись, патрикий бросает командиру охраны.

— Парс, этого возьмем с собой, — и, уже хлопнув дверцей, кричит, — поехали!

Карета начала набирать ход, а я стою и смотрю ей вслед, не зная, что делать, пока не получаю древком копьё по спине.

— Чего стоишь, дурень?! Прыгай на запятки, с нами поедешь.

Дважды говорить мне не надо, догнав в два шага тяжелую карету, запрыгиваю на задний приступок для слуг и уже на ходу вижу сжавшегося за углом старого Перла. Махаю ему рукой и думаю про себя — когда-нибудь я вернусь за тобой, старик, ты только доживи.

Дом патрикия Дициана огромен. Я даже не состояниии представить, что такое возможно. Величественные колонны и мраморные ступени парадного входа. Атриум с бассейном, окруженный со всех сторон двухэтажными стенами и арочными пролетами галереи. За домом еще какие-то постройки и сад, бесконечный и полный невиданных, диковинных растений. И все это освещено как днем сотнями пылающих факелов. Я был настолько ослеплен богатством и размерами дворца, что даже не заметил, как меня протащили на задний двор. Понимание реальности пришло, лишь когда тычок в спину толкнул меня в подвал, а сверху эхом донеслось.

— Посидишь здесь до утра.

Дверь со скрипом захлопнулась, и я разочарованно опустился на гнилую солому.

— Здравствуй чудный, новый мир!

Вытягиваюсь во весь рост и пытаюсь сосредоточиться, — то что я здесь, в подвале это достижение или провал? Что мне ждать дальше?

В голове тут же появился некий второй я, только менее эмоциональный и более разумный.

Если ты думал, что тебя примут с распростертыми объятиями, то это по меньшей мере глупо. Привыкай думать наперед. Ты для Дидала «темная лошадка», ему надо все спокойно обдумать и решить — какова твоя роль в покушении, не подстава ли ты? Поэтому, очень скоро все разрешится.

Слушаю свои собственные мысли как рассуждения совсем другого человека и от этого становится как-то не по себе, а в голове продолжают звучать наставления.

Тебе надо подготовиться, момент очень важный. Если спафарий не сможет понять кто ты такой и чего хочешь, то он может решить, что ты для него опасен и тогда попросту избавится от тебя.

Тут я встревожился.

— Как избавится?

Думаю, наиболее простым способом. Таким, после которого твой труп выловят из

канала такие же как ты мусорщики.

«Ого», — меня пробил холодный озноб, такого финала я себе как-то не представлял.

— Зачем ему меня убивать, — недоумеваю совершенно искренне, — не проще ли просто выгнать на улицу?

Проще?! — Тот другой я, словно скривился в усмешке. — Ты же видел хозяина дома, учись читать людей по их взгляду, движениям, мимике. Такой человек как спафарий Дидал никогда не поступит как проще, и если он чего-то не понимает, то он этого боится, а раз боится, то избавится самым радикальным способом.

Этот внутренний разговор и утомителен, и увлекателен одновременно, мне нравится моя новая способность рассуждать и анализировать. Пусть все это делаю вовсе не я, а какая-то неведомая сила, поселившаяся во мне, но ведь и для меня это не проходит бесследно. Я чувствую себя вновь рожденным, только теперь меня учат не говорить и ходить, а по-новому смотреть на мир, думать и просчитывать не только свои, но и чужие поступки. Я напрягаюсь, принимая и пытаюсь решить задачу, поставленную моим внутренним голосом.

— Значит, я должен открыться ему, — тут я морщу лоб, стараясь нащупать ускользающую мысль, — открыться, но не до конца, а ровно настолько, чтобы он поверил в мою способность предвидеть опасность.

Вот именно, — дополнил меня Голос, — простой честлюбивый паренек, не без интересных способностей, готовый служить своему господину верой и правдой, лишь бы вырваться из болота касты неприкасаемых. Как только он почувствует, что может тебя использовать и контролировать, то успокоится и скорее всего оставит в доме. Пусть это и нарушение закона, но для его статуса не так страшно, гораздо опасней те неведомые убийцы, что ждали его на мосту и которые могут повторить нападение.

— Я все понял, — убеждаю самого себя, — скажу, что увидел его карету и меня озарило прозрение.

Отлично, ты делаешь успехи!

Во внутреннем голосе прозвучало удовлетворение, но я и сам доволен собой, это была стопроцентно моя мысль и мое решение. Никогда до этого мне не доводилось держать в голове такую длинную цепочку и делать самостоятельные выводы.

Свет, брызнувший из открывшейся двери, заставил меня зажмуриться и прикрыть глаза рукой.

Откуда-то сверху гаркнул невидимый из-за солнца стражник.

— Выходи!

Со сна плохо понимаю в чем дело, но привыкшее реагировать на крик тело уже само вскочило на ноги. Затекившие за ночь ноги плохо слушаются, и я еле ковыляю к лестнице.

— Шевелись, доходяга, — голос наполнился ленивым раздражением, — я тебя что, ждать должен!

Прибавляю шаг и взбираюсь по ступеням. Шагаю в слепящее солнечное марево и тут же получаю тычок чем-то острым в живот.

— Куда прешь, не прикасайся ко мне, нечистый!

Привыкшие к свету глаза начинают различать человека, стоящего в шаге от меня. Крепкий, коренастый мужик в начищенной кирасе и синей хорошего сукна рубахе чуть ниже колен. На левом запястье вязь татуировки. Присмотревшись, различаю старинные буквы Б и З. Непроизвольный вопрос, и в сознании появляется их значение — школа бронзовой змеи.

Недоуменно пожимаю плечами и незаметно бросаю еще один взгляд на своего сопровождающего. Вижу зеленую касту воина на лбу, а в приплюснутом сломанном носе узнаю того самого вояку, что чуть не приколол меня прошлой ночью. Как же его патрикий называл? Пытаюсь вспомнить, и на удивление, в голове всплывает имя — Парс. Точно, — обрадованно вскрикиваю про себя, — именно так назвал его Дидал, когда отправлял на разведку. Удивительно мне это потому, что раньше я памятью не отличался, даже пару слов запомнить не мог, а тут надо же только подумал и пожалуйста.

— Ну пошел, пошел!

Толчок в спину чуть не отправил меня на землю, но, пробежав пару шагов, я все-таки удержался на ногах и двинулся в указанном направлении. Шагаем мы в противоположную от дома сторону — по выложенной мрамором дорожке куда-то в глубину сада. Листва высоких деревьев создает над нами зеленый коридор, в котором дневная жара совершенно не чувствуется. Кручу головой, для меня все настолько удивительно, что я даже не задумываюсь, куда меня ведут и зачем. Столько зелени я в жизни не видел, в городе один камень, в поселке — мусор и грязь, а здесь десятки, сотни разнообразных цветов и плодов смотрят на меня со всех сторон. Эх, остановиться бы и поглазеть от души, но думаю, конвоиру такая остановка сильно не понравится. Незаметно кощусь назад, не сбавляя хода. Охранник прямо за мной, и взгляд его сверлит дыру в моем затылке. Ясно, стерегут и не доверяют!

Идем довольно долго, пока не упираемся в низкое неказистое строение. Маленькие окна под самой крышей забраны решетками. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — тюрьма. У меня екнуло под сердцем, допрыгался, сейчас запрут в подземелье и света белого больше никогда не увижу, но деваться некуда, дрожи не дрожи, а назад уже пути нет.

Парс отворяет дверь и вталкивает меня вовнутрь. Передо мной большая комната, свет из двух узеньких окон еле освещает ее, оставляя темную черноту по углам. В большом камине зловеще пляшет пламя, бликуя на кожаном фартуке здорового детины с черной нечесаной бородой. Рядом с ним на каменном приступке разложены щипцы, клещи и прочие орудия совершенно жуткого вида. Мой взгляд бешено перескакивает с одного на другое, с палача на пламя, с орудий пыток на дыбу и вдруг застывает на середине комнаты, где стоит большое деревянное кресло, в котором расположился человек с мрачным выражением лица. С такого расстояния вижу лишь его общий контур и темно-коричневую метку на лбу — каста сановника высшего ранга. От всего этого веет такой жутью, что колени вместе с нижней челюстью начинают неконтролируемо дрожать, и страх сводит члены до судороги.

— Подойди. — Взгляд из кресла уперся мне в лицо.

«Эх, пронеси нелегкая», — еле шевелю босыми ногами по каменным плитам и останавливаюсь в шаге от кресла. Поднимаю голову и узнаю в сидящем хозяина дома.

— Не дрожи, — голос суров, но не гневен, — расскажешь всю правду, может и минует тебя чаша сия.

Сановник для убедительности повел взглядом в сторону орудий пыток.

Стуча зубами, пытаюсь все-таки выговорить слова.

— Я не-е лгу, все ка-ак есть, все как на духу.

— Итак, давай начнем с начала, — глаза Дидала не отпускают меня ни на миг, — кто ты такой и как узнал о покушении?

Напрягаюсь изо всех сил, чтобы глаза смотрели прямо, голос не дрожал и звучал твердо.

— Я, мусорщик, сирота, зовут Юни. В нашем поселке меня все знают.

Вроде полегчало, и дрожь в ногах поутихла.

— Мы с дедом шли к мосту и только подошли к улице Глафар, как я почувствовал зло. Со мной такое уже было, у меня и раньше случались видения, но такое явственное — впервые. В видении я увидел вашу карету и людей в масках, наносящих удары кинжалами. Все было так ярко и четко, что я даже различил ваше лицо и герб на дверце.

Перевожу дыхание, прищуренный взгляд по-прежнему прошивает меня насквозь.

— Потом, я увидел уже реально мчащуюся карету и понял, что это именно она, именно ее я видел в видении.

— То есть, — в голосе спафария Дидала появилось задумчивое сомнение, — ты не знал кто именно едет?

— Нет, не знал, но у меня в душе вдруг настойчиво и требовательно зазвучал приказ предупредить человека в карете. Я был лишь орудием божьей воли, желающей спасти вас от смерти.

Ладонь сановника обхватила подбородок.

— Почему же ты пошел на такой риск, ради чужого тебе человека, ведь тебя могли затоптать лошади, мои люди могли убить?

Я весь подобрался, стараясь, чтобы слова прозвучали максимально искренне, ведь от того поверит он мне сейчас или нет зависела моя жизнь.

— Той воле, что звучала во мне сопротивляться было невозможно. Она приказала спасти вас, мой господин, и я бросился под копыта, не раздумывая.

Человек сидящий напротив, напряженившись, резко нагнулся вперед.

— Может быть эта воля сказала тебе, кто были те люди, что хотели убить меня?

— Нет, я не знаю кто они, я не знаю даже кто вы, я лишь выполнил то, что потребовало от меня видение и сила пронзившая мое тело.

После этих слов воцарилась гнетущая тишина. Глаза Дидала по-прежнему не отрываясь изучали мое лицо, но сам он молчал, и лишь его пальцы, продолжая терзать гладко выбритый подбородок, говорили о мучающих его сомнениях. Наконец, патрикий поднялся и также не произнося ни слова медленно отошел к камину.

Гляжу ему в спину и несмотря на то, что он стоит ко мне спиной почти на другом конце комнаты и обращаясь к чернобородому громиле едва шевелит губами, я отчетливо слышу

каждое слово. Мне даже не приходится напрягаться для этого, я и так, как один сплошной оголенный нерв.

— Что скажешь, Полемий? Врет? Может это такой хитрый ход заслать шпиона в мой дом?

Гигант нагнулся к плечу невысокого патрикия.

— Выбрать мусорщика исполнителем... Не похоже это на козни ваших врагов, господин. Да и уж больно хитро. А результат? Что он может здесь вынюхать? С другой стороны, история странная, и паренек этот что-то не договаривает, это точно. Может «приласкать» его аккуратнo, глядишь чего-нибудь да узнаем.

Дидал в ответ зло сверкнул глазами.

— А если правда? Хранители послали мне предупреждение, а его на дыбу. Не отвернутся ли Великие боги от меня после этого?

Палач резко отпрянул и пожал плечами.

— И так может быть. Провидение выбрало того, кто был рядом и мог помочь, не разбирая кто он и какой касты. Если через убогого с вами разговаривают Хранители, то трогать его нельзя.

— То-то и оно, — рука в задумчивости опять затеребила подбородок, — если это правда, то он может предупредить меня о новом покушении.

Голос шепчущихся в моей голове пропал, зато появилась ироничная усмешка моего второго я.

Все, не потей и расслабься, пытать не будут, первый этап ты выиграл.

Не скажу, что я сразу полностью успокоился, но полегче все же стало. Той неведомой силе, поселившейся во мне, я уже привык доверять.

Спафарий тем временем развернулся и решительными шагами подошел обратно к креслу. Не садясь, он кивнул охраннику, стоящему за моей спиной.

— Этот, — он ткнул в меня пальцем, — останется здесь. Днем пусть сидит в подвале, а ночью работает в саду.

Острый проникающий взгляд еще раз прошелся по мне сверху до низу.

— Одень его поприличней и шляпу какую-нибудь дай. Пусть касту свою прикроет и не дразнит лишний раз наших дворовых.

— Будет сделано, мой господин, — в голосе за моей спиной все-таки промелькнула нотка удивления.

— Ты, — Дидал подошел ко мне вплотную, — запомни. Ты жив пока я верю, что через тебя Хранители посылают мне свою волю, но если я почувствую какой-то подвох, то берегись. Легкой смерти у тебя не будет.

Покорно склоняю голову с мыслью, что уж об этом-то мог бы и не предупреждать. Глаз не поднимаю, встречаться взглядом с хозяином дома совершенно не хочется, вдруг еще передумает. Несколько мгновений изматывающе тянутся до бесконечности, но вот, наконец, спафарий отрывисто бросает Парсу.

— Уведи его.

И я еле сдерживаю вздох облегчения.

Подвал немного лучше того, в котором я провел прошлую ночь, во всяком случае на полу лежит соломенный тюфяк и рядом с ним глиняная миска с кашей. Из маленького зарешеченного окошка пробивается свет и свежий воздух, пропитанный ароматами цветов и

деревьев.

Если разобраться, то жизнь мало изменилась, но все-равно я чувствую себя счастливым, наверное, сказывается постепенно отпускающее напряжение. Несколько мгновений назад я был на волосок от мучительной смерти, но выбрался. Не дрогнул, не сломался, а сделал и сказал все что надо и как надо. Чувствую небывалое удовлетворение, почти гордость за самого себя и это наполняет меня счастливой эйфорией и уверенностью, что все будет хорошо. Я со всем справлюсь, надо лишь набраться терпения!

Внезапно ложкой дегтя в благостно-медовом настроении зазвучал голос заклинания, ставший с недавнего времени голосом моего второго я.

Поменьше чувствительной глупости и побольше внимания к моим словам. В целом ты вел себя неплохо, и там на улице Глафар, и сегодня на допросе. Ты еще не совсем потерял, есть перспективы, но тебе надо кое-что знать. Заклинание ничего не делает и не будет делать за тебя, ты сам должен учиться управлять своим телом и своим разумом, учиться пользоваться теми возможностями, что предоставляет тебе Сияние Тьмы. Я лишь помогаю тебе открывать их, а взять и обуздать энергию заклинания сможешь только ты сам. Ты сегодняшней не в состоянии даже представить до каких высот можешь подняться твой дух и твое тело. Я не буду тебе ничего рассказывать и объяснять, на этом этапе. Это дело глупое и неблагодарное, ты еще слишком необразован и глуп. Всему, как говорится, свое время, скажу только одно — все те необычные изменения, что ты уже успел почувствовать, это всего лишь краешек, лишь тысячная доля твоих возможностей. На сегодняшний день их используешь не ты, это я помогаю тебе! В самые критические моменты, когда твой мозг вопит о спасении, я это делаю, но очень скоро ты должен будешь решить: либо ты сам учишься управлять энергией заклятья, и тут нужны долгие годы тренировок, терпение и глубокое понимание самого себя, либо ты воспользуешься моей помощью.

— Я готов, — в порыве вскрикиваю в голос, — только скажи, как!

Не торопись, идиот! Такая ноша как Сияние Тьмы может раздавить, может разрушить сознание и покрепче твоего. Твой предшественник, например, не выдержал и десятой доли. Ну да ладно, не будем о грустном сейчас. Придет время... А пока, не трать его попусту, каждое мгновение твоей жизни должно быть посвящено изучению самого себя. Следи за собой, наблюдай за всем новым, что в тебе появляется, и все то необычное, что вырывается из тебя произвольно и случайно, ты должен пытаться повторить уже сам! Ты должен пытаться и пытаться, десятки, сотни, если понадобится тысячи раз, пока заклинание не примет твой разум и не позволит тебе безгранично пользоваться его силой.

Когда в мой подвал вошел пожилой мужчина с голубой кастой свободного ремесленника, в маленьком окошке под потолком уже чернела глубокая ночь. Негромкий голос жестко произнес:

— Вставай!

Грустные навывкате глаза взглянули из-за пламени факела.

— Одень вот это.

На тюфяк упали платок, полотняные штаны и рубаха.

Быстро стаскиваю с себя старые лохмотья и одеваю брошенную одежду.

— Выходи, я жду тебя снаружи.

Седой мужчина развернулся и, не дожидаясь меня, вышел. Я тороплюсь, сегодня мой

первый день, вернее, первая ночь в доме спафария Дидала, надо произвести хорошее впечатление. На ходу завязываю платок и взлетая по ступеням, выскакиваю в сад. Грустные глаза встречают меня прямо у порога.

— Подметешь листву на дорожках, почишишь бассейн, наберешь воды...

Я слушаю бесчисленное перечисление работ, заканчивающееся привычными для меня словами.

— И с рассветом, чтобы тебя было не видно и не слышно. Ты понял?

— Понял. — Киваю головой и думаю про себя, что с таким количеством работы саморазвитием придется заниматься днем, сидя в подвале. А когда спать?

Седой как-то странно посмотрел на меня и добавил:

— Вот и хорошо. Только смотри, я утром все проверю, и если что не так, получишь плетей.

Он уже повернулся уходить, но развернувшись добавил:

— Меня будешь звать господин Алисар, я старший садовник в этом доме.

Молча киваю в ответ на каждое слово, изображая понятливость и внимание. Удовлетворенный этим, мой новый начальник разворачивается и уходит, а я остаюсь один в темном густом парке, освещенном только луной и редкими факелами.

Мести листья — это не трупы таскать и нечистоты с улиц убирать, это почти поэзия. Чирк, чирк, чиркает метла по мраморным плитам — волшебный звук. Можно работать и мечтать, работать и любоваться мрачной красотой ночного парка. Дорожка за дорожкой прохожу все, потом бассейн с десятков тяжелых амфор с водой — к воротам кухни. Я даже совсем не устал, как-то радостно и весело на душе, но небо уже сереет, да и задания я все выполнил. Надо уходить, прятаться в свою нору. Разворачиваюсь и неторопливо шагаю к своему убежищу. Дорожка ведет мимо барака для слуг, и я уже почти прошел его, как вдруг слышу скрип двери.

«Вот черт, — екнуло у меня под сердцем в предчувствии неприятностей, — пошлите мне милость свою, Великие Хранители».

Боги видимо заняты делами поважнее и им не до меня, потому что на крыльцо выходят трое парней с желтыми метками крестьянской касты на лбу. Все они примерно моего возраста, только покрепче и поплотнее.

— Эй ты, — тот, что на голову выше остальных уставился на меня, — ты кто, и чего тут шляешься?

Мне бы припуститься сейчас и драпануть со всей возможной скоростью, но с другой стороны я ведь ничего плохого не сделал, даже по городским законам еще мое время. Останавливаюсь и оборачиваюсь к ним.

— Вы мне?

Спрашиваю так, чтобы потянуть время и понять, чем эта встреча может для меня закончиться, хотя и так понятно, что ничем хорошим. Хоть лоб у меня и закрыт, вряд ли в доме хоть кто-нибудь не знает кто я такой, а встречаться с неприкасаемым никто не любит. Говорят, это к несчастью, а уж если такое случается, то вина, конечно же, нас.

Самый щуплый из троицы, привстав на цыпочки, что-то быстро-быстро зашептал в ухо здоровяку. Вижу, как с каждым словом глазки того наливаются раздражением и злобой.

— А ну-ка стой, мусорщик!

Крепыш прыгнул с крыльца и вальяжно направился в мою сторону.

«Ага, сейчас! — Вспыхивает безмолвная мысль в моей голове. — Тут и тупому ясно —

будут бить, зачем, за что, им неважно».

Я неприкасаемый, я приношу несчастье, этого достаточно. Кто это придумал никто не знает, но все верят, а мне бы очень хотелось взглянуть тому человеку в глаза. Впрочем, сейчас не до этого, срываюсь с места и несусь в сторону подвала. Троица как свора гончих по сигналу охотничьего рога кидается за мной в погоню. Несусь изо всех сил, но сопение и топот за спиной говорит, что фора моя невелика. Наддаю еще, благо подвал уже виден, но тут глухой удар в затылок сбивает меня с ног. Лечу через голову, но сознание не теряю, наоборот, четко осознаю каждое мгновение и вижу все вокруг словно бы у меня не два, а десятки глаз. Падаю и, не чувствуя боли, реагирую в десятки раз быстрее.

Камнем достали, успеваю подумать и резко перекатываюсь на другой бок.

Хрясь! В то место, где я только что лежал, жестко впечатывается каблук тяжелого сапога.

«Вот же уроды отмороженные, ведь покалечили бы», — сгруппировавшись, кидаюсь под ноги второму. Чувствую, как врезавшись тот перелетает через меня и с разгона влетает в своего товарища. Вскрываю на ноги, и как раз вовремя. Кулак третьего размашисто по дуге летит прямо мне в голову. Приседая, ноги сжимаются в пружину, и кулак со свистом пролетает надо мной, разворачивая противника на сто восемьдесят градусов.

— На!

Моя ступня впечатывается в подставившуюся задницу, и ее обладатель с шумом летит в шипастые кусты.

Выпрямляюсь во весь рост, у меня есть даже пара мгновений взглянуть на поле боя. Слева, кроя на чем свет стоит весь белый свет, пытаются подняться двое, третий с другой стороны дорожки верещит, ломая розовые кусты.

«Священные небеса, — не могу поверить, — неужто это все я сделал!»

Разворачиваюсь и, не дожидаясь когда эта свора придет в себя, уже шагом направляюсь к своему подвалу.

Лежу на своем тюфяке и пялюсь на яркое пятно света в зарешеченном окне. В голове все-еще стоят моменты прошедшей драки, я снова и снова переживая каждый миг и не могу успокоиться, пока в памяти не всплывают наставления моего второго я. Ты должен повторять все то необычное, что случилось с тобой в критической ситуации.

А что случилось? Спрашиваю самого себя и не могу дать точного ответа. Я вдруг стал невероятно быстрым и ловким. Как это повторить? Разве хоть что-нибудь от меня зависит?

Возбужденно вскакиваю. Как это было? Я уворачиваюсь и кидаюсь в ноги. Верчу головой, внизу каменный пол, падать на такой чревато. Взгляд останавливается на матрасе. Ладно, для начала попробуем использовать его. Пытаюсь изобразить стремительность, прыгаю на тюфяк. Получается коряво. Недовольно поднимаюсь и прыгаю снова. Результат обескураживает, я словно деревянный. Пробую еще раз, еще, и все не то. Может вот так. Подпрыгиваю и пинаю ногой воображаемую задницу. На! Здорово! На еще! Вхожу в раж и, поскользнувшись, с грохотом падаю на спину. Глухой удар затылка о каменный пол.

«Господи, как больно!»

Лежу, открыв рот, и втягиваю воздух, не в силах пошевелиться. Ну все, хватит, так и убится недолго! Кряхтя поднимаюсь и устало сажусь на матрас. Дую на разбитый локоть и усиленно ворочаю мозгами, — что-то я делаю не так, но вот что?

Через какое-то время, стараясь лишний раз не шевелиться, вновь вытягиваюсь на своем

ложе. Лежу, а в памяти опять всплывают наставления моего второго я — изучение и понимание самого себя.

— Интересно, что это значит?

Спрашиваю вслух неизвестно у кого.

— Как мне себя изучать? Разбить голову и посмотреть, что внутри?

Опять дую на кровотокающий локоть и вдруг вспоминаю как все было. Камень в затылок, кубарем лечу на землю, в голове полная муть и вдруг — внезапное прояснение. Но... Небеса Всемогущие! Если я и видел тогда, то точно не своими глазами и слышал тоже не своими ушами. Это были другие чувства, не мои. А перед этим? Что было перед этим? Все летелс передо мной вверх тормашками, а потом муть... Или нет, постой. Чернота перед глазами, словно их завязали черной лентой. Черной лентой! Вот оно что, как он там говорил, пока Сияние Тьмы не примет твой разум. Вот чего надо добиваться, а не прыгать козлом. Но как? Как мне с этим сиянием договориться?

Если книга вам понравилась, поставьте лайк или комментарий напишите. Лучше добрый!)

Это поможет автору стать популярнее и лучше писать.

Промучившись полдня, но так ничего и не добившись, я вырубился на своем тюфяке. Это случилось уже под вечер, и совершенно разбитый — я пребывал в полном бесчувственном блаженстве до тех пор, пока в моих ушах не зазвенел раздраженный крик.

Открываю глаза и вижу красное орущее лицо своего нового начальника.

— Дрыхнешь! Тебе что дня не хватает!

Сапог из добротной кожи впился мне в ребра.

— Подъем! Живо!

Взлетаю над матрасом, забыв про все отбитые места.

— Я сейчас, мигом!

Протираю глаза, одновременно уворачиваясь от следующего удара, и оправдываясь.

— Да, я и не спал вовсе.

Разгневанный Алисар не успокаивается и продолжает орать.

— Запомни, кретин! Солнце село — это значит, ты уже наверху у двери ждешь моего прихода. Если я еще раз спущусь за тобой в эту нору, то клянусь, ты пожалеешь об этом.

Под эти вопли проношусь по ступенькам и выскакиваю в ночной сад.

— Простите меня неразумного, господин Алисар, такого больше не повторится, — всеми силами изображаю раскаяние и готовность к работе.

Мой грозный начальник появляется в дверях и, оценив взглядом мои старания, машет рукой.

— Ладно, первый и последний раз обойдемся без порки.

Оправив длинную некрашеного сукна рубаху и наградив меня еще одним строгим взглядом, он добавил:

— Сегодня тоже что и вчера, плюс отчистишь бронзовые статуи у внутреннего бассейна.

Торопливо сгибаюсь в низком поклоне.

— Да, мой господин.

Сутулая спина Алисара удаляется по мраморной тропинке, и я облегченно выдыхаю, — чего-то он сегодня не в духе.

Все тоже, что и в прошлую ночь, мету, таскаю мусор. Статуи решил оставить напоследок — это второй бассейн в атриуме прямо у ступеней господского дома, а там лучше появляться попозже. Не дай бог кого-нибудь встретишь, там не то что мне, там вообще дворовой прислуге появляться нельзя.

К середине ночи все вроде было закончено, и я, мурлыча про себя детскую песенку, шагаю к бассейну. Полная луна как огромный небесный глаз прорезает парк серебристым мерцающим светом. Вот и бассейн, статуи в человеческий рост в лунном свете совсем как живые, и я не могу избавиться от ощущения, что они вот-вот сойдут с места и начнут реальную охоту Хранителей на морского змея.

— Чушь! — Говорю специально вслух, чтобы избавиться от наваждения и смотрю только на позеленевшие места, затем на кусок ветоши в своих руках и понимаю, что работы тут не на одну ночь и к рассвету я никак не успею.

«Алисар будет недоволен», — с этой мыслью приступаю к работе. Натираю песком заплесневелые места, тороплюсь и вдруг слышу звук распахнувшихся дверей, веселые голоса

и смех. Спаси меня Хранители, только-только успеваю подхватить ведро с песком и спрятаться за статую, как на ступени крыльца выбегает девушка. У меня аж дыхание перехватило, ничего прекраснее я в жизни не видел. Золотые волны распущенных волос стекают по плечам до самой талии, точеное смеющееся лицо и короткая туника лишь создающая видимость одежды.

Сердце застучало как бешеное и, сжавшись за статуей, не могу отвести взгляда, а девушка, обернувшись в темноту дома, кричит кому-то смеясь.

— Ну что же вы, я не буду вас ждать!

Туника, подхваченная ее пальцами ползет вверх обнажая крутую линию бедер, живот, грудь. Взлетает золотая россыпь волос, и крохотный кусочек шелка падает на мраморные плиты.

Я словно замороженный слезу за каждым движением бесподобной богини. Вот ее крохотная ступня вошла в воду, пустив по гладкой поверхности серебряные круги. Она не идет, она скользит, лишь прикасаясь к мраморным ступеням, бесстыдно выставив налитые упругостью груди и покачивая бедрами.

Где-то далеко-далеко, в разрывах тумана здравый смысл, надрываясь, пытается достучаться до моих мозгов. Очнись, идиот! Это не богиня, не мираж, это дочка Дидала, и если тебя здесь застукают, то запорют до смерти! Убирайся пока не поздно!

Да-да, внутренне соглашаюсь с доводами рассудка, но не двигаюсь с места.

Громкий веселый гомон заставляет меня очнуться. Из тени портика появляется еще целая компания девушек и парней. Пьяный смех и радостный крик.

— Ильсана, я с тобой!

Высокая девица, в одно мгновение сбросив с плеч тоненькие бретельки, перешагнула через упавшее к ногам платье и, демонстрируя оставшимся округлости своих ягодич, побежала в воду. Всплеск воды словно послужил сигналом, и все остальные, сбрасывая одежду, с визгом и криками начали прыгать в бассейн.

Вода забурлила обнаженными телами, но мой взор прикован только к одной. Вытянутое тело скользит под водой и выныривает у моего края. Томно изогнутая спина, по белому мрамору рассыпано золото мокрых волос, вздымающиеся груди совсем рядом, я могу дотронуться до них рукой. Из-под воды всплывает еще одна голова с уложенной высокой прической — это та девушка, что первой последовала за хозяйкой дома. Она поднимается во весь рост и лунный свет играет в каплях воды на ее теле. Два женских тела касаются друг друга, и ладонь Ильсаны ложится на грудь подруги, а их губы встречаются в затяжном поцелуе.

Все так рядом, я не могу даже пошевелиться, а вокруг девушек уже два мужских тела. Рельефные, словно вышедшие из-под резца скульптора мышцы, мягкие вкрадчивые движения. Ильсана, оставив подругу, подставляет лицо под мужские губы. Ладони скользят по ее телу...

Я не могу оторвать взгляда, больше всего на свете мне хотелось бы сейчас очутиться там рядом с ней, но вдруг шуршание, и маленький камушек из-под моей ноги, предательски скользнув, булькнул в воду.

Восемь пар глаз, обернувшись, всматриваются в темноту.

— Кто здесь?! — Голос Ильсаны наполнен скорее гневом, чем страхом.

Не знаю кто сейчас более неподвижен, холодная бронза или я. Влипаю в жесткий металл, и к счастью для меня, в этот самый момент, темное облако наползает на луну,

накрывая меня и статую пеленой мрака.

— Там никого нет, показалось! — Мужская рука вновь притягивает к себе девушку, но в этот раз все не так гладко. Ильсана, уперев ладонь в накаченную грудь, грубо отталкивает ее.

— Не хочу, надоело!

Слышу всплеск воды и через пару секунд голова Ильсаны уже всплывает на середине бассейна. Пользуясь моментом тихонечко отползаю назад. Что-что, а двигаться бесшумно жизнь меня научила. Еще пара шагов, и кажется, можно перевести дух — раскидистая акация полностью закрыла меня от бассейна.

«Вот черт, ведро, — с тоской понимаю, что в этот раз мне взбучки не избежать. Работа не выполнена, ведро с песком и ветошь оставлены у бассейна. — Выпорют, как пить дать выпорют!»

Взгрустнув было, я вдруг улыбнулся, — да и черт с ними, не впервой! В моей памяти всплыло видение обнаженной Ильсаны, спускающейся по ступеням, — оно того стоило! Шагаю к своему сараю в какой-то прострации и не пойму в чем дело. Чувство безнадежной потери и отчаянного желания просто рвет меня изнутри, а губы словно бы сами повторяют и повторяют.

— Я хочу ее! О, боги!..

Никогда еще в жизни я ничего так не хотел, как эту женщину. Да я вообще немногого и хотел, может нажраться хоть раз до отвала, так чтобы не лезло больше. Вот такое бывало, но чтобы женщину — никогда. В нашем поселке кусок хлеба всегда ценился выше. Мужчины у неприкасаемых долго не живут, а баб хватает — только руку протяни. Я спал с женщиной и не раз, но сейчас совсем другое. Видение у ночного бассейна стоит перед глазами, и беспросветная тоска сжимает сердце ледяной хваткой. Никогда, никогда я не смогу даже встать рядом с ней!

Шагаю, не видя дороги перед собой, и вслед за отчаянием, как последний рубеж обороны, всплывает злость на самого себя.

«Выбрось эту блажь из головы! Она дочь вельможи, а ты — никто, грязь, даже если бы на твоём лбу не светилась каста неприкасаемых, то и тогда тебе было бы легче дотянуться до луны, чем до нее. Забудь ее или сдохнешь! Собаками затравят за одну только мысль о ней!»

Ноги сами несут меня по знакомой тропе, и может быть, я бы так и бежал от себя, пока не воткнулся бы головой в дверь, но вдруг...

Хрясь! В глазах темнота и затылок словно раскололся на части. Лечу на землю как мешок, прямо лицом встречая жесткую колючую траву.

Не шевелясь, медленно приоткрываю один глаз. Это правило выбито на моей шкуре самой жизнью — если уж тебя сбили на землю, не вставай и не шевелись, целее будешь. Из-под ресниц вижу стоящие вокруг носки грубых сапог. Считаю, раз, два... Пятеро! И тут же меня пробивает, — как же так, почему меня сбили, куда же эта чертово Сияние Тьмы смотрело?

В чем я успел уже убедиться, так это в том, что сила, поселившаяся во мне, любит конкретные вопросы. Вот и сейчас, стоило задать прямой вопрос и в голове тут же возник знакомый издевательский голос.

В твою забитую гормонами и глупостью башку невозможно было достучаться.

Вроде бы ни о чем, одно издевательство, а меня вдруг как озарило, вот что требуется. Очистить разум, отбросить все мысли, желания. Черт, он же мне об этом сразу говорил — откройся,пусти Сияние Тьмы, а я идиот! Надо было дождаться пока голову разобьют,

чтобы понять такую простую вещь.

Тяжелый носок сапога ткнул меня в ребра.

— Очухался?

В другое время я бы зубы стиснул, но вида не показал, что пришел в сознание, а тут, видать, думал не о том, дернулся, и тут же сверху раздалось злобное шипение.

— Притворяется, ублюдок!

Сапог взлетел в замахе, вновь целя мне в ребра. Тело сжалось, глаза закрыты и в голове пустота — ничего кроме страха и ожидания боли. И вдруг, прозрачная чернота ночи словно посерела, как будто в одно мгновение ночь сменилась на туманное сумрачное утро или поздний непогожий вечер. Серая взвесь в воздухе стала почти ощутима на ощупь, липкая и противная как сажа, а вокруг меня все вроде бы тоже самое, но какое-то другое. И тут до меня доходит — все замерло. Носок сапога, секунду назад неотвратимо летевший в мое тело, теперь еле движется. Поднимаю голову. Застывшие оскаленные морды, вскинутый для удара кол опускается так, словно протискивается сквозь плотное серое желе. Все тела вокруг светятся серовато-белым светом будто вымазаны фосфорной краской, а лица размытые и нечеткие. С трудом, но я все-таки узнаю троих из пяти — это мои вчерашние знакомцы.

«Что, втроем не справились, подмогу привели?!» — Аккуратно отодвигаюсь от медленно надвигающегося сапога и встаю так, чтобы не удариться головой о кол и пройти под выброшенным в ударе кулаком. Ощущение, потрясающее! На миг задумываюсь, а что будет если я сейчас ткну одного из них. Осторожно вытягиваю руку и в тот же миг реальный мир обрушивается на меня как смерч. Я словно вывалился из несущейся колесницы. Все кувырком, ветер бьет по лицу, рев и крики!

— Ах, ты ублюдок!

— Держи!

— Бей!

Удар кулаком в лицо сбивает на землю, пять пар ног, мешая друг другу, начинают катать меня по траве. Одно мгновение, и вдруг как провал в яму, все вокруг вновь посерело. Сгрудившиеся вокруг мужики почти застыли в идиотских позах. Выбираюсь, стараясь не задеть чужие руки и ноги, и пытаюсь вообще ни о чем не думать. Болят сломанные ребра, ноет челюсть, но я из всех сил гоню боль и любые мысли. Никаких эмоций, целиком сосредотачиваюсь на сером тумане и только. Осторожно поднимаюсь, пытаюсь сделать шаг, и успеваю лишь выругаться. Серый туман раздергивается как ярмарочный занавес и прямо в лицо летит бешеный крик.

— Вот же пряткая дрянь!

— Держи его!

На спину обрушивается тяжесть здорового тела, в ушах дикий звон и по глазам лупят лучи предрассветного солнца.

«Да что же это такое! — Сбитый с ног падаю на колени, над затылком яростно хрипит чья-то озверелая рожа. Захлестывает ожесточенное отчаяние. — Ну почему! Почему все так!»

Удары сыпятся со всех сторон. Сжимаюсь, закрывая голову руками и готовясь к самому худшему.

И вдруг, вновь тишина. Серая могильная тишина. Уже ничего не пытаюсь удержать, ни пустоту в голове, ни сумрачный туман, просто выползаю из еле шевелящейся кучи малы. Встаю над барахтающимися в серой жиже телами и не знаю, что делать. Любой шаг, любое

движение, любая мысль выбрасывает меня обратно.

— Ааа, черт! — С воплем разворачиваюсь и бегу в сторону сарая, потому что Сумрак стремительно исчезает. У меня в запасе только пара мгновений форы и надо использовать их по максимуму. Голова еще смотрит назад, а ноги уже набирают скорость. Лечу, и вдруг, бац, словно на гору наткнулся. Отлетаю как горох от стены и приземляюсь на задницу, а откуда-то сверху звучит насмешливый голос.

— Для такого прыткого мальчика удивительно, что он не заметил тебя, Грэм.

Поднимаю голову и вижу над собой настоящего великана. Огромный мужичище в стальном панцире криво усмехается на шутку стоящего рядом комита Парса, а тот нагибается, и его холодный, пронизывающий взгляд вонзается мне в лицо.

— Занятный ты мальчонка!

Тонкие губы растягиваются в злой усмешке.

— Пятеро битюгов битый час валтузят одного доходягу и толком даже попасть не могут. Очень занятный.

Он еще раз проходит по мне внимательным взглядом, останавливается на левом запястье и тут же морщится, словно говоря самому себе — да нет, этого быть не может. Еще один быстрый взгляд на меня и выражение жесткого лица вдруг меняется, будто он принял неожиданное решение.

— Как зовут?

Вопрос прозвучал отрывистой командой, и я, вздрогнув от неожиданности, смог произнести только совсем несуразное:

— Кого?

— Встань, идиот, когда говоришь с господином.

В глазах Парса вспыхнул холодный огонь, и вскочив, я согнулся в глубоком поклоне.

— Юни, мой господин.

— Юни неприкасаемый. — Повторил за мной комит, глядя на мой лоб, и опять поморщившись, обернулся к громиле.

— Что скажешь?

Тот лишь пожал плечами.

— Не пойму тебя, Парс, чего ты с ним возишься? Будь моя воля, я бы немедленно выкинул неприкасаемого за ворота.

В глазах комита блеснул нехороший огонек.

— А понимать, Грэм, это не твое дело. Твое дело бойцов в форме держать, а они у тебя как варенные мухи ползают.

В ответ здоровяк как-то по-детски надул губы.

— Зря наговариваешь, Парс, ребята стараются.

— Стараются, говоришь. — Жесткое лицо командира охраны вновь скривилось усмешкой. — Вот завтра и проверим. Возьми вот этого... — Он ткнул в меня пальцем. — И запри до завтра в карцере, а утром выведешь со всеми на ристалище. Посмотрим стараются они или даром хлеб жрут.

— При свете дня неприкасаемого вместе со всеми? — У огромного вояки аж челюсть отвисла, а Парс, нахмурившись, бросил, не оборачиваясь.

— Слишком много вопросов для одного утра. Делай что тебе говорят, а с рассветом я сам разберусь с теми, кому что-то не нравится.

Отрезав, он уже собрался идти дальше, но десятник остановил его.

— А с этими-то чего делать?

Парс, проследив за жестом своего десятника, остановил тяжелый взгляд на сжавшихся в кучку дворовых.

— Этим всыплешь по десятку плетей, чтобы дошло — жизнью каждого живущего в этом доме может распоряжаться только господин наш — спафарий Дидал Ашшур.

Хлопок по спине здоровенной ладони, и я, как горошина, влетаю в темную комнатушку. За спиной с лязгом опускается дверной засов, наваливается черная пустота, и лишь пыльный луч из крохотного оконца напоминает о солнечном дне, оставшемся там по ту сторону двери.

Обвожу взглядом свое новое жилище, все тоже самое, крохотная зарешеченная дыра под потолком, пропахшие копотью стены и грязный тюфяк в углу. Нет, одно изменение все-же есть — это не подвал и не воняет сыростью.

— Что ж, уже неплохо.

Преисполненный фатализма валюсь на тюфяк. Сейчас я настолько рад одиночеству и покою, что ради этого готов на любые условия. В голове роятся десятки вопросов, и каждый требует немедленного ответа.

«Что это было? Почему такого не случилось раньше? Как мне с этим справиться?»

Прерывая поток мыслей, в сознании, вдруг, оживает знакомый скрипучий голос.

Не так быстро. Ты сам во всем виноват. Слышишь не то, что тебе говорят, лезешь туда, куда не просят.

Слегка ошарашенный выволочкой, не могу сдержать недоумения.

— Как же так, ты же сам говорил, расслабься, очисти голову,пусти Сияние Тьмы.

Вот именно,пусти Сияние Тьмы,открой ему свой разум,и оно поможет тебе овладеть силой заклинания.

Что-то в его словах вызывает у меня беспокойство, но я не могу понять что именно, а голос в голове продолжает скрипеть.

Энергия черного заклинания безгранична, а жизнь человека коротка. Ты можешь потратить ее всю и ухватить лишь краешек, апустив Сияние Тьмы в свой разум, можешь добиться всего быстро, получить неизмеримую мощь и бескрайние возможности.

Вот теперь я понял в чем причина и вклиниваюсь в его нескончаемый поток слов.

— Постой, так разве Сияние Тьмы — это не название заклинания?

Минутное затишье, и во вновь зазвучавшем голосе отчетливо прорезались нотки раздражения, и если я хоть что-нибудь в этом понимаю, мой нелюбезный собеседник впервые разозлился на самого себя, словно сболтнул лишнего.

Какая тебе разница! Для тебя сейчас гораздо важнее овладеть хоть малой толикой силы, ведь ты слышал, что сказал комит, завтра тебя выведут на ринг, и его бойцы будут отрабатывать на тебе удары. Если ты не понял, повторю, завтра из тебя сделают грушу для битья. Вопрос только один, сколько ты протянешь?

Именно это я и предполагал, но когда такие мысли произносятся вслух, они звучат намного страшнее. Страх и дурные предчувствия зароились в голове, мешая сосредоточиться на том, что я хотел выяснить. Пытаюсь успокоиться и вернуться к тому, от чего меня так старательно уводит голос.

— Ты не ответил, заклинание и Сияние Тьмы это одно и тоже?

Я помню, что на конкретный вопрос он не может не ответить, и жду. Наконец, с явной неохотой, мой невидимый собеседник вновь заговорил.

Нет! Заклинание — это сконцентрированная голая энергия, безграничная сила, а Прим-Сияние Тьмы — ее разумная часть. Я, Горштреймшарам Раишта ла Кадеш, представляю

Сияние Тьмы, и я могу помочь тебе овладеть искусством управления этой силой, но для этого ты должен добровольно впустить меня в свое сознание.

Из его длиннющего имени я смог уловить только первый слог Гор, но зато, как только он произнес, я могу помочь, у меня сразу всплыло в памяти одно предрассветное утро, когда мы с со стариком Перлом возвращались в поселок. Навстречу нам неспешно катилась двуколка. Крестьянский пацан на облучке, лениво болтая ногами, окликнул меня.

— Эй, бедолага, держи!

На землю рядом со мной упала краюха хлеба. Голодный, я кинулся на нее как коршун. Хруст моих зубов о камень внутри нежданного подарка и бешеный хохот этого гада до сих пор стоят в моей голове, вместе с врезавшимся на всю жизнь правилом — то, что кажется помощью на первый взгляд, скорее всего окажется или подставой, или ловушкой.

подавив неприятные воспоминания, вслушиваюсь в голос, продолжающий вещать.

Помнишь, как все было вначале, как легко и просто ты уходил от ударов — это потому что я контролировал твое сознание, координировал его с энергией заклинания, но я не могу ввести тебя в Сумрак, если твой разум противится мне. Откройся и добровольно впусти меня, и очень скоро вся энергия черного заклинания будет подчинена тебе.

Вещает он очень соблазнительно, но от этого у меня только сильнее растет недоверие и отторжение, а Гор продолжает давить.

Открой мне свой разум и вся энергия подчинится тебе!

Или тебе, — мелькает у меня мысль. Может я и не семи пядей во лбу, но и не совсем идиот, если я сам ничего не умею и ничего не контролирую, то я вообще зачем? Ширма, бессловесная скотинка для переноски таинственных буковок. Нет, этим я уже сыт по горло, и это мне совсем не нравится. Он точно чего-то не договаривает, я это понимаю, но и злить сидящую во мне силу, мне тоже очень не хочется. Начинаю, как мне кажется, очень осторожно.

— А что будет если я не открою тебе свое сознание?

Голос взял паузу, и я дождался пока он не зазвучал вновь, но уже с нотками наигранной грусти.

Плохо будет. Тебе будет плохо, Юни! Тебя завтра убьют или покалечат, а потом бросят подыхать, и ты все-равно умрешь.

Да уж, картина мрачная, но у меня все же есть вопрос и связанная с ним надежда.

— Скажи, если ты мне не помогал сегодня, то значит я сам входил в этот, как ты его называешь — Сумрак?

Да, ты входил сам, — голос Гора преисполнился издевкой, — если это можно назвать входом. Спроси у своих сломанных ребер и подбитого глаза, как им нравится твоя самостоятельность, а ведь это были всего лишь дворовые парни. Да, злые и сильные, но всего лишь слуги, а завтра тебя встретят настоящие бойцы, и поверь, жалеть тебя они не будут.

Сломанное ребро болит и левый глаз заплыл — это в его пользу, не поспоришь, а вот то, что я смог войти с Сумрак сам — это в мою. Запустить себе в башку неизвестно кого я всегда успею, а пока надо все хорошенько обдумать. Время еще есть, надо хотя бы попытаться повторить самостоятельный вход, ведь я даже не представляю, как я это сделал. Здравость собственных рассуждений меня взбодрила, но в открытую отказываться я все же не решился.

— Знаешь, я пока не готов дать тебе ответ, мне надо подумать.

Подумать ты можешь, — в голосе закрипели недовольные нотки, — но не затягивай,

а то я боюсь завтра утром тебе уже нечем будет думать.

Неприкрытый намек на мою возможную завтрашнюю смерть вдруг породил у меня еще один вопрос.

— Скажи, если я завтра умру, то что будет с заклинанием, ведь мертвый я же не смогу его передать?

Заклинание — это сконцентрированная энергия, для нее не существует понятия времени, если понадобится оно может ждать своего часа тысячами.

— А ты? Что будет с тобой?

Не дожидаясь ответа я вдруг добавил:

— И почему этой энергии не подходит твое сознание?

По тому как он ответил, я понял, что все-таки разозлил его, и разозлил основательно.

Слишком много вопросов для такого безмозглого юнца как ты. Ты постоянно думаешь не о том, вот в чем твоя беда, и запомни, я не отвечаю на вопросы о себе.

Голос во мне заткнулся так и не ответив, но и того, что я услышал было достаточно, чтобы кое-что прояснить. Как он сказал — я часть энергии, значит он неотделим от заклинания. И что тогда? Тогда получается он тоже будет гнить в земле вместе с буквами заклинания на моих останках и этого ему очень не хочется.

Я поднялся, улыбаясь от пришедшей мне на ум мысли, — чтобы он не говорил и каким безразличным не хотел бы казаться, но он крайне незаинтересован в моей смерти, и это несомненно плюс.

Ну, а теперь надо попробовать то, что у меня уже получалось — войти в Сумрак. Лучше начать сидя, — я сел и скрестил ноги. Так, полностью расслабиться, очистить голову от любых мыслей.

Попробовал. Ничего! Глушу в себе паническую нотку, — не нервничай, вспомни как все было. Тело сжалось, глаза закрыты, в голове пустота, ничего кроме страха и ожидания боли. И еще, что-то было еще! Пытаюсь снова прогнать всю ситуацию и явственно вспоминаю как в тот момент, когда мое тело лежало сжавшимся неподвижным комочком, я видел над собой свою собственную тень. Вот именно не внизу на земле, а над собой и словно бы даже не я видел эту тень, а я видел себя глазами этой тени.

Бр-рррр! Мотаю головой, пытаюсь разобраться. Еще раз, — стараюсь не радоваться раньше времени, но мне кажется, что я нащупал ту самую путеводную ниточку. Заклинание — это энергия, это не то, что можно потрогать или увидеть, то есть и управлять ей нужно на уровне энергии.

Как это, кто бы мне объяснил? Закрываю глаза от тоскливого ощущения безнадеги. За желающим объяснить далеко ходить не надо, достаточно только слово сказать, но правда, цена за урок уж больно мутная и возможно непомерно высока. Так что давай ка сам, и еще раз. Вспоминай!

Очистил голову, сконцентрировался и очень захотел увернуться от удара. Нет! Не увернуться, а исчезнуть. Перейти в тень!

Вновь закрываю глаза и перестаю думать о чем-либо представляя серую бескрайнюю пустоту и свою тень, висящую над головой. Теперь не открывая глаз взглянуть на себя со стороны, ее глазами, и... Вот он серый мутный кисель и я — это тень, а мое тело сидит прямо подо мной

Ух ты! Хватая ртом воздух, вываливаюсь в реальность. Невероятно! Я — тень!

Перевожу дух. Сердце колотится как очумелое! Сейчас, сейчас, — уговариваю себя, —

надо успокоиться и попробовать еще раз. Почему-то страшновато, словно я на пороге темной комнаты и не знаю что там, но точно знаю — обратно выхода не будет.

— Выхода уже нет, — говорю вслух и закрываю глаза. Полная концентрация и пустота в голове, пытаюсь представить себя парящим над собственным телом. Есть! Вокруг серая мглистая взвесь и мутно мерцающие стены моей камеры. Вижу свое тело, свои закрытые глаза и черную сияющую вязь заклинания на своей левой руке.

Так, я в Сумраке, но что дальше? Мое тело там, я здесь. Как двигаться? Пытаюсь мысленно толкнуть себя вперед. Вроде поплыл, и тут же ударило по ушам десятком грохочущих звуков. Реальность! Еле слышимый мышинный писк и стрекот сверчка на миг превратились в бешеный рев, а полумрак сарая резанул как солнечная вспышка.

Зажмурившись и зажав уши, жду, когда все затихнет. Да уж возвращение не из приятных. Осторожненько приоткрываю один глаз — вроде нормально. Отпускаю уши в полной решимости пробовать еще.

Сумрак! Толкаюсь и вновь реальность рвет ушные перепонки и хлещет светом.

Да что ж такое! Еще раз и результат тот же. Еще, и я уже падаю на землю скрипя зубами от головной боли. Лежу обхватив голову руками и зажав уши, но в сознание все равно пробивается знакомый насмешливый голос.

Ты идиот? Если тебе себя не жалко, то хоть меня пожалей, мне-то зачем такие встряски на старости лет.

Шиплю, уткнувшись лбом в землю:

— Что я делаю не так?

Помочь? Ты же знаешь все можно сделать быстро и безболезненно. Зачем себя мучить?

Не обращая внимания на притворное соболезнование, повторяю:

— Что не так? Это прямой вопрос, ты обязан ответить.

Твоя аура и твое тело — разве они не должны быть вместе?

Голос предельно краток, но я уже бью себя ладонью по лбу — ну как можно было быть таким придурком, ведь это же, и ребенок бы понял. Тень — тело, они должны совместиться!

Пробую еще раз. Вход. Серая вязкая взвесь. Тень. Теперь мысленно расслабляюсь и словно падаю на свое тело. Медленно как невесомое парящее перышко. Судорога и в голове словно вспышка... Хлоп! Распахнулись ресницы и все тоже самое — я теперь вижу собственными глазами. Не скажу, что большая разница, но какая-то разница есть. Все осязаемей и реальней стало, вот что! Медленно поднимаюсь, подхожу к стене. Под ногами хрустит серая пыль, хрустит так словно весь пол засыпан дохлыми тараканами. Протягиваю руку к пульсирующей в сиреневатом свете стене и чувствую, как начинает наливаться тяжестью голова. Все быстрее и быстрее, перерастая в мутная давящая боль. Резь в глазах, и ощущение будто в висок штырь, раскаленный забили.

Хватаюсь за голову и чувствую, как тень медленно всплывая покидает мое тело. Все! Вокруг уже пронзаемый солнечными лучами реальный полумрак сарая. Звук и свет режет сознание, но не так как в прошлый раз — намного мягче и терпимее.

Прижавшись пылающим лбом к холодному камню спрашиваю, не дожидаясь пока боль отпустит.

— Что это было? Почему?

В ответе слышится довольное удовлетворение.

Это плата за излишнюю самонадеянность. Сумрак не место для человека. Иногда

человеку требуется целая жизнь, чтобы научиться держаться в Сумраке хотя бы пару минут.

Ничего не отвечаю, только зубами скриплю. Поживем увидим, уж к чему-чему, а к боли я привычен, с этим-то как-нибудь сладим.

Поднимаюсь и пробую еще раз, терплю сколько могу, пока башку не начинает разрывать на части. Вываливаюсь, отдышался и снова. В маленьком зарешеченном оконце солнечный день сменился ночной темнотой, а я как одержимый все продолжаю бороться за мгновения в Сумраке. Вход и выход проходят уже практически без проблем, но время, что я могу продержаться там, по-прежнему ничтожно мало.

Отчаявшись валюсь на пол без сил и вновь слышу скрипучий голос:

А ты упертый — это похвально. Можешь не рвать жилы, это не дается сразу, тут эффект накопления, чем больше времени в сумме ты проведешь в Сумраке, тем дольше каждый раз сможешь в нем находиться.

Все, о чем я успеваю подумать, прежде чем провалиться в спасительный сон, это — вот же сволочь, а сразу сказать было нельзя.

Подняли с рассветом, особо не церемонясь. Здоровенная лапища Грэма схватила меня за шиворот и одним рывком поставила на ноги.

— Выметайся, щенок! — рыкнул прямо в лицо разинутый в крике рот, и я уже кубарем лечу в сторону двери. Успеваю вскочить и выскользнуть во двор, не давая ему возможности повторить экзекуцию.

Согнувшись пополам, десятник прополз вслед за мной под низкой дверной балкой и, зыркнув в мою сторону, коротко бросил уже на ходу:

— Иди за мной.

Обходим дом вокруг и с противоположного торца останавливаемся у небольшого плаца шагов двадцать на двадцать. Четыре столба огораживают ровный квадрат яркого желтого песка, и у одного из них стоят, балагурия, с десятков бойцов в полной тяжелой броне.

Завидев Грэма, они тут же замолкают и выстраиваются в линию. Зеленые касты воинов, нахмуренные брови, и тяжелые скулы в вырезе поднятых забрал. Кованые панцири топорчатся заклепками и бронзовыми наплечниками. На обнаженных руках почти каждого есть татуировка. Приглядываюсь, различая уже знакомые буквы, а из глубины моего сознания звучит ответ на еще не сформировавшийся вопрос.

Название школы, которую они закончили и пути, которым следуют. Я уже говорил тебе, но учитывая твою «одаренность» повторю — написано на языке первых людей, буквы Б и З означают школа бронзовой змеи, а Ш и М — школа многоруких.

Мне это ни о чем не говорит и вопрос вырывается интуитивно:

— Что это значит?

Получаю в ответ саркастическую усмешку.

Думаешь, сейчас самое время для исторической лекции?

Понимаю, что он прав, да и какая мне разница, какую школу они закончили. Мы уже подошли вплотную, и Грэм завис над строем мрачной скалой. Бойцы вновь засуетились, выравнивая линию, и я, скосив взгляд на гигантскую фигуру десятника, ловлю себя на мысли, что на их месте тоже бы поторопился.

Грэм немногословен.

— Ты! — Тычок в мою сторону. — Одевайся! — Кивок на груды сваленных доспехов.

— Ты! — Зверское выражение лица повернулось к одному из бойцов. — На ринг! Будешь первым.

Пока идет разбрасывание команд, рассматриваю снаряжение. С чего начать? Что-то много здесь всего свалено.

Слышу снова рев Грэма.

— Ты, помоги доходяге!

Паренек из подсобных, в которого тыкнул палец десятника, резво подскочив, стал быстро напяливать на меня все подряд приговаривая при этом то ли специально для меня, то ли чтобы не пропустить чего-нибудь.

— Войлочный поддоспешник.

Куртка из войлока с застежками на спине налезла на меня как чулок.

— Панцирь.

Две железные пластины, связанные кожаными ремнями, легли на грудь и спину.

— Наручи, поножи, наплечники, налокотники, наколенники.

Не успеваю уследить за его ловкими движениями, застегивающими ремни у меня на руках и ногах.

Парень выдохнул и, подняв тяжёлый пояс с кольчужной юбкой, затянул его у меня на поясе.

Двинув ногой, понимаю, что потяжелел как минимум вдвое, но тут на голову опустился шлем, и с железным лязгом закрылось забрало. Глянув на мир сквозь решетку, решительно поправляю себя — втрое, не меньше.

Громогласный бас Грэма прерывает мои подсчеты.

— Чего вы там возитесь, марш на ринг!

Получаю в левую руку щит, в правую — меч, и тычок в спину отправляет меня на песок, подтверждая крик моего помощника.

— Готово!

Сквозь прорези забрала вижу здорового мужика напротив в такой же снаряде, как и на мне. На руке вытатуировано БЗ. Босые ноги вязнут в песке, и сквозь шлем едва доносится голос Грэма.

— Силай, уложи доходягу, но не калечь!

«Силай, надо понимать — это тот бугай напротив, доходяга, естественно, я. Приказано не калечить — уже приятно».

В этот момент лязгнул гонг, и здоровяк стремительно рванулся на сближение, а я, как ни готовился, почему-то в этот момент застыл в непонятном ступоре. Бам! Загрохотало в голове и по тому, что во все забрало уже синее голубое небо, понимаю — лежу. В глазах все плывет и двоится. Сил вообще никаких, не говоря уж о том, чтобы подняться.

Голос Грэма и тычок в бок кованого носка.

— Эй, ты чего разлегся! Живо поднимайся, тебя не валяться сюда привели!

«Ну давай же, давай, — подстегиваю сам себя, пытаюсь побороть навалившуюся слабость, — чего ты ждал, что с тобой здесь в бирюльки играть будут, давай соберись!»

Встаю на колени и тяну время, чтобы отдышаться.

Не дожидаясь меня, звучит звон удара по железу и крик:

— Начали!

Наученный горьким опытом, теперь я уже не теряю время и, не смотря по сторонам, сразу отключаюсь и ухожу в себя. Тень, серая мутная взвесь, мое тело!

«Есть!»

Вокруг неподвижная серость Сумрака! Поднимаю взгляд, и от ужаса чуть не пускаю в штаны. Разинутая пасть здоровенной кобры бьет прямо в забрало. Смяты железные прутья, и у самого носа огромные зубы со стекающей каплей яда.

Удар отбрасывает меня назад, а жуткая змеиная голова отскакивает к хозяину. Теперь я могу рассмотреть всю картину целиком. Силай еле движется — он в реальности, а вот кобра у него над головой — точно в Сумраке. Раздвоенное жало ходит туда-сюда как челнок, и желтые немигающие глаза, не отрываясь, следят за каждым моим движением.

Что еще? Мой взгляд отщелкивает каждую деталь жуткой твари. Раздутый капюшон, длинное, отливающееся темным металлом тело обвивает левую руку человека и пропадает в бронзовой вязи заклинания.

Она ненастоящая! Это чудовище нереальное!

Делаю шаг вперед, и кобра тут же показывает, что реальней некуда. Разжатая пружина

бросается в мою сторону. Разинутая пасть твари щелкает на расстоянии ладони от выставленного щита и молниеносно отлетает обратно.

Облегченно выдыхаю, — хвала хранителям, — и чувствую нарастающее давление Сумрака — пора выходить! Обхожу Силая уже на пределе и стараюсь вынырнуть из Сумрака как можно медленнее, чтобы реальность не ослепила.

Выход! Грохот просвистевшего за спиной меча, оглушающий хруст собственных стиснутых зубов! Продышался, поднял голову. Боец уже развернулся и готов к новой атаке.

Что это было? Мой безмолвный вопрос звучит как панический вопль.

В ответе слышатся довольные нотки:

Это сумрачный страж, так его называют в вашем мире.

Почему ты ничего мне не сказал о нем?

А должен был? Что-то не припомню такого пункта в соглашении. Ах да, ты же отказался от соглашения.

Наигранное удивление просто сквозит злорадным — я же тебя предупреждал.

Не слушая больше, безмолвно ору на себя: — «Брось паниковать это всего лишь змея, пусть бронзовая, пусть сумрачная, но всего лишь тупая кобра, каких ты с десятков придушил за свою жизнь!»

Немного помогло. Противник уже в двух шагах и меч взлетел для удара! Мое тело как натянутая нервная струна. Пора! Шаг в Сумрак и сразу закрываюсь щитом. Удар, треск разбитого дерева и шипящая пасть щелкает зубами уже с внутренней стороны выставленной защиты. Что есть силы бью мечом по треугольной бронзовой башке, и она исчезает, оставив зияющую дыру в моем щите.

Перевожу дух. В сером мареве фосфоресцирующее очертание человека и качающаяся голова кобры над ним, бронзовый капюшон раздут гневом, она готова к новому броску. Вот теперь мне стало по-настоящему страшно! Такой удар должен был разбить змее голову, а ей хоть бы что! Если так пойдет и дальше, то рано или поздно она достанет меня на входе в Сумрак.

Мозг работает на пределе, ища спасительную лазейку, а Силай неуклонно приближается и с каждым мгновением занесенный меч все ближе и ближе, а вместе с ним и жуткая тварь. Места для маневра уже нет! Я сам, своей нерешительностью загнал себя в угол. Отчаянное решение приходит спонтанно. Бросаю взгляд на зажатый в правой руке бесполезный меч.

— Может так от тебя будет больше пользы!

Размахнувшись, швыряю его прямо в голову противника. Бронзовый шелест разжатой пружины и щелчок разинутой пасти перекусывает его на лету. На миг кобра оставила хозяина без защиты. Мой шанс! Рванувшись вперед, толкаю Силая щит в щит. Здорового бугая сносит как пушинку, и я, не глядя на рухнувшее тело, одним прыжком выскакиваю из Сумрака.

Свет бьет по глазам, в голове грохот разорвавшейся петарды! Очумело хватаю разинутым ртом воздух, успокаивая рвущееся из груди сердце. Передо мной пыльная круговерть из рук и ног катящегося в угол противника.

Затравленно озираюсь по сторонам и ловлю напряженно-непонимающий взгляд Грэма, отвисшие челюсти потрясенных бойцов. Я сам поражен не меньше их, простой толчок в Сумраке, а здоровенный мужик в два раза тяжелее меня отлетел словно его лавиной снесло.

Силай поднимается тяжело, его качает и каждый шаг дается ему с трудом. Десятник недовольным жестом показывает ему — убирайся и отрывисто бросает в строй.

— Вы двое на ринг!

Всматриваясь, слежу за приближением бойцов, пытаюсь разглядеть татуировки. Ничего не вижу, зато краем глаза замечаю появившегося Парса, и его пронизывающий взгляд мне совсем не нравится. Он вцепился мне в левое запястье словно хочет заглянуть под кожу. Что-то заподозрил! Все! Больше никаких столкновений, ухожу от ударов и только, иначе они меня раскусят.

Двое атакуют сходу без предупреждений и расшаркиваний. Левый, прикрывшись щитом, размашисто замахнулся, вкладываясь в удар. Вхожу в Сумрак готовый ко всему и с облегчением выдыхаю. Руки этих двоих не светятся таинственными заклинаниями, это просто обычные, милые люди, желающие разmozжить мне башку. Теперь есть время не суетиться и осмотреться по сторонам.

Мать честная, что за зверинец! В серой туманной взвеси над головами выстроившихся в линию фигур качаются раздутые капюшоны разгневанных кобр. От таких же здоровенных как у Силая до маленьких шипящих заморышей.

Зрелище впечатляющее до дрожи! Настороженный взгляд на десятника — у этого нет змеюки, зато есть вторая правая рука. Здоровенная с бронзовым отливом ручища сжимает рукоять гигантского сумрачного меча.

Теперь замечаю, что и такие тоже есть в строю. Жуть! Жуть кромешная! А что Парс? Поворачиваю голову и застываю с открытым ртом. Над головой комита качаются две змеиные головы. Настоящие чудовища толщиной с приличный ствол дерева! Их разбухшие капюшоны возвышаются локтя на три, не меньше, а ядовитые зубы не уступят клыкам тигра.

Нравится? — Голос внутри меня переполнен язвительностью. — *Хочешь остаться со всем этим один на один?*

Не знаю, у меня нет ответа, но вопрос прозвучал очень вовремя, возвращая меня к самым насущным проблемам. Я на ринге и меч первого бойца уже завис над моей головой, второй медленно движется мне в ляжку под самый край юбки.

Вот же сволочь, метит в незащищенное место! Успеваю выругаться и вынырнуть из-под ударов.

Голова уже тяжелая, и висок начинает пульсировать «забитым гвоздем». Выхожу из Сумрака и реальность как всегда обрушивается как лавина. Пот льет в три ручья, солнце режет глаза. Зажмуриваюсь и отпрыгиваю на всякий случай подальше — господи, привыкну я когда-нибудь к этому или нет?!

Еще одна атака, и все по накатанной схеме, такая игра мне нравится.

«Не зарывайся, — остужаю себя, — береги силы! Гоняй их побольше по рингу, пусть попотеют, а в Сумрак уходи только в крайнем случае, когда уж совсем зажмут, иначе этот чертов Сумрак доконает».

Отступаю назад, пока настырные парни не загоняют меня в угол, затем Сумрак и выход у них за спиной. Злорадный оскал — начинайте по новой!

С двух сторон из темных провалов забрал сверлят злые глаза. Тяжелое дыхание гудит как кузнечные меха, и я не могу сдержать торжествующую мысль — что, вам тоже несладко!

Наматываем круг за кругом, и ребятки уже еле движутся. Ловлю жесткий взгляд Парса, брошенный своему десятнику, мол, ну что я говорил. В ответ Грэм рычит на своих подопечных.

— Вы двое пошли вон, а ты, ты и ты, — его палец выдергивает троих из строя, — на ринг.

Солнце уже палит немилосердно. Я тоже не железный, снимаю шлем и утираю мокрое от пота лицо.

Бойцы уже рядом, и по их движениям вижу настроены они решительно. Взгляд отщелкивает татуировки. БЗ, БЗ и ШМ.

Две змеи и один трехрукий, вот же дерьмо! Сплюываю под ноги и вновь напяливаю на голову железную кастрюлю.

Ребятки старательные, быстренько взяли меня в клещи, зажали в угол. Как по сигналу пошла атака сразу с трех сторон, но опыт у меня уже есть. Ухожу в Сумрак с расчетом на удар кобры. У одного змеюка здоровая как у Силая, а у второго намного меньше, жмусь поначалу к нему, думая проскочить по его краю, но чутье подсказывает мне — не надо, уж больно явно подставляют, похоже на западню. Мгновенно меняю направление и выхожу по флангу трехрукого. Поздновато!

Хрясь! Удар чуть не выбивает щит из моих рук. Лезвие сумрачного меча, разворотив центральную заклепку, застряло в плотной древесине. Не задумываясь, бросаю щит и выскальзываю на простор.

Выхожу из Сумрака у них за спиной и, хватая ртом воздух, торопливо плетусь в другой угол. Парни в полной растерянности, по всем понятиям такое невозможно, но деваться им некуда, разворачиваются и заходят снова. Я сам уже на пределе, еле дышу и двигаюсь как зомби. Бегать в железе по солнцепеку у меня привычки нет, дыхалка совсем забила и блевать постоянно тянет, а ребята эти свежие и тренированные.

Еще раз вышел из клинча, отступаю к другому краю и смотрю, Парс подозвал одного из своих бойцов и что-то на ухо ему шепнул. Шумно выдыхаю воздух и глазами слежу за противником. Двое пошли в атаку! Ухожу в Сумрак и шишкастая голова с разинутой пастью, не долетев, зашипела, сворачиваясь для нового броска. Интуитивно жмусь к трехрукому у того радиус действия поменьше. А где третий?

Вот черт! Третий на пару шагов позади своих товарищей, словно ждет когда я начну рывок. Время поджимает, и другого выхода не вижу. Рванул по краю на пределе досягаемости трехрукого. Вжик! Просвистело призрачное лезвие у самого плеча. Вроде пронесло, но голова раскалывается на части, и воздух рвет легкие так, что даже мгновения больше не могу дышать этой серой гадостью. Надо выходить!

Чуть притормозил и тут же рычу от бешенства, — вот же дерьмо! Третий движется слишком быстро, перекрывая проход. Выйти сейчас — попасть прямо под меч, а остаться в Сумраке совершенно неумоготу. Желтые неподвижные глаза кобры высматривают точку удара. Падаю на землю вместе с броском твари. Распахнутая во всю ширь пасть, яркие желтые зубы! Не уйти!

В отчаянии выставляю растопыренные ладони, вкладывая в них неистовое желание спастись. Бац! Звук мягкого удара плоти о невидимую преграду, и змеинная голова размазывается как будто с другой стороны прозрачного стекла.

— Мерзкая тварь! — Истошно вопя, хватаю очумелую кобру позади головы и, хрустнув позвонками, отбрасываю прочь. Бешено качусь по песку и вылетаю из серой мглы на пределе.

Несмотря на ту бешеную кашу, что у меня сейчас в голове, все равно слышу грохот падающего тела и крик боли. Прихожу в себя и потихонечку поднимаюсь, парень с чьим стражем я так безжалостно обошелся все еще лежит на земле, а двое других стоят рядом и не знают что делать.

Кручу головой с Парса на Грэма и обратно — жду решения.

Десятник молча подошел к лежащему и, посмотрев сверху тому в лицо, бросил стоящим рядом бойцам.

— Оттащите к лекарю, пусть посмотрит.

Затем его взгляд нашел меня, и я так и не понял, что было в его глазах в этот момент злость, удивление или раздраженное непонимание. Он не стал задерживаться и поднял вверх три пальца.

— Следующие трое на ринг.

Гремя железом, бойцы по одному выходят на песок, но развернуться им не дает голос Парса.

— На сегодня хватит! — Он вышел вперед и повернул суровое лицо к своим подчиненным. — И так видно, что жиром обросли, еле двигаетесь.

Отводя взгляды, воины уткнулись глазами в землю, один только Грэм встретил суровый разгон командира с поднятой головой. Парс сделал вид, что не заметил вызова и, развернувшись, подошел ко мне. Плотные сжатые губы скривила усмешка.

— Неплохо!

Затем не глядя в сторону Грэма:

— Мальца хорошо накормить и запереть, а завтра с утра, чтобы был здесь вместе со всеми.

Если книга вам понравилась, поставьте лайк!

Это поможет автору стать популярнее и лучше писать.

Едва за моим сопровождающим захлопнулась дверь, как я набросился на свой внутренний голос с вопросами. Что это было? Что за школы, стражи и змеи?

Голос зазвучал так, словно он готовился к разговору как к неизбежному злу.

В сегодняшнем мире кроме твоего Прим-Сияние Тьмы, существуют еще три вида заклинаний: Триан-Неотразимый Удар, Дойс-Идущий Рядом и Эйн-Побеждающее Пламя Человеку с заклинанием Триан войти в Сумрак практически не реально, хотя единичные случаи бывали. С Дойс и Эйн проще, но все равно очень сложно и требует много духовных и физических усилий для достижения симбиоза с энергией заклинания. Именно поэтому еще в древнейшие времена были созданы две школы, они учили людей овладевать силой. У каждой из школ свои пути постижения энергии, но в одном мнении мастера обеих школ сошлись — на начальных уровнях все силы должны вкладываться в создание и развитие сумрачных стражей.

Прервав его, не могу сдержать недоумения:

— Почему они решили начинать с этого, ведь в реальном мире от них нет никакой пользы?

Тяжелый вздох в глубине моего сознания, наверное, должен был соответствовать размеру моей глупости.

Неужели ты думаешь, что такая сила как заклинание Хранителей была дана людям, чтобы они развлекались уничтожением друг друга? Только твой недоразвитый мозг мог такое придумать. Ваши Хранители создали эти заклинания совсем для другого, чтобы вы могли противостоять проникновению Тьмы в ваш мир, чтобы люди могли на равных сражаться с демонами, атакующими из Сумрака. К тому же, каждый сумрачный уровень добавляет человеку и в реальном мире, как в скорости реакции, так и в силе. Взгляни на Парса, того что он достиг в реальном мире, человеку без энергии заклинания никакими тренировками добиться невозможно.

Последнее я почти пропустил мимо ушей, настолько меня ошеломило то, что он сказал про демонов. Значит, тот чудовищный демон в моем видении не был галлюцинацией! Нет, конечно, я слышал про них разные истории, но, как и всякий, всегда считал их больше сказочными персонажами как ведьм, вампиров и прочую нечисть. Реальные проблемы, как не сдохнуть с голоду, в мире неприкасаемых всегда были более насущными, чем какая-то мифическая опасность. А выходит, они реально существуют, раз целые школы посвящены борьбе с ними. Невероятно! Но как бы не был я удивлен, тем не менее не мог не заметить его выражение «ваши Хранители»! Это «ваши» сильно резануло мне слух, но лезть с вопросами я не решился, поскольку довольный устроенной мне выволочкой Гор продолжил:

Определенный путь развития рождает разных стражей, так идя путем школы Змеи, носитель заклинания Триан получает в сумрачные стражи бронзовую кобру, Дойс — серебряного грифона, а Эйн соответственно золотого дракона. Если же он выбирает школу Многоруких, то тогда это будет бронзовая рука, серебряный призрак и золотой летающий меч. Понятно?

Киваю головой, вроде бы все ясно.

Тогда давай побыстрее с этим покончим. Ты сегодня видел только низшее сословие воинов, даже Парс — это всего лишь носитель заклинания Триан. Таких заклинаний много,

заклинаний Дойс в десятки раз меньше, Эйн вообще единицы.

Голос на мгновение задумался и продолжил в раздумье.

Так, что еще тебе надо знать. Ты, наверняка, заметил, что кобры, руки, мечи у разных бойцов различной величины. Все это элементы пути развития и обе школы придерживаются одной классификации, которая появилась еще изначально. Весь путь делится на три дана, в каждом из которых пять уровней. Даны зависят от количества стражей, к примеру, Грэм имеет первый дан максимального пятого уровня, а у Парса второй дан пятого уровня. Третий дан для заклинания Триан практически недостижим, даже если человек посвятит этому всю жизнь. Хотя, те немногие кто достигал этого были великолепными бойцами и даже могли входить в Сумрак, но их за всю историю было единицы. Остальные из тех, что ты видел сегодня, все первого дана значительно низших уровней. Лучшее всех был тот, которого ты покалечил. Любая рана, нанесенная стражу, отражается на его носителе в реальном мире, но убить стража практически невозможно, для этого надо уничтожить заклинание, иначе оно его восстановит. Заклинание восстановит стража не только после полного уничтожения, но и после любой раны или травмы, а вместе со стражем восстановит и его владельца, пострадавшего из-за этого, так что можешь не переживать за того парня, ему ничего не грозит. Смерть же носителя приведет к консервации и перерождению стража, и новый носитель получит его уже в нулевом варианте.

Воспользовавшись паузой втискиваю вопрос:

— А уровни? Как разделяются они?

Гор замолчал и все то время, что длилась тишина, заставлял меня чувствовать неловкость за свое чрезмерное любопытство и несдержанность. Наконец, ему показалось, что демонстрации неудовольствия достаточно, и он продолжил:

Уровни можно различить по размеру и мощи стража. В школе змеи для примера, кобра первого уровня не имеет зубов и практически неотделима от тела, со вторым у змеи появляются клыки, и она уже способна на бросок. Ну, а пятый уровень ты видел у Парса, каждая тварь толщиной с бревно, радиус не меньше трех шагов и зубы с легкостью пробивают стальную броню. Со школой многоруких все обстоит примерно так же. Первый — это просто худенькая ручка ребенка, а пятый, то что ты видел у Грэма — здоровенная ручище с исполинским мечом.

Все это понятно, но меня все-таки терзает вопрос с реальностью. Если все эти монстры оружие только Сумрака и никакой пользы от них в реальном мире нет, то мне никогда не видевшему ни одного демона в глаза, все это кажется странным. Выкладываю ему свои сомнения и, естественно, получаю в ответ скептическую оценку моих умственных способностей.

Вот я не пойму, все люди такие бестолковые, или мне достался самый яркий их представитель! Хватит тупить, вспомни, что сотворил со здоровенным бугаем один твой толчок из Сумрака. Вспомнил, а теперь подумай! Хоть что-нибудь из реального мира помогло бы ему? Хоть десять телохранителей, хоть целая армия, ничего бы его не спасло! Запомни, главная опасность исходит из Сумрака, от тех, кто может входить туда и выходить обратно. Они, как и ты, могут нападать оттуда, и ничто в реальности не может этому противостоять. Здесь, в этом мире на такое способны носители заклинания Триан третьего дана пятого уровня, Дойс второго дана максимального уровня и выше. Также, обладатели заклинания Эйн, начиная с первого дана последнего уровня, а в мире

тьмы — это демоны, дэвы и темные дэвы таких же данов и уровней. Темные дэвы третьих данов особенно сильны, они могут создавать коридоры и выходить из Сумрака в обе стороны, как в мир тьмы, так и в ваш мир. С этими существами на равных может сражаться только заклинание Эйн максимальных данов и уровней. Ну, и еще ты!

Он противно захихикал, наслаждаясь откровенным сарказмом.

Ведь ты же у нас носитель черного заклинания Прим-Сияние Тьмы, самого мощного оружия из всего, что было дано человечеству Хранителями. Жаль только ты ничего не умеешь и вряд ли когда-нибудь научишься, но ведь это твой выбор!

Честно говоря, он меня жутко бесит: «Ну, знаешь ты много чего, ну умеешь, это же не значит, что можно других втоптывать в грязь. Я же учусь, и я еще когда-нибудь обязательно утру тебе нос, если он, конечно, у тебя есть».

подавив в себе обиду, я вдруг подумал, что если бы смог поступить в такую школу, о которых он говорил, то мне не пришлось бы пробивать лбом стену там, где уже построили дверь. И еще мне пришла в голову мысль, что Гор здорово бы взбесился, если бы я нашел себе другого учителя. Спрашиваю его об этом, надеясь позлить.

— Так что же получается, ты не единственный учитель в нашем мире, и я тоже могу учиться в одной из этих школ?

Надежда разозлить Голос не оправдалась, услышав мой вопрос, он в открытую расхохотался.

Можешь, конечно! Вот только на касту свою ты давно смотрел? Может ты забыл, что она значит? Куда ты с ней пойдешь? Да будь ты даже из касты воинов или выше, запомни, как только хоть один человек в этом мире узнает какое ты носишь заклинание, тебя тут же запрут в такие застенки, из которых даже я не смогу тебя вытащить. Запрут, заставят отдать, а потом убьют, чтобы спрятать концы. Запомни это крепче чем свое имя — никто, никто не должен знать!

Его пламенная речь возымела эффект, я даже немного струхнул, представив себя сидящим в глубоком подземелье с кандалами на руках и ногах. Ладно, успокаиваю себя, буду учиться сам, и тут мне вдруг стало интересно.

— А у меня, то есть у черного заклинания какие даны и уровни? Что-то я не видел у себя никакого стража.

Наступившая тишина во мне, могла означать только одно, я опять ступил на какую-то зыбкую почву. Наконец, Гор все-таки заговорил.

У заклинания Прим тоже есть даны. Первый называется защитой. Его начальный уровень — это вхождение в Сумрак. Если ты внимательно слушал все, о чем я тебе рассказывал, то сейчас должен был уловить разницу между тем, что получил ты и лучшим из того чем владеют остальные. Если ты все же не понял, то разъясню попроще. Начальный уровень черного Прим практически соответствует первому дану максимального уровня золотого Эйн. То есть тому уровню, когда владелец заклинания Побеждающее Пламя может войти в Сумрак. Конечно, у него там будет здоровенный дракон, или летающий меч, а у тебя ничего, но тем не менее...

Голос запнулся, словно решил не продолжать эту тему:

Ладно, оставим. Второй уровень ты имел возможность почувствовать сегодня, когда защитился от удара сумрачной кобры. Возможно, ты интуитивно нащупал связь с энергией заклинания и какой-то зачаточный симбиоз у вас развивается, поскольку я должен признать, как бы мне этого не хотелось, то чего ты достиг за несколько дней — это

серьезный прорыв. Возможно, причина кроется в экстремальной обстановке, обострившей твои чувства, может в реальной угрозе жизни, чего ни в какой школе не получишь, но достигнуть второго уровня за два дня без чьей либо помощи — это успех. Это более чем успех! Может быть, ты ему понравился?!

Я почувствовал, как он заколыхался в беззвучном смехе и не стал ему мешать, молча дождавшись, когда голос зазвучит вновь.

Итак, второй дан заклинания Прим называется нападением, его уровни включают в себя различные типы сумрачного оружия. И наконец, третий дан — это проникновение. Способность создавать коридор и проходить Сумрак насквозь, как в мир тьмы, так и в мир света.

Поскольку Гор явно посчитал свой рассказ законченным, а у меня еще было полно вопросов, то я не выдержал:

— Постой, а как же уровни? Какие уровни следующие, чего мне ждать? А что за сумрачное оружие, как его получают?

Я совсем разнервничался.

— А страж! Где мой страж?

Голос Гора наполнился искренним сочувствием.

Ты идиот? Неужели ты до сих пор не догадался? Я твой страж! Все что нужно, это твое согласие, и я не только покажусь тебе, не только стану твоим учителем и наставником, но и встану на твою защиту в Сумраке! Если же ты по-прежнему отказываешься, то и вопросы об уровнях бессмысленны. Как и сегодня, я расскажу тебе о них только тогда, когда ты сам до них доберешься. Это, по-моему, справедливо, как ты считаешь?

Что бы я не считал, но мы оба понимали если я до сих пор не согласился на его условия, то уж точно не пойду на это ради простого любопытства.

Следующее утро прошло почти также как предыдущее, а за ним и следующее, и следующее. День за днем до полудня я бегаю по рингу, а затем в своем сарае — ем, сплю и обдумываю прошедший день. Я уже не одеваю доспехи, зачем, да никто и не требует. Грэм и парни словно привыкли к моей неуловимости, ловушка на троих и даже на четверых уже не проходит. У меня есть призрачный щит и мой сумрачный лимит времени растет день ото дня, его уже хватает на то, чтобы выйти из любого клинча, никого не калеча.

Никого не калечить — это условие как мостик между мной и парнями, они воспринимают меня как забавного зверька — маленького неуловимого и безобидного. После тренировок многие даже позволяют себе похлопать меня по плечу и уважительно позубоскалить, забывая о касте на моем лбу.

В сравнении с моей прошлой жизнью — это почти мечта, никакой тяжелой постыдной работы, никаких побоев и даже капелька уважения. А теперь, когда у меня есть сумрачный щит и пребывание в Сумраке уже доходит до пятнадцати секунд — это к тому же и почти безопасно. Единственная вещь, что беспокоит меня, а что если Грэм или Парс решат попробовать свои силы? Выдержит ли мой Сумрачный щит удар меча Грэма, как действовать с Парсом если его кобры длиной в несколько шагов?

В это утро меня привел один из парней Грэма, сам он за мной уже не ходит. Обычно он стоит у столба и хмуро следит за каждым моим движением на ринге, наверное, мечтает разгадать в чем же фокус. Сегодня, как всегда, встретил меня недобрый взглядом и рявкнул своим парням, что уже молотили друг друга на ринге.

— Хватит на сегодня!

Затем осмотрел линию выстроившихся бойцов и дал задание:

— Сейчас парами побегайте за нашим кузнечиком. Меняетесь по часам.

Он демонстративно поставил на столб песочные часы и, к моему удивлению, тыкнул в мою сторону.

— Ты, одевайся по полной!

Его палец развернулся в сторону уже знакомых доспехов.

Выхожу на ринг в полной броне, недоумевая, чего это Грэм на меня сегодня так взъелся.

Пара уже готова начать, но вместо гонга мы слышим вдруг:

— Отставить!

В голосе Грэма появилась так не свойственная ему почтительность.

— Многих лет жизни господину Дидалу!

Все поспешно склонили головы в поклоне и я в том числе. Смотрю на босые пальцы своих ног, и наконец то до меня доходит, ради кого весь этот цирк с доспехами.

Слышу остановившиеся шаги и уверенно-снисходительный голос спафария:

— Не суетись, Грэм, продолжай как обычно и не обращай на нас внимание.

«На нас? Интересно, кто же еще с ним?» Любопытствую, но глаз без разрешения не поднимаю. Уже проходили, цена за любопытство выбита палками на моей спине. Дожидаюсь, когда за подобострастным, «слушаюсь господин», последует привычное:

— Чего встали, принимайтесь за дело!

Удар гонга и ребята сразу пошли в атаку. Эту пару я знаю, с ними можно не торопиться, делаю ложное движение в сторону, и они сразу притормаживают, перекрывая мне путь, а я

спокойно отхожу в угол. Вот теперь можно и посмотреть, кто же там с господином Ашшуром. Поднимаю глаза, — пресвятые небеса, это она! Вот уж кого я не ожидал увидеть — так это ее. Сегодня Ильсана выглядит совсем не так, как тогда ночью, сегодня она холодное благородство и изящество. Длинная белоснежная стола скрывает ее идеальную фигуру, открывая лишь обнаженные плечи и точеную шею. Гордо вскинутый подбородок, строгий взгляд! Сегодня она еще более недосыгаема, чем той ночью.

Ребята пошли в атаку, и я вынужден оторвать свой взгляд от девушки. Ухожу в Сумрак и в застывшем сером тумане сразу же засветились силуэты бойцов и их сумрачные стражи, нацеленные на удар. Выставляю перед собой открытые ладони вкладываясь в создание щита, и голова кобры впечатывается в невидимую защиту.

«Что, не по вкусу?!»

В моем голосе звучит злорадство и мстительные нотки за весь тот страх, что они заставили меня испытать. Этот момент мне так нравится, что я частенько использую такой прием, специально подставляюсь и ловлю тварь на щит. Слишком уж большое удовольствие видеть размазанную страшную пасть в дюйме от своих ладоней. Сумрачная рука второго меня не беспокоит, я знаю ее длину — слишком коротка, чтобы дотянуться. Вот она рванулась, раздергивая Сумрак взмахом меча, но я даже не выставляю защиту — не достанет. Повадки и возможности всех бойцов Парса уже давно для меня не секрет.

Перед выходом бросаю взгляд на Ильсану — она прекрасна даже в этом сером болоте! Выравниваю дыхание для комфортного выхода и вдруг мой взгляд останавливается на Дидале, и я вздрагиваю от неожиданности. Заклинание Дойс светящейся вязью бежит по венам его левой руки, и тонкая нить от него тянется к маленькому мальчику, прижавшемуся к ногам патрикия. Сумрак уже начинает давить на голову, но я все равно останавливаюсь и, приглядевшись, понимаю — это не мальчик, это скорее карлик со злым, жестоким лицом. Абсолютная копия спафария, только уменьшенная и словно отлитая из серебра.

Жестко вываливаюсь из Сумрака со всем набором побочных эффектов. За любопытство всегда приходится платить! Едва мой слух становится способным различать отдельные звуки, как слышу крик «браво», и редкие хлопки в ладоши. Поднимаю взгляд и вижу молодого парня. Уложенные светлые волосы, расшитая золотом кайма широкой далматики, сандалии из мягкой кожи желтого цвета. Мой вопрос еще не сформировался, но в глубине сознания уже звучит ответ.

Наследник и любимец отца, старший сын спафария Дидала — Лириан.

Рассматриваю сынка из-за решетки забрала. Розовая каста высшего сословия на холеном, породистом лице, семейный волевой подбородок, он даже немного похож на сестру, но все портит капризный изгиб тонких губ.

Возвращая меня на ринг звучит голос Грэма.

— Время!

Гремя железом на песок выходит следующая пара, но Дидал жестом показывает, — подождите. Его палец недвусмысленно приказывает мне подойти. Жесткий пронизывающий взгляд находит мои глаза внутри шлема.

— Сегодня у меня важная встреча, ничего не хочешь сказать?

Вельможа ни на секунду не отпускает мое лицо, и я стараюсь изо всех сил не показать, в каком я сейчас замешательстве. Что ему сказать?

Гор молчит, и явно не собирается мне помогать. Поступаю так, как всегда советовал мне старик Перл — не знаешь что сказать, говори правду:

— Я не чувствую опасности для вас, мой господин!

Тут уж я несколько не соврал, если для кого я и чувствую сейчас опасность, так только для себя. Изображаю преданность как могу и, выпучив глаза, пялюсь на господина Ашшура, но по лицу этого человека совершенно не понять, что он прикажет в следующий момент, отправить меня в пыточную или обратно на ринг. Мгновение тишины длится как вечность, и наконец взгляд Дидала отпускает мои глаза.

— Хорошо!

Он произнес это слово скорее для себя и, развернувшись, молча пошел к дому. Его сын и дочь также молча последовали за ним. Склонившиеся головы всех присутствующих провожали их до тех пор, пока они не скрылись за углом дома.

Весь остаток дня я был под впечатлением этого визита. Отбиваясь и уходя от ударов, я не переставал думать о том, как зыбко мое положение. Что если покушение на Дициана повторится, да меня же в порошок сотрут! Страшные картины пыточных застенков сменялись образами Ильсаны, и все это создавало в голове такую кашу, что оставалось только удивляться как я все-таки не угодил под укус кобры или под удар Сумрачного меча. Слава Хранителям все обошлось, но, честно говоря, когда звякнул финальный гонг я был вымотан до предела и счастлив, что на сегодня все закончилось.

Обратно в свою каморку я почти бежал и по-настоящему спокойно смог выдохнуть, лишь когда загремел засов за уходящим охранником.

Рухнув на свой соломенный тюфяк, вот уже минут пять лежу и обдумываю прошедший день. В голове полно вопросов, и я стараюсь сначала успокоиться, дабы не радовать Гора своими страхами. Все старания оказались напрасными, начинаю все равно с нервных претензий.

— В чем дело, ведь о Дидале был же прямой вопрос, почему ты отмолчался?

Ответ прозвучал так, словно Гор обиженно надул губы.

Что за претензии, никакого вопроса я не слышал. Что же касается господина спафария, то мне было забавно наблюдать как ты разнервничался. Можешь успокоиться, в стане врагов Дидала Ашшура после провала на мосту Глафар полная паника, им сейчас не до новых покушений.

Его насмешливая ирония и уверенность настолько меня успокоили, что даже все вопросы куда-то подевались, но тут вспомнился малыш у ног Дициана.

— Что это за карлик?

В общении со своим вторым я есть одно неоспоримое удобство, ему ничего не надо объяснять, и в этот раз Гор тоже сразу понял о ком речь.

Ты же видел заклинание Дойс у хозяина дома, а это его сумрачный страж — серебряный призрак первого дана, первого уровня. Дидал Ашшур сановник слишком высокого уровня, он считает, что тратить время на развитие заклинания для него непозволительная роскошь. У него больше врагов в реальном мире, чем в сумрачном. Кстати, не советую тебе подходить близко к этому малышу, может показать зубки! Учти, как бы безобидно он не выглядел, но сила этого карлика на целый уровень превосходит мощь руки Грэма, такой страшной на вид.

Гор все говорит и говорит, и его голос не настораживает, а скорее убаюкивает, уводя в сторону от мрачных мыслей. Сила какого-то карлика мало волнует — мне с ним не сражаться. Понимаю, что докатилась запоздавшая усталость, и она берет свое. В тяжелой голове все постепенно отходит на второй план, даже картина пыточной камеры почти

стерлась из моего воображения, а вот образ Ильсаны не оставляет в покое. Она притягивает и пугает меня одновременно, как бушующее пламя — оторваться невозможно, но подойдешь слишком близко и сгоришь до тла!

Голос в моем сознании замолчал, но и сонливость как рукой сняло. Поворочавшись и убедившись, что не засну, я решаю заняться тем, на что последние дни трачу все свое свободное время. Ухожу в Сумрак. Слова Гора о накопительном эффекте Сумрака произвели на меня впечатление. *Чем больше общая сумма проведенного в Сумраке времени, тем дольше твое разовое пребывание.* Моя жизнь напрямую зависит от того сколько я могу продержаться в Сумраке, поэтому я изо всех сил стараюсь раздвинуть границы. Еще одна немаловажная деталь — это скорость вхождения. Мой первый день на ринге всякий раз напоминает мне об этом. Если бы кобра, ударившая в забрало шлема, была посильнее, то моя жизнь закончилась бы еще тогда, так и не успев по-настоящему начаться. Итак, вход! Он должен быть таким быстрым, чтобы я имел преимущество перед стражем, иначе говоря, я должен увидеть его быстрее чем он меня.

Начинаю тренировку. Шаг в Сумрак, тень, вход в тело! У меня уже получается делать это одним усилием воли, не разделяя на этапы. Выход! Каждый раз стараюсь нащупать пути наиболее безболезненного выхода, ведь это тоже потеря времени. Новый вход! Теперь отрабатываю максимальное пребывание. У меня уже есть время осмотреться и понять, что Сумрак — это не безжизненная пустыня, он населен всевозможными тварями, которым совсем не нравится мое появление. Раньше я мог замечать только скользящие где-то вдали тени, но теперь, когда время увеличилось до того, что можно спокойно наблюдать и обдумывать детали, я уже вижу их отчетливо. Это те создания, что так напугали меня в моем первом видении, те, кого я называл адскими псами. Они кружат по границе серого горизонта, с каждым разом сжимая и сжимая круги. Твари все еще не стремятся напасть, они словно бы вынюхивают добычу и стараются понять, кто же я такой. Это, как и то, что я могу в один миг покинуть Сумрак делает их не опасными для меня, а скорее привычно-неизбежным атрибутом Сумрака.

Сейчас я сижу в сером тумане и стараюсь занять себя хоть чем-то, чтобы не заикливаться на нарастающей головной боли и трудностях дыхания. Это единственное, что помогает. Скрестив ноги, рассматриваю поверхность под собой — она плотная и пыльная, как каменистая пустыня, только без ветра и кустов верблюжьих колючек. Провожу рукой и под ней сразу же побежали серые буранчики — такие крохотные вихри из серого песка. Раньше я не обращал на них внимания, не до того было, а теперь меня вдруг пронзила мысль — они всегда появляются с моим приходом и пропадают, как только я замираю и перестаю двигаться.

Занятно!

Провожу ладонью еще раз, вкладывая в нее ради интереса маленький Сумрачный щит, и едва не отпрыгиваю в сторону от неожиданности. Крохотный едва заметный буранчик вдруг взметнулся под моей рукой песочным смерчем. Стало интересно, но пора выходить. Еще один заход в Сумрак, и я уже нацелен посмотреть, что же из всего этого получится. Вхожу и сразу ставлю два щита обеими ладонями. Упираю их в землю, и два серых смерча величиной с меня закручиваются передо мной. С интересом двигаю рукой и вихрь послушно следует за ней. Игрушка мне нравится! Теперь щит в две руки на максимуме, и столб серой взвеси с приличное дерево взлетает в небо.

— Класс!

От восторга закричал в голос, и рот сразу же забился мерзкой гадостью. Кашляя и отплеываясь, вываливаюсь из Сумрака. Не дурак, намек понял! Это застывшее болото не выносит эмоций, а уж тем более их проявлений.

Делаю еще несколько попыток, но эта игра слишком утомительна и быстро надоедает. Вихри крутятся только рядом со мной, всего три четыре шага, а все попытки отодвинуть их подальше оканчиваются ничем. Они просто теряют силу и рассыпаются.

Изрядно намучившись, я заканчиваю тренировку и заваливаюсь на свой тюфяк. Все, на сегодня хватит, чувствую это по своему состоянию. Сумрак он как спрут высасывает энергию из всего живого, и я сейчас чувствую себя так, словно весь день горбатился в поле, не разгибая спины.

С дурацкой улыбкой на губах закрываю глаза. Каким бы нервным и трудным не был сегодняшний день, я все равно доволен. Во-первых, я видел Ильсану — одно это уже способно украсить любой день, во-вторых Гор успокоил меня насчет Дидала, и наконец, я нашел в тренировках хоть какое-то развлечение.

За всеми этими мыслями я даже не заметил, как закемарил, и лязг отодвигаемого засова заставил меня вздрогнуть от неожиданности. С детства не люблю сюрпризы, они ещё ни разу не приносили мне ничего хорошего. Замерев, всматриваюсь в темный проем двери, пока в нем не появляется один из бойцов Парса.

Зычный голос звучит прямо от дверей:

— Выходи!

В нем сквозит недовольство человека, оторванного от чего-то приятного в неурочный час. У меня мурашки побежали по телу, в такое время ради хорошей новости не поднимут.

Иду вслед за охранником и мучаюсь вопросом, кому я понадобился? Своего конвоира не спрашиваю, знаю бесполезно, все рано не ответит. Еще достаточно светло, но уже чувствуется приближение вечера. Солнце скрылось за высокими деревьями, и длинные тени ложатся на дорожку жирными черными мазками. Идем к хозяйскому дому и чем ближе, тем сильнее у меня растет дурное предчувствие. Спина впереди идущего сворачивает к арке атриума, и я следую за ней. Где-то за деревьями слышен звук лютни и поющий мужской голос. Все это не добавляет спокойствия, поскольку мое присутствие в таком месте совершенно недопустимо. Еще несколько шагов и мы выходим к бассейну. Среди стволов пальм расстелены ковры и подушки, на которых расположилась большая кампания. Некоторых из них я хорошо помню. Узнаю черноволосую девицу с высокой прической, одного из накачанных парней, они были слишком близко от меня в ту незабываемую ночь.

— Ну, наконец то!

Оборачиваюсь на голос и встречаю раздраженный взгляд Лириана обращенный к моему охраннику.

— Тебя только за смертью посылать!

Я не понимаю, что происходит, да и вообще плохо соображаю, потому что из-за спины брата выходит Ильсана, и что совсем невероятно, направляется ко мне. Сейчас она сильно отличается от той, что я видел днем, сейчас эта девушка одно откровенное обольщение. Распущенные волосы черной волной скатываются до самой талии, на обнаженных плечах лишь тонкие бретельки короткой туники, а каждое движение только подчеркивает контуры рельефного тела. Она подходит ко мне так близко, что от волнения у меня останавливается дыхание. Запах ее духов кружит голову, приоткрывшийся рот произносит слова смысл которых не доходит до моего разума.

— Так вот ты какой, Юни-неприкасаемый?

Ее огромные зеленые глаза рассматривают меня в упор.

— Там на ринге ты казался куда крупнее.

Длинный покрашенный ноготь чертит светлую линию на загрубевшей коже моей руки, и у меня останавливается сердце. Она знает мое имя!

Наверное, на моем лице написано такое безумное обожание, что Лириан, хмыкнув, бросает сестре:

— Оставь парня в покое, а то он того и гляди в обморок грохнется!

Острый ноготок оставляет мою руку, и зеленые глаза дарят брату презрительный взгляд.

— Может быть, я сама решу, что мне делать, без твоих ценных указаний?!

Голос Ильсаны просто пропитан ядом, но Лириан, не обращая на ее тон ни малейшего внимания, склонился к уху сестры. В этот миг с его лица сползла радушная улыбка, и до меня долетает его злой шепот:

— Моя милая сестрица, мне все равно, хоть затрахай его до смерти, но не сегодня. Сейчас я хочу усадить в лужу этого наглого выскочку Гая. Не мешай мне!

Краска заливает мое лицо, я готов сквозь землю провалиться, а вокруг уже собираются остальные гости. По одиночке и парами к нам потихоньку подтягивается вся кампания. Два десятка любопытных глаз пялятся на меня без всякого стеснения. От такого внимания мне становится не по себе. Кругом пьяные лица с розовыми отметинами аристократических

каст, обнаженные мужские торсы, и полупрозрачные, ничего не скрывающие женские туники. Не понимаю, что им от меня нужно, и чем вызвано такое внимание. Затравленно озираюсь, и в этот момент слышу голос Лириана:

— Так что, Гай, ты готов расстаться со своими деньгами?

Высокий парень с коротко стриженной светлой головой, кинув внимательный взгляд на мою левую руку, скептически хмыкает:

— Не очень-то твой неприкасаемый похож на серьезного бойца.

— Тогда тем более тебе нечего опасаться!

Губы Лириана скривились в насмешке, и он протянул открытую ладонь.

— Так что, наш спор в силе?

Тот, кого он назвал Гаем, сжал ему руку, демонстрирую полную уверенность.

— Ну, раз тебе не жалко своего человека, то я готов развлечься.

Толпа полуголых молодых людей радостно загомонила в предвкушении, а я все еще не могу понять в чем дело, но чувствую, что для меня ничем хорошим это не закончится.

Лириан поднял руку вверх, призывая всех к тишине.

— Мои дорогие друзья, для тех, кто не в курсе, я сейчас объясню. Все мы знаем Гая Эрвиция как непревзойденного бойца. Это не вызывает сомнений, но я готов поставить пять золотых импералов, что вот этот простой необученный парень выстоит против Гая три полных цикла.

Вокруг меня опять побежал возбужденный говор, а я, наконец то, прозрел что эти «милые» люди мне готовят. Первый взгляд на левую руку Гая. Ого, да этот парень скромностью не страдает! Кроме стандартной татуировки ШМ там еще блестит начищенный серебряный браслет с выгравированной надписью «Дойс-Идущий Рядом 2–4». Сразу же просчитываю:

«У него заклинание Дойс второго дана четвертого уровня, и он это демонстративно выставляет напоказ. Чем это мне грозит? — Лихорадочно пытаюсь вспомнить, что там говорил Гор об этом заклинании, с какого уровня оно позволяет вход в Сумрак. Не могу точно вспомнить, и чувствую, как холодный пот побежал по спине. — Если меня увидят в Сумраке, мне конец! Разберут по частям, чтобы докопаться, какое на мне заклинание. Вроде бы для входа в Сумрак нужен второй дан максимального уровня, а максимальный пятый, значит этот красавчик пока еще в шаге от Сумрака. Это хотя бы оставляет шанс! Что еще Лириан сказал? Надо продержаться три стандартных цикла. Что такое цикл я знаю — это стандартные песочные часы. Против бойцов Грэма обычно я стою по одному циклу. Последняя песчинка упала, значит цикл закончился, часы перевернули, пошел второй. Лириан сказал мне надо продержаться три. Это много, это очень много!»

Смотрю как Лириан с добровольными помощниками уже размечает площадку прямо здесь у бассейна. Вот они закончили, и кто-то из слуг поставил на один из столиков большой поднос, накрытый багряной парчой. Лириан, окинув взглядом импровизированный ринг, подошел к столу с подносом. Выждав паузу, он театрально откинул ткань — под ней на серебряном блюде лежат два коротких пехотных меча.

За последние дни я привык к оружию, но то, что я увидел сейчас, означало совсем другое. Это бой насмерть! Причем смерть они рассматривали только мою и спорят они о том, смогу ли я остаться в живых к концу третьего цикла. Странно, но от этой мысли я вдруг успокоился и перестал трястись, где-то в глубине сознания вспыхнул огонек здоровой злости. Им даже в голову не приходит, что их развлечение может закончиться совсем иначе,

и не я, а этот красавец будет лежать на мраморных плитах в луже крови.

Тем временем рядом с оружием выросли два столбика по пять золотых монет и Лириан повернулся к гостям.

— Итак друзья мои, кто хочет сделать ставку?

Это предложение вызвало оживление, и очень скоро ставка на меня упала до десяти к одному. На моих глазах столбик золотых монет за Гая вырос до солидной горки, тогда как за меня по-прежнему оставалось только пять золотых кружков.

Я все еще стою на прежнем месте, а Гай, подойдя к столу, взял один из мечей и, попробовав пальцем заточку, крутанул его в руке. Вид у этого человека абсолютно бесстрастный, словно он собирается шинковать капусту, а не убить человека. Вся эта ситуация кажется мне абсурдом! Почему он хочет меня убить, ведь это совсем не игра? Почему я должен его убивать, ведь он не сделал мне ничего плохого?

Лириан жестом предлагает мне подойти и взять меч, но я медлю в каком-то странном ступоре, и в этот момент у стола вдруг появляется Ильсана. Ее рука со стуком ставит второй столбик рядом с монетами брата. Бросив вызывающий взгляд в сторону гостей, она задержала его на лице Гая, и в этот момент у нее на губах появилась мстительная улыбка. Все это происходит как во сне. Тонкая изящная ладонь поднимает меч, и грозное оружие плывет в мою сторону. Огромные зеленые глаза прожигают меня взглядом, а ее руки протягивают мне клинок. Все звуки вокруг сжимаются до одного едва различимого шепота.

— Покажи мне, какого цвета у него кровь! — Ее губы почти касаются моего лица. — Сделай это для меня!

Я как загипнотизированный кролик молча беру меч из ее рук, и моя ладонь железной хваткой сжимается на рукояти. Длинные пальцы с красными ногтями касаются моей щеки, обжигая словно кусочки сухого льда.

Громкий голос Лириана вырывает меня из ее плена:

— Ну что же, друзья, раз все готовы и ставки сделаны, тогда начнем!

С первым же шагом ко мне возвращаются зачатки рассудочности, а вместе с ними звучит голос Гора.

Ты сейчас меня очень сильно беспокоишь. Мне кажется, ты не понимаешь в какой заднице находишься. Твой щит не выдержит удар стража второго дана Дойс.

Отвечаю ему с решимостью обреченного:

— Я постараюсь не подставляться.

А вот это беспокоит меня еще больше! Ты хоть представляешь, как будешь выглядеть, если попытаешься обойти этого парня в Сумраке? Радиус действия его стражей до пяти шагов, если ты обойдешь их, то для всех ты словно пропадешь в одном месте и появишься в другом. Тут уж подозрения возникнут даже у слепого, а при таком количестве свидетелей ты уже завтра окажешься в лапах Священного Трибунала, если, конечно, доживешь до утра! Дидал Аишур ведь тоже очень любопытен!

После его страстной тирады ситуация и без того мрачная показалась мне совершенно безвыходной. Вся безнадега вылилась в мучительном вопросе:

— Так что же делать?

Голос моего псевдо стража наполнился самодовольной вкрадчивостью:

Я полагаю нам пора вернуться к нашему соглашению. Ты скажешь «да» и мне этого будет достаточно, я прикрою тебя от стражей, а с человеком можешь поступать как хочешь. Хотя я бы посоветовал обойтись без летального исхода. Его отец — крупная

ишишка при дворе, и лишние проблемы тебе ни к чему.

Надо сказать, я уже был готов согласиться, но его рассудительная расчетливость, его плохо скрываемое удовлетворение от всего этого кошмара пробудили во мне злое упрямство. До зубной боли захотелось сделать ему назло, утереть нос этому самодовольному гаду, и Хранители смилостивились надо мной. В один миг в моей голове всплыла совсем недавняя картинка, а вместе с ней и неожиданное прозрение — шанс хоть и мизерный, но есть, и можно обойтись без помощи этого «бескорыстного» помощника. Озарение прибавило мне шагу, и уже на ходу с легким злорадством бросаю своему внутреннему голосу:

— Думаю, возвращаться к соглашению рановато. Я, пожалуй, еще побарахтаюсь самостоятельно.

Гор даже не удостоил меня ответом, но мне он и не нужен. Сейчас я весь в предвкушении своего плана. Если примериваться к тем стражам что я видел раньше, то несмотря на всю их силу и ярость, больше всего мне запомнилась их туповатость. Они всегда без разбора бросались на любое движение в сторону своего хозяина, и если эти такие же, то это мой шанс!

Гай уже в трех шагах, у него на лице в открытую читается легкое недоумение, и я могу представить почему. Такому бойцу как Гай, наверное, достаточно одного взгляда, чтобы оценить соперника. Вот он видит перед собой меня, видит, как я двигаюсь, как держу меч, и понимает, что я полный профан, и уж точно ему не соперник. Гай не может понять в чем подвох, а в том, что подвох должен быть он не сомневается, поскольку уж очень хорошо знает своего «друга» Лириана.

Звучит сигнал! Часы перевернуты, время пошло!

Отхожу в угол, отдавая инициативу противнику, пусть делает что хочет. Гай не торопится, он все еще надеется отыскать ловушку. Что же пусть ищет, я готов простоять в углу хоть все три цикла — время работает на меня. Противник видимо подумал о том же и резко пошел на сближение.

Вот он первый удар. Короткий, без замаха, прямо в живот! Я вижу его за миг до начала, он читается в глазах моего врага. Действую как заведенная пружина! Шаг в Сумрак, и не глядя, не теряя ни единого мгновения, мои ладони ударом «щита» в серую взвесь поднимают два смерча и бросают их в сумрачных стражей Гая. Они — такие же, как и их мастер, и только их нечеловеческие улыбки выдают природу этих монстров. Молния первого призрачного меча разрубает песочный вихрь справа, и спустя миг почти такая же — слева. Это дает мне достаточно времени: две ладони в один щит, и максимально вложившись в защиту, иду напролом по левому краю. Этот Сумрачный близнец мне показался помельче, послабее. Серебряная копия Гая еще движется в незаконченном ударе, и толчок моего щита лишь увеличивает ее инерцию, освобождая проход. Есть! Я уже за спиной противника! Теперь срочный выход из Сумрака и для стражей я уже недостижим, а Гай еще не понимает, в чем дело. В этот момент можно легко все закончить и показать Ильсане цвет его крови, но я понимаю, что Гор был прав, трогать этого золотого мальчика нельзя. Одним прыжком наращиваю дистанцию и уже спокойно отхожу в противоположный угол.

Сердце колотится как бешеное то ли от нервного напряжения, то ли от восторга — все получилось!

Вокруг напряженная тишина, оваций не слышно. Поднимаю взгляд, зрители в немом шоке, никто до сих пор не может понять, как это произошло. Можно поблагодарить Хранителей за то, что среди них нет ни одного человека, реально знающего что такое

Сумрак.

Гай уже развернулся. На его лице полная гамма чувств от бешенства до растерянности. Не отпуская его глаз, позволяю про себя немного иронии, — не такой уж ты хороший боец, Гай, каким тебя считают, уж слишком эмоционален. Словно подтверждая мой вывод, он бросается вперед, стараясь компенсировать свое непонимание скоростью, но глупо соревноваться с Сумраком. Повторяю маневр, и стражи, не отличаясь сообразительностью, вновь атакуют поднятые смерчем песочные столбы. Слежу за левым, вот его меч диагональным ударом рассек серый смерч, — пора! Закрывшись щитом, бросаюсь вперед, не давая тому вновь занести клинок, и одним рывком проскакиваю Гаю за спину. Выравниваю дыхание и выхожу в реальность. В ушах гремит набат, а перед глазами проплывает девчонка, позванивая в маленький колокольчик. Широкая улыбка на довольном лице, тяжелая грудь колышется в такт перезвону.

Дзинь, дзинь, дзинь! Конец первого цикла.

Господи, для них все это игра! В сердцах мне хочется схватить эту грудастую дуру за волосы и заорать ей в лицо. Очнись! Вы что не понимаете, это реальная кровь, реальная смерть!

Сдержав себя, отхожу в свой угол и наблюдаю веселый гомон в углу Гая. Друзья и подружки топчутся вокруг него, подавая воду и вино. Один за другим сыпятся вопросы.

— Интригуешь! Играешься как кот с мышью?

— Хочешь закончить в третьем цикле?

Парень тяжело дышит и, несмотря на показную уверенность, в его голосе проскальзывает легкая растерянность.

— Если вам уже надоело, то я могу все закончить быстро и сразу, только скажите.

Подыгрывая, девушки восторженно запищали:

— Нет, нет! Нам нравится! Это куда увлекательней занудных баллад и треньканья лютни.

Мне тоже хочется пить, но это, видимо, никого не интересует... Хотя нет, один человек все-таки есть. Вижу, как от толпы отделяется Ильсана, мягко как хищная кошка она движется прямо ко мне, ее служанка с кувшином воды тенью следует за ней.

Холодная вода льется мне на лицо, и я жадно хватаю ртом живительные струи. Огромные зеленые глаза, не отпуская, смотрят в упор, мокрая губка смывает соленый пот с груди.

Делаю несколько глубоких вдохов и чувствую себя намного лучше. Я готов продолжить!

Дзинь, дзинь, дзинь! Пышногрудая девица с колокольчиком как раз вовремя.

Короткий взгляд на Ильсану и такое же короткое «спасибо», но она словно не слышит, шепот ее губ обжигает ухо:

— Я хочу увидеть его кровь, не разочаруй меня, неприкасаемый!

Еще одной головной боли мне не хватало! Ильсана явно не из тех, кто легко прощает игнорирование своей просьбы, да мне и не хочется ей отказывать, но убивать Гая мне хочется еще меньше. Что же ты такого сделал, парень, что девушка так жаждет твоей крови?

Гай уже на середине ринга, но неожиданно останавливается и поворачивается к Лириану.

— Хочу внести изменения, ты не против?

Младший Ашшур кривит губы.

— Смотря какие!

Гай подал знак, и его слуга вынес на ринг еще два коротких кинжала.

— Предлагаю для зрелищности добавить оружия, а чтобы уравнивать риски, я удваиваю свою ставку. Что скажешь?

Лириан молчит, и я вижу, что тот хорошо понимает — второй клинок пойдет в актив только Гаю, но то ли он слишком жаден, то ли слишком азартен, но он вдруг соглашается под восторженные вопли пьяных друзей.

К кучке золота прибавилось еще пять монет, а к моим ногам упал второй клинок с узким обоюдоострым лезвием и широкой гардой. Наклоняюсь и поднимаю кинжал, думая в этот момент, что он нужен мне как собаке пятая нога.

Колокольчик зазвонил вновь, и Гай резко пошел на сближение. Теперь все стало чуть сложнее и с непривычки пропускаю неожиданный выпад, чуть было не распоровший мне живот, за ним последовал еще один, но к этому я оказался уже готов. Вхожу в Сумрак, гоня перед собой два вихря серой взвеси. Все происходит стремительно, ни секунды на размышления. Мелькнули взмахи сумрачных мечей, рассекающие пыльные столбы, и я пошел на прорыв! Толкаю одного из стражей в плечо, раскручивая его инерцию и в этот раз все пошло как-то уж больно легко. Я понимаю почему так, лишь когда навстречу вылетает его левая рука с кинжалом. У меня уже нет времени уклониться, точно такой же кинжал, как и у меня несется прямо на уровне моей шеи. Это полная неожиданность, сумрачный двойник абсолютно повторяет своего владельца!

Бесполезные игрушки вывалились из моих рук и, зажмурившись, я весь вкладываюсь в защиту. Косой скользящий удар рубанул по невидимому щиту, и в руках взорвалась нестерпимая боль, будто я только что сунул их в пламя костра. Болевой шок на пороге отключки, но щит выдержал! Кинжал пролетел перед глазами, но страж продолжает свой крутящийся финт и меч в его правой руке уже занесен для удара. У меня лишь миг, и я без раздумий кидаюсь вперед. С новой силой вкладываюсь в щит и как тараном сбиваю с ног сумрачного двойника. Не разбирая и топча распластавшееся тело, прорываюсь за спину Гая, и лишь короткая мысль в голове, — пора с этим заканчивать! В следующий раз так не повезет!

Уже на выходе расчетливо толкаю фосфоресцирующее плечо реального Гая и только потом делаю шаг в реальность. Желтое пламя светильников бьет по глазам как солнечная вспышка. Вокруг стоит жуткий гвалт. Смотрю на результат как мне показалось аккуратного толчка и вижу — не рассчитал. Гай отлетел к мраморной колонне, снеся по пути парочку зрителей, и теперь все сгрудилось вокруг пострадавших. С тревогой заглядываю через спины гостей и с облегчением нахожу Гая живым. Затылок у него правда разбит, но это скорее результат столкновения с колонной. Вокруг бестолково суетится народ, кто-то неумело пытается наложить повязку, но кровавый ручеек все равно бежит, пачкая белоснежную ткань туники. Чувствую движение у себя за спиной и слышу злорадно-ироничный голос Ильсаны:

— Надо же, а кровь у него такая же как у всех — красная!

Поворачиваю голову и встречаю взгляд ее зеленых глаз.

— Спасибо, неприкасаемый! Это тебе, заслужил!

Ее пальцы щелчком подбросили в воздух золотой империал, и я импульсивно поймал его на лету. Ильсана улыбнулась одними уголками губ и, не говоря больше ни слова, проплыла мимо меня к столпившимся гостям.

— Друзья мои, разойдитесь, наш семейный врач уже здесь! Дайте ему пройти, он окажет Гаю помощь намного лучше нас с вами.

Маленький круглый человечек с окладистой бородой просочился в образовавшийся коридор, и я услышал голос Гая:

— Мне не нужен врач! Перевяжите мне голову, и мы продолжим! Я всего лишь неудачно поскользнулся.

«Надо же какой упрямый паренек, — съязвил я про себя, глядя как Гай пытается подняться. Попытка встать получилась не совсем удачной, у моего соперника явно закружилась голова и он, опираясь на подставленные руки, вновь опустился на пол. Было видно каких усилий стоит ему скрыть свое разочарование и злость. Его голос дрогнул, но все-таки сохранил твердость:

— Хорошо! Лириан, ты выиграл и закончим этот глупый спор. Видимо, сегодня не мой день!

Лицо Лириана просияло довольной улыбкой и хорошо спрятанным злорадством.

— Как скажешь, Гай! Каждый может поскользнуться, но если ты захочешь реванша, то только скажи.

Поинтересоваться моим мнением у господ, естественно, желания не возникло, но я на них не в обиде. Вообще я доволен, все закончилось и закончилось как нельзя лучше! У меня новый опыт и возможности — раз! Никто серьезно не пострадал — два! Меня ни в чем не обвиняют и вроде бы даже не подозревают — три! И еще, что немаловажно, благородная кровь Гая все-таки пролилась, значит Ильсана на меня не в обиде! Если бы не осознание того, что этой ночью мне уже вряд ли удастся поспать, то я мог бы сказать, что в этот момент я счастлив!

Надеюсь, вам понравились первые главы моей новой серии! Путь Силы Юни только начинается, и чем дальше, уверен, тем будет интереснее!

Обновления — каждый день!

Если книга вам понравилась, поставьте лайк или комментарий напишите. Лучше добрый!)

Это поможет автору стать популярнее и лучше писать. Будем работать вместе!

Пару дней я ждал последствий инцидента на вечеринке, но все шло как обычно, словно поединка и вовсе не было. Возможно, Гай, действительно, посчитал, что поскользнулся сам, а возможно не захотел афишировать бой с неприкасаемым. В любом случае я доволен и даже немного успокоился. Теперь все свободное время я посвящаю наращиванию силы своего сумрачного щита, та ночь показала, что нельзя терять время. В любой момент может случиться все что угодно и только от моей силы будет зависеть, выживу я или нет. Тот случай, когда своей защитой я сбил с ног стража, подсказал мне отличную идею как контролировать развитие силы. Возвращаясь в свой сарай, я стал прихватывать с собой пару камней и, как только за охранником закрывалась дверь, приступал к тренировкам. Первоначально я хотел двигать камни и таким образом замерять развитие силы щита. Чем тяжелее камень и чем дальше я его сдвину, тем выше соответственно продвинулся. Очень показательно, но сразу же вышла закавыка. Незаметно я смог протащить к себе только небольшие булыжники, а их, как оказалось, даже на своем теперешнем уровне я могу таскать по сараю практически без усилий. И вот тут меня осенило!

Сегодня, возвращаясь с ринга, я подобрал кусочек мягкого песчаника. Охранник с недоумением покосился на меня, но ничего не сказал, даже не поинтересовался, зачем он мне. Так молча мы и дошли до моей каморки, а дождавшись пока я зайду, он тут же захлопнул дверь и загромыхал ключами. Едва стихли его шаги, как я с нетерпением установил камень в угол прямо в стену, между двумя гранитными блоками фундамента, и войдя в Сумрак, надавил на него силовым щитом. Камень вмяло в гранит, посыпалась песочная труха и все!

Разочарованно выхожу в реальность. Не знаю чего я ждал, но этот результат как-то не впечатлил. Переждав приступ неудовлетворенности, вхожу снова и уже вкладываюсь во всю мощь, давя двумя растопыренными ладонями. Хрясь! Кусок песчаника раскрошился на десяток маленьких частей. Давлю еще, растирая осколки в пыль.

Здорово! Выскакиваю из Сумрака и, передохнув, прихожу к идеи вытащить гранитный булыжник из пола камеры. Раньше казалось, что это бессмысленно тренироваться с такой твёрдой конструкцией, но сейчас появилась внутренняя уверенность. Вдох, выдох, восстанавливаю дыхание и ныряю вновь в серую муть. Ставлю камень на место прежнего и пробую раздавить этот. Пыжусь, напрягая сознание и давлю щитом на пределе возможного — безрезультатно. Гранит оказался куда прочнее и не поддался.

Выхожу в реальность с дрожащими руками и весь мокрый от пота.

«Ладно, — успокаиваю себя, — пусть с гранитом не получилось, но песчаник то я раздавил в пыль. Такое голыми руками не сделать, разве что кувалдой».

Отдышавшись, решаюсь спросить свой внутренний голос, хотя мы с ним как бы в ссоре после той ночи и не разговариваем уже несколько дней.

— Что скажешь, какого уровня мой щит?

Наверное, Гор тоже заскучал в тишине, потому что откликнулся сразу и даже не ворчал как обычно.

Могу с уверенностью сказать, что это результат третьего уровня.

Мне это не очень понятно, поэтому переспрашиваю:

— Объясни толком, что это значит? Удар какого стража выдержит такой щит?

Для простоты, в первом приближении можешь считать, что ты выше сильнейшего из заклинаний на один дан, то есть предположительно твоя защита выдержит удар стража заклинания Эйн второго дана третьего уровня, соответственно стража Дойс третьего дана такого же уровня, и любой удар заклинания Триан.

— Значит, сегодня я мог бы играючи справиться с Гаем?

Гор словно специально дожидался этого вопроса, и в его голосе засквозило довольное злорадство.

Что с тобой, человек? Если ты не умеешь считать, так спроси меня, я тебе подскажу. Ты выдержишь удар одного из стражей, а у него их два — это в два раза больше!

Я никогда Гора не видел и даже не представляю, как он мог бы выглядеть, но по голосу он просто лоснится от удовольствия. Как же поставил человечешку на место! Ладно, вижу обрадовался я рановато, но все равно полного понимания у меня нет. Пытаюсь не злиться и спрашиваю, словно бы не замечая его злорадства.

— Так что два стража Гая проббили бы мой сегодняшний щит?

Гор демонстративно вздохнул как старый учитель, уставший от тупости своего ученика.

Все тебе надо разжевывать, ну неужели непонятно — ничто не вечно. Каждый удар уносит часть энергии из твоей защиты и понижает порог ее пробиваемости. Удар стража заклинания Дойс второго дана такого же или более высокого уровня чем твой, снизит порог пробиваемости на два уровня, третьего дана на 3 уровня. То есть два стража Гая пробьют твою сегодняшнюю защиту со второго удара. Если ты заметил закономерность, то уровень силы от заклинания к заклинанию увеличивается примерно на дан, значит удар заклинания Эйн первого дана третьего уровня и выше, снизит порог твоей защиты на два уровня, а второго на три.

У меня аж голова закипела от подсчетов.

— Подожди, у меня что-то не сходится! Если первый дан моего заклинания Прим имеет пять уровней, то на самом высшем моя защита будет непробиваема для удара заклинания Эйн второго дана пятого уровня, а как же быть с ударом третьего дана Эйна? Насколько я помню твои слова, развитие моей защиты заканчивается на первом дане, и следующий дан — это нападение.

На пятом уровне первого дана у тебя заканчивается развитие пассивной защиты, и да, удар третьего дана заклинания Эйн твоя пассивная защита не выдержит. У вас, у людей, есть поговорка — лучшее средство защиты — это нападение! Она как раз и отображает реальное положение дел. Развивая второй дан, ты вместе с нападением наращиваешь и активную оборону, не позволяя наносить по себе удары.

Обескураженный я улегся на матрас. Выходило, что чем дальше, тем страшнее, и лучше вообще не задумываться о будущем. Ведь рано или поздно моему безбедному существованию здесь, в доме Дидала, придет конец. Лириан поспорит с еще одним дружком покруче, и меня увидят в Сумраке, или Парс догадается. Что тогда? Лучше не думать. Единственно возможный путь для меня — это развитие. Развитие как можно быстрее! На худой конец всегда можно принять предложение Гора.

С этой мыслью я как-то успокоился и заснул, бормоча про себя: «Но это только в самом крайнем случае».

Жара сегодня стоит совершенно невыносимая, и Парс, сжалившись над своими парнями, жестом остановил приготовившуюся выйти на ринг пару.

— Ладно, на сегодня достаточно. — Каменное лицо комита скривила ухмылка. — Завтра отработаете.

Глава стражи дома Ашшура, не став больше ничего добавлять, развернулся и молча двинулся в сторону господского дома, а Грэм, проводив взглядом его спину, рывкнул:

— Чего встали, команды не слышали! Доходягу в сарай, а остальные в казарму. Свободны!

Я было потихоньку двинулся в сторону своего «добровольного» убежища, но стражник, что сегодня конвоирует меня, дернул за рукав.

— Не туда, пойдем через хоздвор.

На это у меня в голове сразу же появилось с десяток возражений. Идти дальше — раз, да и тащиться придется по открытому двору по самому солнцепеку — два. Не лучше ли через парк. И короче, и в тени. Подумав, я все же не стал излагать свои соображения вслух. С одного взгляда на туповато-мечтательное выражение лица моего охранника становилось ясно, что заход на хоздвор связан с его непременным желанием увидеться со своей зазнобой, работающей на господской кухне. А раз так, то никакие мои возражения его все-равно не остановят.

Молча шагаем по мраморным плитам, мой страж не сводит взгляда с кухонного крыльца, в надежде, что подруга случайно выглянет во двор. Впереди вытянулись цепочкой несколько телег, и дворовые разгружают привезенный товар. Квестор Фарон, заложив руки за спину, важно прохаживается мимо разложенных в кучи мешков, а следующий за ним писарь старательно ловит каждое его слово. Еще бы, квестор — глава канцелярии спафария, после семьи — это самый главный человек в доме. Одного его слова достаточно, чтобы стереть в пыль любого из слуг Дидала, не говоря уже о рабах.

Охранник сворачивает поближе к дому и сбавляет шаг, так что мы еле волочим ноги. Движемся по дуге, обходя телеги и толпящийся народ, но деваться тут особо некуда, и мы проходим мимо грозного Фарона буквально в шаге. Кухонная дверь по-прежнему закрыта, и лицо моего конвоира с каждой секундой становится все мрачнее и мрачнее. Хмыкнув и пожалев про себя страдальца, я поворачиваю голову и слышу слова квестора.

— Так, прибавь еще восемь. Итого, двадцать четыре плюс восемь...

Пробегаю взглядом по разложенным на равные кучки мешкам, и в уме у меня вдруг возникают странные цифры: «Девять куч, в каждой по восемь мешков и еще одиннадцать по четыре. В целом, сто шестнадцать». От удивления произношу эту цифру вслух и тут же вздрагиваю от неожиданности. Стоящий ко мне спиной Фарон, резко развернувшись, уставился на меня прорезями цепких колючих глаз.

— Что ты сказал? — Голубая купеческая каста на морщинистом лбу поплыла вверх, усиливая раздраженное удивление на вытянуто-аскетическом лице квестора.

Меньше всего мне хотелось бы сейчас неприятностей с таким человеком как Фарон, и я не знаю, что ответить, поскольку и сам не очень-то понимаю смысл того, что произнес. Пока я ошарашенно молчу, писарь, разглядывавший свой список, вдруг нагнулся к уху квестора и прошептал:

— Мой господин, такая цифра у нас была, когда мы пересчитывали во второй раз.

Вот тут я пораженно понимаю, что не задумываясь, мысленно задал вопрос и мгновенно получил ответ — сколько точно мешков свалено здесь во дворе.

Недовольно зыркнув на своего помощника, квестор вновь повернулся ко мне.

— Я задал тебе вопрос. — Не сулящий ничего хорошего взгляд вонзился мне в лицо, —

Отвечай.

Опустив глаза в землю и изображая покорнейшее смирение, бормочу:

— Я никого не хотел обидеть. Только пересчитал мешки. У меня вырвалось случайно.

Глубокая озадаченность собралась складками на лбу квестора, и я осознаю, что они с писарем уже несколько раз пересчитывали мешки и каждый раз получали отличный от предыдущего результат. Словно в подтверждение моей догадки, Фарон остановил мой лепет.

— Ты хочешь сказать, что посчитал вот так сходу? — Рука квестора вынырнула из-за спины и, отстегнув с пояса кошель, высыпала на ладонь горстку серебряных монет.

— Сколько? — Заинтересованный взгляд вновь уставился мне прямо в лицо.

Не успеваю даже мысленно повторить за ним, а в голове уже рождается ответ.

— Двадцать семь. — Стараюсь произнести уверенно, не отводя взгляда от буравящих меня глаз.

Пересчитав по одной, Фарон глубокомысленно хмыкнул и обернулся к продолжающему подсчет мешков писарю.

— Ну, что там?

Тот, закончив чиркать отметки на вощенной табличке, удивленно воскликнул:

— Надо же, а этот паренек прав. Ровно сто шестнадцать.

Поморщившись, словно ему очень не хочется связываться с непонятным, но по долгу службы он обязан довести дело до конца, квестор, уже не глядя на меня, пробурчал почти скороговоркой:

— Двенадцать по семь, плюс восемь по четырнадцать и еще пять по семь... Сколько всего?

Повторяю за ним бессмысленные для меня цифры, и ответ срывается не успевают глава канцелярии закончить.

— Двести тридцать один.

Фарон бросает быстрый взгляд на свои записи и надолго застывает в молчаливой задумчивости. Весь двор затихает вслед за ним и с интересом ждет, чем все закончится. Мой конвоир тоже терпеливо топчется позади, для него квестор такой же царь и бог, как и для всех остальных. Наконец, Фарон поднимает взгляд.

— Где ты научился счету, неприкасаемый?

Пожимаю плечами, помня, что на все вопросы надо давать убедительные, но непроверяемые ответы.

— Как-то жил у нас бродячий дервиш, он и научил. — Говорю так, потому что нищие и бродяги частенько забредали в поселок, а среди них встречались разные люди.

Квестор по-прежнему не спускает с меня недоверчивого взгляда, но что-то в его глазах изменилось, и я вдруг отчетливо понимаю в чем дело: «Сейчас ему чертовски нужен такой человек как я, поскольку время сбора урожая и со всех поместий и ферм спафария поступает зерно, мясо и прочее... Все надо учесть, пересчитать, излишки продать и кругом нужен счет, счет и счет... Такой человек ему нужен, но он не хочет связываться с неприкасаемым. Дилемма!»

Мне даже стало занято — что же он выберет, и я с интересом жду решения, почему-то уверенный, что нежелание иметь дело с отверженным победит.

Внутренний раздрай так ярко отображается на лице Фарона, что мне даже жалко его становится. Мучается бедолага выбором, а мне пока совершенно безразлично. Переход в канцелярию квестора еще неизвестно чем обернется, а к своей теперешней жизни я привык,

и она мне даже начала нравиться. А что, попрыгал полдня по плацу, а все остальное время — мое. Могу тратить его на саморазвитие, а могу просто дрыхнуть носом в тюфяк. Никому дела до меня нет.

Пока я размышлял, Фарон видимо пришел к какому-то решению, потому что морщины на его лбу разгладились, и во взгляде вновь появилась пренебрежительная надменность. Губы главы канцелярии скривились в усмешке, а указательный палец ткнул в ствол большой акации.

— Если уж ты так поднаторел в счете, то, может быть, скажешь сколько листьев на этом дереве?

Окинув снизу-вверх густую раскидистую крону, осознаю, что надо мной сейчас откровенно издеваются, и, не задумываясь, выкладываю первое появившееся в голове число.

— Девять тысяч семьсот пятьдесят один.

Ожидавший, видимо, совсем другой реакции, Фарон озадаченно покосился на зеленые ветки, и в его голосе зазвучала неприкрытая угроза.

— Уверен?! Готов ответить за свои слова головой?

В чем я уверен, так это в том, что пересчитать и опровергнуть мой ответ, никому здесь не под силу, поэтому спокойно выдерживаю придирчиво-вопросительный взгляд.

— Да. Если вы сомневаетесь, господин, то всегда можете пересчитать и проверить. — Абсолютной серьезностью тона и туповато-подобострастным выражением лица пытаюсь скрыть предательскую улыбку. Понимаю, юмор тут не в почете, и Фарон не потерпит в свой адрес и тени насмешки.

А тот действительно прошил меня пронизывающим взглядом и, не найдя ничего к чему бы удалось зацепиться, вдруг произнес, пересиливая самого себя:

— Пойдешь со мной, у меня есть для тебя работа.

Стоящий за моей спиной стражник, наконец-то решился подать голос:

— Господин квестор, а что мне сказать Парсу?

Маленькие, колючие глазки Фарона мгновенно переключились с меня на охранника, и все раздражение, что скопилось в нем за эти минуты, выплеснулось на подставившегося беднягу.

— Ты оспариваешь мое решение!?! — Голос квестора стремительно наполнился злой силой. — Да, как ты смеешь вообще вякать здесь!?! Ничтожество!

— Что вы, господин! — Лоб стражника, несмотря на жару, покрылся холодной испариной. — Я же ничего... Просто спросил...

Сбросив пар, Фарон понизил тон и процедил уже с надменным презрением:

— Мне плевать, что ты скажешь комиту Парсу, но этого, — его палец ткнул в мою сторону, — я забираю. Если у главы охраны появятся вопросы, то он знает, где меня найти.

Посчитав этого достаточным, квестор развернулся и уверенно зашагал в сторону дома, а я в полной растерянности бросил взгляд назад — мол что-делать-то? Не найдя никакого ответа на перепуганном лице своего охранника, я счел за благо поторопиться за удаляющейся спиной Фарона, пока он не уловил моих сомнений. Злить всесильного квестора было явно неразумным.

Пристроившись вслед всемогущему распорядителю, я попытался представить, что сулит мне это внезапное изменение, но ничего путного не получилось. Мой внутренний голос молчал, а мои немые вопросы падали в пустоту, оставаясь без ответов.

Обвитая розами арка полоснула пряным ароматом и тут же пропала. Мы идем быстро, и я едва успеваю за юркой подвижной фигурой квестора. Еще один поворот и открылся внутренний двор дома, бассейн блеснул солнечным лучом, напоминая мне о недавних событиях. Казалось бы, отвлекся лишь на мгновение, а белая далматика Фарона уже пропала из глаз. Чертыхаюсь про себя и почти срываюсь на бег, но тут же за углом чуть ли не втыкаюсь в спину квестора. Тот, не глядя на меня, возится с массивным замком.

Звук проворачивающегося ключа и еле слышный скрип открывающейся двери.

— Проходи. — Бросает мне Фарон, не поворачивая головы, и я спускаюсь по ступеням в подвал.

Большое помещение заставлено сундуками и грубо сколоченными ящиками. В дальнем углу под маленьким окошком скрючился над столом человек с гусиным пером в руках. Всматриваясь в полумрак, застываю у входа, не совсем понимая зачем меня сюда привели.

За спиной раздается скрипучий голос Фарона:

— Пока не обговорю с хозяином твою дальнейшую судьбу, будешь работать здесь.

Это звук мгновенно выпрямил согбенную фигуру незаметившего нас писаря. Едва бросив взгляд на вход, тот вскочил и безмолвно согнулся в глубоком поклоне.

Квестор по-хозяйски прошелся между ящиками.

— Поможешь этому... — Его взгляд полоснул согбенную фигуру. — Все свитки и книги разобрать, пересчитать и составить опись.

Еще один грозный взгляд на писаря, и, уже разворачиваясь к выходу, Фарон добавил:

— Пока не вернусь, из подвала не выходить. Сидеть здесь и работать!

Хлопнула дубовая дверь, и я, к своему удивлению, не услышал звука проворачивающегося ключа.

«Занятно. — Подумалось в этот момент. — Господин квестор настолько привык к непререкаемости своих приказов, что считает свое слово намного весомее любого замка».

Все еще не вполне осознавая обрушившиеся на меня изменения, продолжаю молча пялиться на закрытую дверь, пока из глубины зала не доносится раздраженный голос:

— Так и будешь стоять или все же займешься делом?!

Разворачиваюсь и обвожу взглядом заставленное ящиками пространство. «Книги, свитки! Мать честная, да я и читать-то не умею, пера сроду в руках не держал! Эко вляпался-то! Кто меня за язык тянул!»

Маленькие вьедливые глазки продолжают буравить меня, и я, изобразив дружелюбную гримаску, говорю, пытаюсь скрыть бушевавший меня ужас:

— Да, попали мы с тобой, до конца жизни не разгрести это добро. Даже не знаю с чего-начать-то.

Маленький человек сделал вид, будто не заметил моей «протянутой руки», и его бледное лицо со светло-коричневой точкой на лбу скривилось от негодования.

— Ты что о себе возомнил, неприкасаемый?! Мы?! Я, Касий, младший писарь канцелярии квестора, а ты?! Ты никто, пустое место! Что прикажу, то и будешь делать!

Привыкнув за последнее время к снисходительно-панибратскому отношению ребят Грэма, я даже оторопел: «Ах ты, крыса канцелярская! Только что по полу ползал, а тут гляди-ка, гордыня проснулась».

Остро захотелось ткнуть его мордой в стену, но возобладал здравый смысл. «Да пусть покуражится. Так даже проще, тем более, что я вообще не понимаю с чего начинать и чем заниматься. Пусть командует, а там посмотрим».

Писарь вышел из-за стола и, поправив мятую хламиду, с важным видом подошел ко мне вплотную.

— Здесь вся библиотека, собранная еще отцом нашего господина. Он недавно представился, и господин Дидал приказал для сохранности перевести все из родового гнезда сюда, в городской дом. Это одна из самых больших библиотек страны, более двух тысяч томов и свитков. Огромнейшая ценность! Каждый документ уникален! И я не позволю, чтобы какой-то неотесанный дикарь своими грязными лапами портил бессмертные реликвии. — Он перевел дух и зыркнул на меня исподлобья. — Твое дело вскрывать ящики и считать, а к книгам прикасаться не смей.

Пожав плечами, соглашаюсь с самым равнодушным видом.

— Хорошо, как скажешь.

Моя покладистость немного успокоила распетушившегося писаря, и тот, подойдя к одному из сундуков, схватился за ручку.

— Что стоишь! — Его злое маленькое личико покраснело от натуги. — Потацили к столу.

Вдвоем мы передвинули сундук к столу, и открыв крышку, мой новый начальник вытащил первую книгу. Любовно огладив ее, он аккуратно сдул пыль и, усевшись на свое место, стал переписывать название в развернутый пергамент. Это длилось довольно долго и, изнывая от скуки, я взглянул вовнутрь и к своему удивлению смог прочесть название толстого тома с бронзовыми застежками: «Рождение мира и история империи с древнейших времен». Мое восторженное удивление было искренним, но недолгим. Как ни странно, но ко всему привыкаешь, даже к такому чуду, как неожиданно появляющиеся способности, а вот книга — та меня заинтересовала. Ведь я собственно ничего не знаю о том мире, в котором живу. С малолетства я видел город, вздымающийся каменной громадой над нашим поселком. Знал, что есть император, есть стража, охраняющая его покой, и это все. Я никогда не спрашивал, а есть ли другие города, везде ли все устроено так, как у нас? Наконец, повсюду ли мир так несправедлив к таким как я, или где-то все по-другому? И вот передо мной лежит книга, которая может дать ответы на эти вопросы, и я могу ее прочесть. У меня аж дыхание перехватило от волнения. Рука уже сама потянулась к пыльному фолианту, как пискляво-капризный голос вернул меня в реальность.

— Я закончил. — Писарь протянул мне записанную книгу. — Возьми ее и положи в пустой ящик, а затем сдвинь костяшку на вон тех счетах. После того как опустошим сундук, пересчитаем сколько в нем было.

Взяв поданный мне том, я посмотрел на счета, затем на открытый сундук и с уверенностью заявил:

— Пиши. Здесь тридцать пять книг и пятьдесят один свиток.

Лицо клерка скривилось от злости, так что отметка касты утонула в складках наморщенного лба.

— Ты издеваешься! Делай как я говорю, а не то будешь иметь дело с экзекутором.

«Вот теперь, кажется, пришло мое время». — Мелькнуло у меня в голове, и я с наслаждением поставил на место зарвавшегося писаря.

— Думаю нет, скорее тебе придется познакомиться с плетью. Ты, наверное, забыл, что

сказал квестор Фарон, так я напомним: Я здесь, чтобы помочь тебе пересчитать книги.

Глядя в заметавшиеся глаза, злорадно добавляю:

— Для самых тупых объясняю: Я говорю сколько — ты без препирательств записываешь. А если у тебя есть сомнения, то можем подождать господина квестора, и ты поделишься с ним наболевшим, только боюсь ему это совсем не понравится.

Бедняга аж ошалел от такой наглости и беззвучно зашевелил губами, стараясь схватить воздух. Наконец, ему это удалось, и он прошипел:

— Ты что себе позволяешь, неприкасаемый!

Худосочное тело начало подниматься из-за стола, и я надавил на него взглядом.

— Не советую!

Испуганно косясь на меня, писарь шлепнулся обратно, и я сбавил тон.

— В общем, теперь работаем так: я открываю ящики, говорю сколько в них чего, затем подаю тебе книги, а ты все записываешь. Каждый занимается своим делом и к другому не лезет, согласен?

С каким-то обреченным видом, тот молча кивнул в ответ, и я протянул ему следующий том, тот самый с застежками. Как только он вернул его мне, я передал ему другой, а сам, присев на край сундука, открыл первую страницу и замороженно начал читать строку за строкой.

«В те далекие времена, когда древние боги захотели построить наш мир, между ними не было единства. Часть богов — Хранители — создали мир, построенный на равновесии, населили его людьми, животными и растениями и назвали Мир Света, а другая часть — Разрушители — породили пустынный мир хаоса и бушующих бурь, населили его злобными демонами и дали имя Мир Тьмы. Свет и Тьма, две вселенные, которые не могли существовать рядом друг с другом. Так возник Сумрак — пограничный рубеж между двумя мирами. Два мира жили отдельно, пока повелители Тьмы — дэвы — не нашли возможность выйти из Сумрака в мир людей. Разрушители не стали препятствовать, и армии демонов вырвались в мир Света. Началась бесконечная война, в которой ни одна из сторон не могла добиться победы. В какой-то момент император Вала объединил все царства Света для борьбы с Тьмой и, казалось, победа уже близка, но предательство закралось в ближний круг царя и разрушило все планы. Вала с лучшими воинами попал в плен к демонам и был сожжен на костре. По легенде, перед смертью он проклял предателя и поклялся вернуться в иной ипостаси, чтобы отомстить.

Прошли десятилетия, война продолжалась, подвергая мир Света хаосу и разрушениям, и тогда Хранители создали артефакты — живые заклятия с аккумулированной энергией огромной силы. Самый сильный из них — Прим-Сияние Тьмы — был создан для нового царя людей Альтара и назван так в знак того, что его обладатель сможет остановить продвижение мрака и осветить его всепобеждающим сиянием. Девять заклятий Эйн-Побеждающее Пламя были даны его лучшим воинам — членам совета грандов. Еще пятьюдесятью заклинаниями Дойс-Идущий Рядом Хранители наделили ближайшее окружение царя, а десять тысяч магических рун Триан-Неотразимый Удар украсили левую руку наиболее достойных из всего остального войска. Армия демонов была остановлена. Царь людей Альтар и девять его верных грандов разгромили в Сумраке дэвов, но после победы вдруг выяснилась страшная вещь. Разрушителям удалось заразить темной силой живую энергию заклинаний, и Тьма вновь начала проникать в мир Света, но теперь уже изнутри. Боясь распространения заразы, Хранители уничтожили пораженную живую часть

заклятий, и то мгновенное постижение силы, та легкость в овладении энергией были потеряны для следующих поколений людей навсегда. Процесс овладения возможностями заклинания стал очень труден. Потомкам великого воинства, получившим волшебную силу в наследство, уже требовалась вся жизнь на постижение своих возможностей. Те, кто хотел постичь наследие предков, те, кто был упорен, достигали желаемых результатов, но многие были слабы духом и, уступая обстоятельствам, теряли возможности, дарованные Хранителями. В помощь тем, кто хотел освоить силу заклинаний, тем, кто мечтал посвятить свою жизнь борьбе с Тьмой начали открываться школы по овладению энергией и лучшие из лучших становились в них учителями».

На мгновение отрываюсь от чтения и как раз вовремя, Кассий, закончив, уже протягивает мне записанную книгу. Вытаскиваю следующую и передаю ему, подумав: «Хорошо, что каллиграфия требует так много времени. Пока он запишет, у меня в запасе есть несколько минут».

Писарь, согнувшись над столом, вновь взялся за перо, и я со спокойной совестью возвращаюсь к «Истории мира».

«После великой победы долгое время считалось, что черная энергия, поразившая заклинания, уничтожена, но это было не так. Оказалось, она выжила в самых сильных из них, выжила и затаилась до времени. Первый раз Тьма проявилась в наивысшем из заклятий — Прим-Сияние Тьмы, чья безмерная энергия не поддавалась полному контролю. Обманув разум царя Альтара, она проникла в него и полностью подчинила. В одночасье, возжаждав величия, почестей и славы, он завоевал все царства вокруг, до каких успел дотянуться, и везде казнил любого, кто осмеливался поднять против него голос. Присвоив себе титул императора, Альтар разделил всю завоеванную землю между собой и девятью грандами, носителями заклинаний Эйн. Те, получив от него власть и титулы, обязаны были блюсти на своих владениях волю императора и сражаться с любым проникновением Тьмы, в первую очередь с наиболее сильными из них — дэвами. Разливая повсюду реки крови и сея вокруг себя смерть и разрушения, Альтар к концу жизни превратился в настоящее чудовище, но перед самой кончиной царь вдруг прозрел и понял, куда завела его Тьма и собственная гордыня. Ужаснувшись и осознав какие бедствия может принести миру заклинание Прим, он раскаялся в своих преступлениях и приказал спрятать его от людей, дабы столь огромная сила больше не попала в руки зла. С того дня Прим-Сияние Тьмы навсегда канул в небытие, и никто, сколько бы не искал, не мог его найти. Сегодня это заклятие стало уже почти легендой, мифом, в который верят лишь немногие посвященные. Другие же заклинания Хранителей остались и передавались из поколения в поколение. Проходили века, многое забывалось и утрачивалось. Большинство владетелей Силы не осваивали и десятой части возможного, а многие и вообще уже забыли для чего эти заклинания были созданы.

Нашествие демонов на мир Света оставило свое темное семя, и оно со временем проросло ростками черной магии. Ее носители — колдуны, ведьмы и прочие монстры — расплодились по земле в таком множестве, что специальным указом императора и верховного святителя был создан орден Ревнителеей Веры. Его паладины рьяно взялись за уничтожение всякой нечисти, зачищая области империи одну за другой. Носители магии не смогли объединиться, их переловили поодиночке и затравили как диких зверей. Легкость победы убаякала, и это никак не способствовало тяге к познанию и совершенству. Бойцов, способных на схватку в Сумраке, становилось все меньше и меньше. К счастью, со дня великой победы сами демоны крайне редко прорывались сквозь Сумрак, но и на

уничтожение таких одиночек ордену приходилось посылать лучших из лучших. Таких воинов у Ревнителей Веры оставалось наперечет, поскольку многие предпочитали тяжелому служению более сытную службу у императора или грандов. Совсем уж единичными случаями в истории были проникновения в наш мир властителей Тьмы — Темных Дэвов. Каждый из таких прорывов записан в летопись и стал по-настоящему всенародным бедствием. По закону царя Альтара, борьба с дэвом стала главной обязанностью того гранда, на земле которого он появлялся. В одиночку, в союзе с другими грандами или с самим императором он обязан был убить дэва или изгнать его обратно в мир Тьмы. Справиться с Темным Дэвом были способны лишь носители заклинания Эйн высших уровней, но и для них такой поединок мог легко закончиться гибелью, поэтому гранды всегда предпочитали договариваться о совместной облаве. Пока сильные мира сего вели переговоры и торговались между собой, дэв мог опустошить целую область, а были случаи и несколько областей. В такие минуты нужны были герои древности, способные выйти на бой с властителем Тьмы в одиночку, но с каждым поколением таких становилось все меньше и меньше.

На тот момент, когда пишутся эти строки, в империи высшим заклинанием — Эйн Побеждающее Пламя — владеют лишь император, игемон ордена Ревнителей Веры и семь оставшихся грандов. Никто не может сказать достигли ли все они высших уровней силы или нет, но тем не менее, они по-прежнему остаются главной защитой человечества от проникновения Тьмы. Остальные носители заклинаний, кроме, пожалуй, потомственных военных, в большинстве своем даже не ведают их силы и не умеют пользоваться. Про Сумрак знают лишь немногие образованные люди, знакомые с древними текстами и те избранные, что пошли путем Силы и смогли овладеть энергией заклинаний».

В задумчивости откладываю книгу. Из того, что я узнал, больше всего меня озаботили те строки, где говорилось о заражении энергией Тьмы. Остро захотелось задать пару вопросов своему «бескорыстному» наставнику, но сделать этого я не успел. В общении с Гором, несомненный плюс в том, что ему не надо формулировать вопросы, ведь он живет прямо в моем сознании.

Полная хрень! — Раздался в голове голос моего сумрачного стража. — *Нечего во всем винить Тьму. Альтар сам был полным психом, помешанным на безграничной власти и контроле. Ему всюду мерещились изменники и заговорщики, желающие ему смерти, и уж точно его никто не обманывал. Он сам согласился на мою помощь в освоении Силы, и я ему помог. Но все, что он натворил — это дело его разума и его рук. Я тут совершенно не причем. Его не надо было ни в чем убеждать, Альтар сам рвался захватывать и убивать.*

Прерываю его, пораженный только что услышанным. — «Так ты что, знал царя Альтара? Сколько же тебе лет?».

Тон Гора тут же сменился, словно он устыдился своей эмоциональности.

Это не важно, в мире Тьмы время течет по-другому.

Голос в моей голове затих, но меня такой ответ совсем не устроил.

— Эй, — безмолвно закричал я, — давай не увиливай. Скажи мне честно, кто ты такой? Зачем ты здесь? Ты часть той энергии Тьмы, что заразила заклинания? Твоя цель — уничтожить наш мир? Ты — демон, дэв? Кто ты?

Несколько мгновений тишины и Гор все-таки удостоил меня ответом:

Слишком много вопросов, ты становишься утомительным. Напомню тебе, что у нас с тобой нет соглашения и рассказывать о себе я не обязан, но тем не менее отвечу тебе на

все одним словом. Нет!

Напрасно я ждал хоть какого-то продолжения, мой темный наставник умолк и попросту перестал отзываться на мои вопли. Переполненный обличительным гневом, я так увлекся, что забыл где нахожусь, пока не услышал.

— Что ты уставился на меня как баран?! Я сказал, давай следующую. Что непонятного?

С силой зажмуриваюсь и включаюсь в реальность. На меня в упор смотрят злые глаза писаря и звучит его раздраженный голос:

— Что ты застыл, шевелись! Сколько тебя можно ждать?!

Полночи, пока можно было хоть что-нибудь разглядеть, я читал книгу, как будто чувствуя, что другой возможности у меня не будет. И точно, на следующее утро мое участие в составлении библиотеки закончилось. С рассветом за мной пришли. Крепкий молчаливый мужик с кастой воина на лбу, ничего не объясняя, вывел из подвала и кивком головы приказал следовать за ним. На заднем дворе также немногословно он велел мне переодеться в приготовленную длинную рубаху, а когда я закончил, самолично намотал на мою голову повязку. Убедившись, что белая тряпка полностью скрывает отметку касты, он довольно крякнул и нахлобучил сверху еще соломенную шляпу, видимо для надежности. Осмотрев меня со всех сторон, мрачный мужик поморщился и, не говоря ни слова, повел в сторону хозяйственного двора. Время было еще раннее и народу нам встречалось немного, но те, что попадались по пути, заблаговременно и испуганно кланялись моему конвою, совершенно не обращая на меня внимания.

«Видать, мужичок-то не простой». — Подумалось мне, лоя в провожающих нас взглядах затаенный страх.

Обойдя хозяйственные постройки, мы вышли к задним воротам, где рядом с оседланным мулом стояли двое в белых хламидах канцелярии с оранжевыми отметками слуг на лбу.

Мой провожатый остановился, и мы вчетвером довольно долго стояли в тягостной тишине, пока не появился квестор. Выйдя из дома, тот бодро прошагал к мулу, по пути оглядев мой наряд и процедив: «Сойдет».

Мрачный мужик взял животное под уздцы, и Фарон, взобравшись в седло, тут же тронул в открывающиеся ворота. Писцы канцелярии двинулись следом, и я, не дождавшись никаких команд и потеряв пару мгновений на раздумье, побежал за ними.

В чем прелесть мула, так это в его неторопливости. Эту нехитрую мысль я успел неоднократно повторить, пока наш небольшой караван неспешно двигался по дороге. Мимо довольно заунывно текли расчерченные как по линейке разноцветные поля, зеленые рощи фруктовых деревьев и соломенные крыши редких деревень. Со мной за все время пути никто не обменялся ни словом и даже во время остановки на дневной отдых лишь молча бросили половину ржаной лепешки. Куда направляется квестор Фарон, зачем тащит с собой меня? Посвящать в эти вопросы неприкасаемого никому в голову не приходило.

Ближе к вечеру на горизонте показались красночерепичные крыши каких-то высоких строений, и по тому, что мы двигались именно в этом направлении, у меня появилась мысль, что именно там и есть конечная точка нашего путешествия. С каждым шагом моя уверенность в этом росла, поскольку не только люди, но и мул прибавили хода, да и выражение лиц моих спутников говорило о приближении скорого отдыха, еды и прочих человеческих радостей.

Наблюдения оказались абсолютно верными, и вскоре мы уже входили в ворота большой виллы с величественным двухэтажным господским домом и десятком разбросанных по территории неказистых построек из беленой глины.

Меня отвели в одну из таких хибар и, оставив краюху хлеба с кружкой воды, заперли до утра. Сказать, чтобы я был расстроен, так вовсе нет. Копна свежего сена в углу и его

одуряюще-дурманящий запах говорили мне — жизнь прекрасна, а когда я заглянул в крынку и обнаружил там вместо воды свежее молоко, то чуть не заблеял от восторга. Никогда еще до этого мне не приходилось вдыхать аромат только что скошенной травы, и это было волшебно. Для меня, видевшего только вытоптанную землю, гнилую солому и раскаленные на солнце камни, вытянуться на копне ароматного сена было просто райским блаженством. В общем, я наслаждался как мог, пока ел и пил, но стоило мне закончить как усталость моментально сморила меня, повергнув в глубокий сон. Это чудесное, безмятежное состояние, по моим ощущениям, продлилось всего лишь один краткий миг, и коварное пробуждение тут же вернуло меня обратно в суровую реальность.

Тот же мрачный мужик, что и намедни, проверив надежность повязки на моем лбу, вывел меня во двор, где квестор, указав на въезжающие телеги, одним словом обрисовал мне предстоящую задачу.

— Все пересчитать.

Затем, повернувшись, он указал на стоящего рядом писца.

— Количество скажешь вот этому, он все запишет. — Тут его взгляд вновь зыркнул в мою сторону. — Если что не сойдется, пеняй на себя. На первый раз прикажу выпороть, а потом... — В его глазах вспыхнул нехороший огонь. — Потом, видно будет.

Интонация Фарона подсказала мне, что лучше не проверять, что значит его «видно будет» и не доводить до этого. Хотя, от меня в этом деле мало что зависело. Считал то ведь не я, тут у меня никаких иллюзий не было, считало заклинание или бог его знает кто еще, а мне оставалось только надеяться, что они не ошибаются.

Раздав команды, квестор ушел, и дело потекло своим чередом. Телега подъезжала, возчик с желтой крестьянской кастой лбу говорил что привез, я считал, а писарь записывал. Так время пролетело до полудня, когда принесли обед, и все, кто был во дворе, расположившись под навесом, принялись за еду. Молоко, яйца, свежее испеченный хлеб и сыр! Мать честная, да такого изобилия я в жизни не видывал! Никаких ограничений, навалили на стол — ешь сколько влезет. Влезло, к моему величайшему сожалению, не так много как хотелось бы, подвел мой собственный желудок. Он оказался слабаком и смог вместить лишь малую толику из всего стоящего на столе. Раздувшийся живот взмолился о пощаде, грозя лопнуть, если я запишаю в рот хотя бы еще одно яйцо или кусочек хлеба. Уступив в этой борьбе и перестав лихорадочно запихивать в рот все, что было в зоне досягаемости моих рук, я вдруг обнаружил, что вокруг меня текут неторопливые разговоры про урожай, про господские подати и прочее, и прочее. Это было очень непривычно и настораживающе, ведь я никогда раньше не сидел за общим столом с другими людьми и не слышал ни о чем, выходящим за рамки поселка неприкасаемых. Оказалось, это невероятно увлекательно и познавательно.

Расслабившись на лавке, я с любопытством впитывал новые знания. Оказалось, что вилла спафария Дидала стояла на императорской земле, а совсем рядом, где-то за рекой были уже владения гранда Ситха Ашанги. Там, по словам крестьян, последнее время стало беспокойно. Начали пропадать люди, и по мнению многих, если уж гранд не желает заниматься этими случаями, то следовало бы пригласить рыцарей ордена Ревнителей веры, ибо каждому ясно — без нечистой силы там не обошлось.

Услышав это, я не то, чтобы отнес себя к этой самой нечисти, но почему-то сразу же подумал — мне с этими ревнителями веры лучше не встречаться.

Время обеда, к сожалению, скоро закончилось, и опять все потекло по размеренному

кругу: телеги, мешки, корзины и прочее.

Так прошла почти неделя, и я чувствовал себя прекрасно, наслаждаясь сытостью, новыми впечатлениями и покоем. Даже беспокойные мысли о моем зыбком будущем не часто посещали меня, словно бы сознание отодвинуло решение всех проблем в какой-то потаенной уголок, дав мне возможность побыть самым обыкновенным человеком, без позорной касты и невероятных способностей. Демон тоже куда-то пропал, и мой внутренний голос за всю неделю так и не напомнил о нем. Не то, чтобы я заскучал и начал забывать кто я есть на самом деле, но какая-то безмятежная расслабленность появилась это точно. Вся эта чужая, но такая желанная жизнь длилась ровно до того момента, пока однажды к вечеру на господскую половину двора не въехала двуколка.

Небо уже начало темнеть, рабочий день, как и ужин уже закончились, а я, пользуясь моментом, сидел на лавке и ждал своего надсмотрщика. Въехавшая в ворота двуколка привлекла мое внимание своей вопиющей роскошью и изяществом впряженной лошади.

«Дорогушая поди, — хмыкнул я про себя, — чья ж интересно будет?»

Мое любопытство тут же сменилось напряженным вниманием, когда из кареты вышел Лириан. Вся безмятежность последних дней тут же провалилась в тартарары, а уж когда он подал руку, помогая спуститься своей сестре, то тут уж в моей голове началось настоящее безумие:

«Зачем они приехали?..»

«Ильсана прекрасна, как всегда...»

«А от Лириана исходит опасность...»

«Да, с чего ты взял, может они просто приехали отдохнуть?! Это же их вилла...»

«Не пори ерунды, они не потащились бы в такую глушь ради запаха сена и зеленых лужаек. Я чувствую, Лириан здесь по мою душу!..»

«А Ильсана?!»

Под испуганно-восторженное «кудахтанье» дворни квестор встретил дорогих гостей, и те, снисходительно игнорируя подобострастную суету, двинулись к крыльцу. На меня никто не обратил внимания, не бросил ни единого взгляда. Казалось бы, это должно было меня успокоить, но нет. Я по-прежнему был уверен в надвигающейся беде.

С этим ощущением я встал навстречу подошедшему надсмотрщику и последовал за ним в противоположном от господского дома направлении. Запах сена, радующий меня обычно, сегодня оставил равнодушным. Хлопнувшая за стражником дверь и опустившаяся темнота тоже не принесли покоя в мою душу. Плюхнувшись на свое ложе, я попытался просчитать возможные варианты, но ничего путного в голову не лезло, и я заснул, так и не заметив, как это произошло.

Разбудили меня среди ночи. Совершенно незнакомый мужчина со свечей в руке, не заходя вовнутрь, бросил мне прямо с порога:

— Поднимайся! Тебя хотят видеть. — Он поднял огарок, осветив серую касту слуги на своем лбу.

Вставая и отряхиваясь, я ни на миг не сомневался кто послал за мной, но вот на вопрос зачем, у меня не было ответа.

Пройдя через хозяйственный двор, меня провели в атриум господского дома, в самую дальнюю его часть, которая не просматривалась ни из одного окна. Там, в обвитой плющом беседке, я увидел того, кого и ожидал — Лириана. Молодой хозяин удобно расположился в плетеном кресле, и стоящий на столе подсвечник с тремя толстыми свечами освещал его

обычную самодовольно-презрительную усмешку.

— Юни, — Лириан закинул ногу на ногу, — проходи. Не бойся, ничего плохого с тобой не случится. Я пригласил тебе просто поговорить. — Одновременно он махнул рукой, мол свободен, и человек за спиной перестал дышать мне в затылок.

Пройдя вовнутрь, я остановился перед Лирианом, а тот, поднявшись и нацепив на лицо радушную улыбку, шагнул мне навстречу. Чуть ли не приобняв меня, он всячески демонстрировал свое хорошее отношение и даже какое-то панибратство, чем нагонял на меня самые тревожные мысли: «Если люди подобные Лириану ведут себя таким образом, то это означает только одно — им требуется от тебя то, что совсем тебе не понравится».

И верно, исчерпав весь запас заготовленных фраз о погоде, здоровье и прочей ерунде, Лириан перешел к главному.

— Ты, наверно, знаешь, что совсем недалеко отсюда, в местном городке на днях состоится праздник урожая?

По тому, как изменился голос Лириана, по, наконец-то, появившимся ноткам заинтересованности, стало понятно — мы подходим к реальной цели его приезда. Она еще не была ясна, но буквально со следующей фразы все встало на свои места.

— Так, провинциальная скука. Единственно занятное зрелище, это гладиаторские бои. Бойцы тоже не фонтан, не выше среднего уровня, но за неимением лучшего...

Он замолчал, и я, надев на лицо маску туповатого идиота, старательно делаю вид, что не понял куда он ведет. Помолчав и ничего не прочитав на моей глуповатой физиономии, он продолжил:

— Итак, о чем я? — Лириан сделал вид, будто этот разговор ему абсолютно не важен. — Ах да! В общем скука, скука и скука, но... — Он интригуяюще улыбнулся и поднял указательный палец. — Можно заработать. Можно неплохо заработать.

Его взгляд вцепился в мое лицо, вынуждая ответить:

— Простите, мой господин, но я не понимаю, зачем вы мне это рассказываете. Я не могу выйти с территории виллы, вы же ведь помните какая каста украшает мой лоб. Да даже если бы и мог, то все равно на праздник неприкасаемого не пустили бы.

Судя по тому как уголки губ презрительно опустились вниз, Лириан в этот момент скорее всего подумал: «Господи, какой идиот!», но вслух он произнес другое:

— Ты не о том думаешь, Юни. Главное из того, что я тебе рассказал, сводится только к одной простой мысли — там можно заработать. Разве тебе не нужны деньги? Подумай, деньги раздвигают границы возможностей, а для тебя выиграть провинциальный турнир — дело пустяшное.

Тут я старательно изображаю крайнюю степень удивления.

— Так вы хотите, чтобы я принял участие в боях на арене? — И тут же прикрываю рот рукой, словно испугавшись, что сболтнул лишнего. — Ведь вы же знаете, что неприкасаемым строжайше запрещено участвовать в спортивных состязаниях и гладиаторских праздниках?

— Участвовать в общих работах наравне с другими кастами ведь тоже запрещено, но ты ведь работаешь. — Он развел руками, мол, увы это свершившийся факт. — И ничего, никто тебя не наказывает. — Он пожал плечами, словно этот вопрос не стоит даже обсуждения. — Выйдешь на арену в такой же повязке и никаких проблем.

Не вздумай! — В сознании прокатился грозный рык Гора. — *Не вздумай соглашаться!* Погружение в Сумрак на арене строжайше запрещено. За этим следят и тебя там

вычислят на раз.

Я и сам не собирался соглашаться хоть и совсем по другим причинам, но теперь они точно удвоились. Мотаю головой и, перестав изображать идиота, говорю прямо:

— Проблема есть и еще какая. Здесь на территории виллы юрисдикция вашего отца. Он говорит носи повязку — я ношу, а на арене законы другие. Там за сокрытие касты неприкасаемого отправят на плаху, не задумываясь, а мертвому деньги не нужны.

Лириан морщится, но не сдается, все еще надеясь меня уговорить.

— Об этом не беспокойся, все вопросы с законом я возьму на себя.

Киваю в знак понимания и делаю вид, что обдумываю его слова. На деле же не верю ни на грош. Лириан до дрожи боится отца, а подобный скандал, если он вдруг случится, точно не останется без внимания императорского двора. Значит, случись чего, он скорее попытается откреститься от меня, чем станет вписываться и светить свое имя.

Юный хозяин дома еще продолжает меня убеждать, а я, выждав паузу в его словоизвержении, ставлю на этом вопросе жирную точку.

— Да, да, благородный господин, конечно, все так, как вы говорите, но я поклялся вашему отцу не покидать территорию виллы. Поклялся перед святым ликом Хранителей и не могу нарушить таинство клятвы.

Мои доводы не убедили Лириана, а только разозлили. Не выдержав, он сорвался, не стесняясь в выражениях.

— Убирайся! — Почти во весь голос завопил он. — Тупая, упрямая скотина, пошел вон! Убирайся к свиньям в хлев, там твое место!

«Цена весьма приемлемая. — Рассуждая на ходу, спешно ретируюсь с барского двора. — Крики и оскорбления за отказ господину, это очень и очень по-божески, могли бы, запросто, и плетей всыпать».

Выскочив из атриума, шарю глазами по ряду белоснежных колонн в поисках своего провожатого. Никого не нахожу и уже решаю отправиться в свой сарай в одиночку, как в этот момент от стены отделяется почти призрачный силуэт и направляется прямо ко мне.

Тонкая, почти прозрачная ткань обтягивает идеальное тело, высокая прическа открывает точеную лебединую шею и безукоризненный овал лица.

— Ильсана! — Вскрикиваю и не знаю радоваться ли ее появлению или бежать без оглядки, а девушка порывисто подходит ко мне вплотную, и ее маленькая ладонь ложится мне на грудь.

— Я слышала ваш разговор. — Сочные губы на запрокинутом лице призывно приоткрываются мне навстречу, а голос дрожит и торопится, словно она боится не успеть. — Прости его, он был неправ. Он просто очень переживает за меня. Я совершила глупость и проиграла много денег. Отец мне этого не простит, и Лисандр это знает. Он хотел отыграться, но лишь задолжал еще больше. Этот турнир наша последняя возможность все вернуть, пока скандал еще не вырвался наружу. — Ее холодные пальцы касаются моей щеки. — Ты мог бы помочь. Только один раз! Всего лишь раз, и все! — На миг, уголки ее глаз наполняются слезами. — Нет, ты прав, мы не должны! Не должны! — Ее огромные глаза заслоняют от меня мир, приоткрытый рот тянется мне навстречу. Еще миг, и наши губы касаются. Поцелуй! Мгновенный и парализующий как удар молнии. Я застываю, а ее губы уже оставляют меня. — Ты прав, мы не должны. Каждый сам платит за свои ошибки! Я готова!

Ее пальцы скользят по моей руке медленно от плеча к кисти, словно прощаясь, а затем

по открытой ладони еще медленней, как будто не желая разрывать связывающую нас нить. Кончики наших пальцев уже расстаются, и ее раскосые зеленые глаза полны глубокой печали. Еще доля мгновения, и я, не выдержав, перехватываю ее ладонь.

— Подожди. — Точеные пальчики замирают в моей грубой лапе, а я шепчу, как потерявший рассудок безумец. — Я сделаю как ты хочешь. Ты сможешь все вернуть. Твой отец ничего не узнает.

Говорю и тону в ее огромных, зеленых глазах, в желании вновь прикоснуться к ее восхитительным губам, но она уже не со мной. В ночной тишине разносится еле слышное, — спасибо, я никогда этого не забуду, — и лунно-призрачный силуэт моей богини уже растворяется в сгустившейся между колонн темноте.

Если книга вам понравилась, поставьте лайк или комментарий напишите. Лучше добрый!)

Это поможет автору стать популярнее и лучше писать. Заранее спасибо!

Ты идиот! Кретин! Безмозглый баран! — Гор упражняется в выборе оскорблений, а я терпеливо молчу, потому что он прав. Я не должен был соглашаться. Я это знаю, как и то, что повторись все снова, попроси она прыгнуть в огонь, в воду, куда угодно, и я вновь не смог бы ей отказать. Почему?! Да потому что чувствую что могу, ощущаю себя способным на подвиги, как те сказочные герои, о которых рассказывал старик Перл в детстве. Спасти принцессу, убить чудовище! Вот как должен поступить тот, о ком будут складывать песни и слагать легенды. Это непередаваемое, странное ощущение, оно немного пугает, но я готов рискнуть ради него, ради этого щемящего чувства в груди, ради мечты!

Пока я предавался своим мыслям, демон не переставал сквернословить: — *Она развела тебя как последнего базарного лоха. Как можно было купиться на все эти вздохи и касания. Если уж ты чего хотел от нее, так надо было дожидаться конкретного предложения. Она бы хоть уважать тебя стала, а так что? Она смеется над твоей глупостью вместе со своим братцем.*

Поскольку я молчу и не возражаю, Гор быстро выдыхается и заканчивает с какой-то обреченностью.

Ты хоть понимаешь, в какую ловушку ты себя загнал. Отказаться уже нельзя. Такая мстительная натура как Ильсана воспримет это как оскорбление, а оскорблений она не прощает. Выходить на арену — тоже самоубийственно. Ума не приложу, как быть! Великие небеса, ну зачем я связался с этим идиотом!

Я сижу в своем сарае в полной темноте и слушаю истеричные вопли демона, разрывающие мне голову. Настроение у меня, прямо скажем, не лучшее, но и такой паники как у Гора я не испытываю. Не знаю почему, может быть в силу своей молодости и легкомысленности, а может быть, потому что до сих пор чувствую на губах след ее поцелуя. Конечно, это касание губ ничего не значит. Я все понимаю. Все, о чем толкует мне Гор, очевидно: она хотела заставить меня поверить, она использовала меня, и прочее, и прочее. Разумом понимаю, и даже согласен, но в душе все равно живет какая-то наивно-мечтательная надежда — а вдруг. Вдруг, это хоть что-нибудь да значит для нее?! Это безрассудный огонек заставляет меня сидеть с дурацкой улыбкой на губах, несмотря на ярость Гора и отчаянность моего положения. Хотя, если честно, все мое внешнее спокойствие зиждется даже не на мечтах об Ильсане, а на непробиваемой слепой уверенности, что раз до сих пор мне как-то удавалось прорваться, то и в этот раз пронесет. Что-нибудь да придумается, какая-нибудь лазейка да найдется.

Словно бы в доказательство моей фаталистической теории, в голове вдруг рождается вопрос: «А кто там на арене, собственно, может увидеть мой переход в Сумрак? Неужели здесь, в каком-то захудалом городишке, есть бойцы такого высокого класса?»

Вопрос появился, и Гор незамедлительно ответил:

Бойцов выше пятого уровня второго дана заклинания Дойс здесь конечно нет, но зато на любой гладиаторской арене должен быть судья такой категории. Тебе ясно? Судья, который может рассмотреть любую попытку жульничества.

— А если такового нет, тогда как? Турнир не проводится?

Мой псевдо-страж задумался, а я вдруг вспомнил сетование местных крестьян на разгулявшуюся нечисть.

— Послушай, местные говорили, что здесь на границе областей полный бардак. Соседний гранд то ли ленится, то ли еще почему, но свое боевое мастерство на нечисти не демонстрирует. Об императорских бойцах тут тоже не слыхать. Местные хотели бы увидеть хотя бы рыцарей ордена Ревнителей веры, но их тоже пока не видно. Выходит, нет тут сейчас воина способного войти в Сумрак, стало быть и судьи с такими возможностями им не найти.

Выслушав мою речь, демон лишь огорченно вздохнул.

Ты можешь тешить себя надеждами, что тебе еще остается. Сегодня нет, а завтра появится. И что ты будешь делать?!

Я почти обрадованно цепляюсь за его слова.

— Так стало быть сегодня нет. Значит, все не так безнадежно. Еще побарахтаемся!

В ответ, я слышу только выраженное одним словом разочарование.

Идиот!

Праздник урожая в городке Кали-Сан испокон веку проходил по одному и тому же сценарию. Первый день отводился на ярмарку и народные гуляния, а второй полностью отдавался зрелищным играм. Сначала проходили скачки, где делались ставки на победителей и демонстрировались лучшие скакуны двух областей. Затем, уже ближе к вечеру, проводились главные гладиаторские бои или, правильнее будет сказать, профессиональные бои насмерть, поскольку любительские схватки — до первой крови могли начинаться уже с утра. Несмотря на кажущуюся провинциальность праздника, в этом месте крутились большие деньги, и ставки на основные вечерние поединки были достаточно высокими, а с финального боя можно было поднять целое состояние.

Все это рассказал мне Кабур, тот самый мужик, что водил меня к Лириану посреди ночи. В праздничный день, еще до восхода, он вывел меня из сарая и, кивнув на стоящую рядом телегу, сказал:

— Забирайся, поехали.

Уговаривать меня не пришлось, и вот мы уже полдня не спеша тащимся по пыльной дороге. Кабур, ближайший слуга Лириана, мужичок словоохотливый и к тому же без кастовых предрассудков. Треплется, не переставая, всю дорогу, и я ему даже благодарен. Время летит быстрее, и мрачные мысли меньше грызут голову. А отчаиваться есть отчего. Кроме возможного разоблачения, неприятным сюрпризом стала новость, что сражаться придется до смерти. Мне придется убивать совершенно незнакомых людей, не сделавших мне ничего плохо, только потому, что об это попросила Ильсана и Лириан. Бред какой-то! Мне совершенно не хочется этого делать, но и выхода другого нет. Настроение у меня отвратительное. Хорошо хоть Кабуру нужны только мои уши, и я могу ничего не отвечать на его разглагольствования.

В городишко заехали, когда солнце было уже в зените и палило немилосердно. Площадь, окруженная одноэтажными домишками, бурлила снующим народом, всевозможными торговыми лотками и палатками. Кабур туда не поехал, а свернул перед зданием магистрата на улицу, что вывела нас к круглой деревянной арене. По сути, это была площадка утрамбованного песка, окруженная двухэтажным помостом из ошкуренных брусьев. Два этажа, огражденные с двух сторон перилами и накрытые черепичной крышей, имели только одну лужу с сидячими местами для почетных гостей, а все остальные зрители должны были наблюдать за схватками стоя, толпясь на помостах.

Подъехав поближе и вытянув шею, Кабур покрутил головой. Не найдя того, кого искал, он направил телегу к примыкающему вплотную к арене глинобитному зданию. Там нас встретил невесть откуда появившийся здоровенный детина с зеленой кастой на налысо выбритой голове и татуировкой БЗ на левой руке.

Пытаюсь разглядеть браслет, но ничего не нахожу и делаю вывод, что бритый не из числа любителей похвастать своими достижениями. «Или хвастать особо нечем». — Бурчу про себя и слезаю с телеги под прицелом оценивающих глаз, а наш, не слишком гостеприимный хозяин, пожав руку моему провожатому, продолжает недоверчиво осматривать меня со всех сторон.

— Это и есть тот боец, про которого говорил Лириан?

— А что, непохож? — Кабур довольно оскалился. — Не бери в голову, Фалькон, не твоего это ума. Твое дело принять ставку и бойца выставить.

Тут он, словно вдруг вспомнив, зашарил на поясе и вытащил тощий кошель.

— На его победу в финале. — Достав серебряный динар, Кабур мотнул головой в мою сторону. В ответ, его собеседник лишь насмешливо фыркнул.

— Вижу у тебя, как и твоего хозяина, появились лишние деньжата. Дело, конечно, ваше, вам решать. — Проницательный взгляд темно-карих глаз еще раз пробуравил меня до костей. — Но я бы нашел вашим деньгам лучшее применение.

Вложив монету в подставленную ладонь, Кабур вызывающе усмехнулся.

— Своим поищи!

Но, расставшись с деньгами, он как-то разом вдруг помрачнел и, запрыгнув на облучок телеги, протянул мне свою пятерню. — Удачи, парень! Не подведи!

Без всяких эмоций пожимаю потную ладонь, а затем иду вслед молчаливой спине бритого, пока тот не останавливается перед низкой закрытой дверью. Звучит звяканье ключа, и Фалькон распахивает створку.

— Заходи. — Он кивает в сторону открывшейся камеры. — Будешь ждать своей очереди здесь. Я приду за тобой.

Захожу вовнутрь. Помещение три шага в длину и столько же в ширину. Потолок чуть выше моей головы, вверху маленькое окошко не больше сжатого кулака. На полу циновка, кувшин воды и завернутый в кусок ткани хлеб.

Вслед мне звучит голос Фалькона:

— Ешь, пей, за все уплачено.

Дверь захлопнулась, и я, усевшись на пол, вдруг реально осознаю в какое дерьмо вляпался. «Это бойня! Схватка насмерть. — Я обхватил двумя руками голову. — Впервые мне предстоит не только уклоняться от столкновения, но и наносить удары самому. И эти удары не должны исходить из Сумрака, дабы не вызывать подозрений. Иначе говоря, мне надо будет пырнуть человека мечом. Смогу ли я? — Тут я понимаю, что одним разом не ограничится и в пути до финала убивать придется не раз. От этого впадаю в настоящую истерику. — Пресвятые небеса, что я наделал?! Как я позволил втянуть себя в этот кошмар?!»

Гору, по-видимому, надоели мои вопли, и он решил вмешаться.

Хватит ныть! Сейчас у тебя есть проблемы поважнее, чем твоя моральная рефлексия. Если организаторы нарушат условия проведения турниров, и в судеистве не будет человека, способного на вход в Сумрак, то тогда тебе нечего и переживать. Не хочешь убивать — не убивай! Выбор в твоих руках, можешь только покалечить. — Он вдруг довольно загыкал. —

Гы, Гы! Опыт у тебя уже есть. — Удовлетворившись издевательским сарказмом, Гор продолжил уже серьезно. — Знаешь, я тут кое-чем поинтересовался, прикинул варианты и пришел к выводу, что этот Лириан невероятно ушлый малый. И знаешь почему?

Я отрицательно помотал головой, а демон, на удивление, не отметив это чем-нибудь обидным, продолжил свой рассказ.

Турнир в Кали-Сане довольно древний, но так уж повелось, не очень престижный. Серьезные бойцы его не посещают, призовой фонд маленький. Так, обычная провинциальная арена, каких сотни. Соответственно организаторы турнира тоже экономят на чем могут, и на высококлассных судьях в том числе. И тут вот какое дело, с недавних пор здесь начали крутиться вполне приличные деньги. То ли местные землевладельцы разбогатели и стали больше ставить, то ли еще кто, неизвестно, но в общем денег прибавилось, а судейство осталось на прежнем уровне. Для тебя это шанс выйти сухим из воды, а для Лириана сорвать очень приличный куш. Я даже полагаю, что именно на это он и рассчитывает, выпуская на арену такую темную лошадку, как ты.

Он замолчал, но через мгновение добавил:

Скорее всего, тебе повезет, но если нет, и среди арбитров будет человек способный на вхождение, то советую тебе сразу же отказаться от боя. Пусть взбесится дочурка Дидала, пусть сынок его потеряет деньги, но это все равно лучше, чем иметь дело с Ревнителями веры.

— Подожди, — я начинаю понемногу успокаиваться и мыслить трезво, — когда я выйду на арену, не будет ли уже поздно отказываться? В том смысле, сможет ли судья увидеть мое заклинание сразу же без входа в Сумрак?

Мое второе я почти ощутимо скривилось от возмущения.

Что за идиотские вопросы?! Ты вроде бы не первый день... Ты сам когда-нибудь видел заклинание, стражей и прочее, не входя в Сумрак? Нет, конечно! Тогда зачем спрашиваешь?

Все-таки злость Гора действует на меня позитивно. Выслушав все его нападки и нравоучения, я окончательно пришел в себя и даже наметил для себя тактику будущего боя. После чего уже окончательно расслабился и прислушался к шуму, доносящемуся из-за двери. Там явственно ревела толпа, слышались удары железа и крики ярости. Решив, что этого у меня еще впереди с избытком, я отключился и, глотнув воды, попытался покемарить, но мне не позволили.

Дверь со скрипом распахнулась, и в щели показалась лысая голова Фалькона.

— Выходи, твоя очередь.

Послушно прохожу в дверь и иду вслед за ним по коридору, а тот, не оборачиваясь, доводит до меня еще одну новость.

— Лириан просил выдать тебе оружие. Это, конечно, странно! На моем веку, такое впервые. Никогда не слышал о том, чтобы боец, выходящий на песок, не позаботился об оружии. Ну да ладно, кто платит, тот и заказывает музыку.

Он остановился и, отперев еще одну дверь, распахнул ее передо мной.

— Это стандартное вооружение для арены. Выбирай.

Я заглянул вовнутрь. Там на специальных вешалках висело несколько комплектов почти такого же снаряжения, как и у Грэма.

— Давай, чего ждешь! — Фалькон хлопком по спине загнал меня в оружейку.

К подобной снаряге я привычен. Быстро натягиваю панцирь, пояс, кольчужную юбку, и,

только полностью экипировавшись, чувствую разницу. Щель в забрале намного уже, видимость прям как у зашоренной лошади — ни вправо, ни влево, только прямо перед собой и все. Грудь прикрыта панцирем, зато руки и ноги голые. Меч такой короткий, что нанести им смертельную рану крайне затруднительно. В общем, замысел устроителей понятен — затянуть схватку как можно дольше, а летальный финал оттянуть по максимуму.

Попрыгав, проверяю как все сидит и только после этого ударяю мечом по щиту — готов! Фалькон кивает и ведет меня к выходу. Останавливаемся. Впереди яркий сноп света, какой-то плохо различимый гул. Шлем глушит большую половину звуков и ничего толком не разобрать. Просто стою и жду сигнала. Наконец, Фалькон машет рукой — пошел!

Выбегаю на арену. Под ногами привычный песок, на другом краю здоровенный бугай в почти такой же броне, как и на мне. Провожу взглядом по кругу. Гостевая ложа. Пышно разодетая публика и среди них — Лириан и Ильсана. Иду дальше. Зона арбитров. Нырью в сумрак и в сером мареве не вижу ни единого стража. С облегчением выдыхаю — кажись, пронесло!

Звучит гонг, и здоровяк, срываясь с места, несется на меня с яростью бешеного быка. Я действую полностью на рефлексах. Все как с ребятами Грэма, только намного легче. Никаких тебе змей и лишних рук. Вход в сумрак и шаг в сторону. Выход! Бугай ошалело продолжает нестись вперед, вот только я уже у него за спиной.

Противник разворачивается и все по новой. Потом еще раз. Еще. Бугай уже тяжело дышит и еле движется. Вот теперь это будет правдоподобно. Вхожу в сумрак, пропускаю здоровяка и на самом выходе бью рукоятью меча куда-то в область широченного затылка. Мой противник, потеряв щит, катится по земле, поднимая тучу песка.

В шлем, как гул водопада, пробиваются вопли толпы. Обвожу взглядом трибуны — разинутые в крике рты, красные от натуги рожи. Все чего-то орут, но смысл до меня не доходит. Подхожу к поверженному противнику, и удивляюсь насколько тот действительно огромен. Наверное, головы на две выше меня. Он лежит без сознания, и я отшвыриваю ногой, выпавший из его руки меч.

Звенит гонг и мне засчитывают победу. Кажись все, могу спокойно уходить.

Сажу на циновке в той же самой камерке, куда меня определили с самого начала, но только теперь передо мной ходит из угла в угол рассерженный Лириан.

— Ты пойми, так мы денег не заработаем. Еще одна такая победа и в финале все будут ставить на тебя. А надо наоборот!

Устало поднимаю на него взгляд.

— Так чего вы хотите?

— Надо, чтобы ты проходил в следующий круг с натягом, еле-еле, — он смотрит на меня в упор, — из последних сил. Ты понял! Чтобы в твою победу никто не верил.

— Это же обман. — Бурчу еле слышно, но Лириан все же слышит и взрывается. — Здесь все обман! Ты сам обман! Я не знаю, как ты выигрываешь, но нутром чую, какая-то лажа в этом есть!

Не заводи его. — Слышу шепот Гора. — *Делай как он хочет, раз уж согласился.*

Я и сам чувствую, что ссориться с Лирианом ни к чему, лучше побыстрее закончить этот фарс и убраться отсюда, поэтому примирительно поднимаю ладони.

— Я все понял. В следующем бою постараюсь повозиться подольше.

Сынок спафария отходит не так быстро, как закипает и продолжает нервничать.

— Не повозиться!.. Дай интригу! Покажи борьбу!

Раздраженно пожимаю плечами.

— Мне что, дать им себя порезать!

Остановившийся Лириан резко поворачивается в мою сторону.

— То, что надо! Прелей кровь на песок, свою и чужую!

На это у меня уже нет слов, молча стискиваю зубы: «Щас тебе! Хочешь крови, выходи на арену сам!»

Поскольку я молчу, Лириан считает, что до меня дошло, но все-таки повторяет:

— Прелей кровь! Ты меня понял?

Молча киваю и недвусмысленно смотрю на дверь, намекая, мол хватит нравоучений, пора и честь знать, это все-таки время моего отдыха.

Оранжевые пятна горящих факелов бликуют по кругу, освещая желтый песок арены и оставляя в темноте ревущие трибуны. В узкой прорези забрала виден только мой противник. Закрывшись щитом и напружинившись, как готовый к прыжку хищник, он ждет, когда я подойду ближе. Я не тороплюсь, хотя желание закончить все побыстрее подзуживает меня попросту войти в Сумрак и прекратить этот изрядно поднадоевший мне фарс.

Это уже финал, позади три поединка, два пореза на моих руках и одна обмотанная тряпкой рана на ноге. Все эти отметины — результат моих стараний по созданию интриги и правдоподобности. По сути, я их сам себе нанес, пусть и чужими руками. Все, как просил Лириан. Во втором бою не стал сразу уходить в Сумрак, а попытался выстоять в реальном столкновении. Принял удар на щит и тут же пожалел о содеянном. Сразу же заныло плечо, а противник, не давая мне передыха, лупил и лупил со всей дури, загоняя меня в угол. У меня, конечно, был опыт сражений на арене, парни Грэма гоняли меня почти две недели, но оказалось, что без Сумрака боец из меня никудышный. Помню, отступая после очередного удара, я оступися и упал. Попытался подняться, и вражеский клинок, доставая, чиркнул меня по ноге. Брызнула кровь, и трибуны радостно завыли в предвкушении развязки. В следующий миг тяжелый армейский сандалий ударил меня в грудь, а отточенное лезвие взлетело, целясь прямо в шею.

От неминуемой смерти меня спасло только стремительное вхождение в Сумрак. Кончик меча был всего лишь на палец от моего горла, когда серая взвесь укутала арену. Утирая струящийся пот, я выбрался из-под удара и с трудом справился с желанием засадить кулаком по искривленной от ярости морде моего противника. Раскрываться было бы неблагоразумно.

Больше я так не подставлялся, и под конец, в очередной раз уйдя в Сумрак, я организовал моему визави как-бы случайное падение и аккуратноенько резанул его мечом по ребрам. Кровища рекой, противник неподвижен, но цел. Все как заказывали, и я прохожу в следующий тур под недовольный рев толпы, посчитавшей мою победу незаслуженной.

Третий бой прошел уже более предсказуемо. Для меня, конечно. Бесконтрольно бить себя я больше не позволял и разыграл все как по нотам: бегал от противника, падал и даже порезал себя его мечом. В общем, публика меня презирала и была просто в бешенстве, когда я выиграл. Зато Лириан был доволен и Ильсана, надеюсь, тоже. Все трибуны желали мне поражения и ставки шли пять к одному. Тогда, может быть впервые, я подумал о том, какие огромные деньги я зарабатываю для других.

Теперь, в финале, надо было все закончить так, чтобы ни у кого не возникло подозрений в мошенничестве. Мой противник, жилистый невысокий мужичок с зеленой кастой, видимо, хорошо изучил все мои предыдущие бои и явно был в непонятках — как это мне удалось добраться до финала? Вот он осторожно идет на сближение, предоставляя мне право первой атаки. Я этого, конечно же, делать не собираюсь. Собственная атака для меня опасней чужой — в азарте можно подставиться и не успеть уйти в Сумрак.

Публика недовольно свистит, требуя активности, а мы ходим кругами и присматриваемся. Наконец, противник не выдерживает и делает резкий выпад. Я закрываюсь и отступаю. Еще один удар, мужичок входит в раж. Еще бы, он все контролирует и видит мою полную беспомощность. Обманное движение, замах, и вот сейчас его меч должен опуститься мне на голову.

Нырью в Сумрак и на выходе оставляю ему глубокую рану на ноге. Толпа ревет, не понимая, как я вывернулся. Противник тоже в замешательстве, но кровь из ноги хлещет, и он вынужден торопиться. Зато мне теперь спешить некуда. Мотаю его по арене, пока он окончательно не выдыхается, а затем оглушающим ударом по шлему отправляю его на песок. Выглядит эффектно, а на деле, кроме контузии и потери крови мужичок ничего не получит. Совесть моя чиста.

Закончив с поклонами, ухожу в свою каморку с чувством человека совершившего что-то очень скверное и нежелающего это признавать. В голове зудит только одна единственная мысль: «Хвала Хранителям, все закончилось, и я никого сегодня не убил». Почти бегом пролетаю по коридорам и заскакиваю в свою каморку. Хлопаю дверь и, прислонившись спиной к стене, опускаюсь на корточки. Сейчас, когда все закончилось и можно спокойно выдохнуть, я вдруг по-настоящему осознаю, что я только что мог убить совершенно незнакомых мне людей, не сделавших лично мне ничего плохого, только потому, что меня попросили об этом абсолютно чужие мне люди.

«Зачем?! Ради чужих денег! Ради чужой женщины, о которой я ничего не знаю! — И словно определившись, я вдруг шепчу: То, что я сделал — грязное мошенничество. Мошенничество, замешанное на чужой крови, и только милость Хранителей уберегла меня сегодня от хладнокровного убийства. Именно убийства, ведь поединком то, что происходило на арене язык не повернется назвать».

Что делать с этим пониманием, я понятия не имею и, словно очерчивая черту, безмолвно кричу на самого себя: «Никогда! Никогда я больше не буду заниматься этим дерьмом!»

Лошадь почти остановилась перед воротами, и Кабур хлопнул вожжами.

— Пошла!

Телега, подпрыгнув на кочке, въехала во двор, и, не дожидаясь остановки, я спрыгнул на землю. Размяв затекшие ноги, глянул на едва начинающий светлеть горизонт — скоро рассвет, а значит на работу и поспать уже не удастся.

«Хорошо бы успеть чего-нибудь съесть перед этим». — Мелькает насущная мысль и я, оглядываясь вокруг, ищу возможность воплотить ее в реальность. В животе подсасывает от голода, и неудивительно, обратно ехали всю ночь без остановок. Перекусили раз, на ходу, а вот поспать не удалось вовсе. Телегу трясло, Кабур постоянно нес всякую хрень, в общем, я вымотался до предела и сейчас был одержим только одной мыслью — если не поспать, то хотя бы что-нибудь бросить в урчащий желудок.

Кабур остался возиться с лошадью, а я, пройдя мимо задней стены господского дома, направился к «черной» двери на кухню. Знаю, там работа начинается еще до рассвета и если старшего повара не будет, то, наверняка, удастся что-нибудь перехватить. Подхожу ближе, прислушиваюсь и вдруг различаю разговор явно не кухонной прислуги и, уж точно, происходящий не за этой дверью. Останавливаюсь в недоумении и, отчетливо разобрав прозвучавшее имя, догадываюсь кто говорит.

— Надеюсь, молодой господин, понимает, что я обязан доложить господину спафарию о вчерашнем происшествии.

Голос квестора Фарона я не с каким другим не перепутаю, а к кому он может обращаться, молодой господин, тоже сомнений не вызывает. Понимая о каком происшествии идет речь, я замираю и слышу ответ Лириана.

— О чем ты, Фарон, какое происшествие? Так, безобидное развлечение. У моего отца и без этого полно проблем, зачем обременять его подобной ерундой.

«О как! — Язвлю я про себя. — Заработать не меньше таланта серебра за один день у него теперь называется ерундой».

Прислушиваюсь и замечаю в тоне квестора появившееся упрямое раздражение.

— И тем не менее, то, что произошло, является прямым нарушением строжайшего приказа господина. Наличие неприкасаемого в доме — абсолютная тайна, а его выход с территории и, уж тем более, участие в гладиаторских играх ставит под угрозу не только сокрытие сего факта, но и может нанести вред самому господину Дидалу. Мой долг, как квестора дома Ашшура, донести до господина спафария эту информацию.

После такой открытой угрозы где-то там в глубине дома повисло напряженное молчание. Эта напряженная тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием, давала мне почти визуальное ощущение двух человек, стоящих друг против друга. Горящий ненавистью взгляд Лириана и упертая непоколебимость, написанная на лице квестора.

Предгрозовое безмолвие вдруг нарушилось едва слышными шагами и характерным цоканьем крохотных каблучков. Длинный подол прошуршал по полу, и грудной голос Ильсаны нарушил напряженную тишину.

— Мой милый Фарон, вы абсолютно правы, никто не может требовать от преданного слуги нарушения его прямого долга. Ты обязан сообщить нашему отцу о нарушении приказа. — Небольшая пауза, показавшая мне разящую улыбку Ильсаны и вновь зазвучавшие слова. — Вот только будь принципиальным до конца и доведи до него сведения обо всех нарушениях, царящих в этом доме.

— Что, милостивая госпожа, имеет в виду? — В заполошности вопроса прозвучала явная встревоженность квестора, а насмешливая ирония ответа показала надменное превосходство, звучащее в каждом слове Ильсаны.

— Я говорю о том, что к своим грехам праведник должен относиться еще более сурово, чем к проступкам грешников. Если уж ты решишь доложить отцу о произошедшем сегодня ночью, то не забудь также рассказать, откуда у твоей малолетней любовницы взялось вот это ожерелье. — Еле слышимый жест руки и звук шагов двух или трех человек. Затем возня, похожая на то, будто ведут насильно удерживаемого человека и вновь голос Ильсаны. — Ну, милая, расскажи нам, откуда на твоей шейке столь дорогое украшение.

Минутное молчание, и в тоне Ильсаны появилась ледяная угроза, лишь прикрытая фальшивой заботой.

— Не бойся. Обещаю, никто тебя не тронет, если ты скажешь правду.

Ловлю испуганный девичий вскрик и настоящий ужас непонимания в звучащих причитаниях.

— Я не виновата! Господин квестор сам мне подарил! Я ничего не просила! Я не...

Шорох руки, останавливающий поток оправданий и скользящая ядовитой змеей ирония Ильсаны.

— Как я тебя понимаю, Фарон! Даже такому чудовищу как ты иногда хочется простой человеческой теплоты, а тут такой соблазн. Смазливая, совсем юная, а еще очень жадная и готовая на все. — Эффектная пауза перед вынесением приговора и как удар хлыста хлесткое завершение. — Никто тебя не осуждает, разве что ее родители, но это пусть будет на твоей совести. У меня всего лишь один вопрос, откуда у нашего честного квестора взялись деньги на такой дорогой подарок?

Фарон не желает сдаваться и сходу отметаёт все обвинения.

— Я служу господину уже больше двадцати лет и могу позволить себе...

Его прерывают, не давая договорить, но это уже Лириан.

— Не пори чушь, Фарон! Никому не интересно, что ты можешь себе позволить. Твоя скупость всем известна и отцу тоже. Как ты думаешь, какая первая мысль посетит его, когда мы отвезем ему эту девку. — В звучащем голосе сквозит откровенная издевка. — Правильно мыслишь. Несмотря на все двадцать лет твоей беспорочной службы, первое, о чем подумает наш отец, будет — скурвился Фарон. Скрысятничал на потеху своей шлюхи!

По наступившей тишине понимаю, что квестор так же, как и я, сейчас думает о том, что Лириан не так уж и неправ. Вспоминаю свое первое утро в доме спафария — камеру пыток, жуткие орудия, разложенные на кожаном фартуке и равнодушно-ледяные глаза палача. Мысленно соглашаюсь со своими воспоминаниями: «Да уж, если у Дидала появятся сомнения, то развеять их он может и столь радикальными методами».

Раздумье Фарона затягивается, а это значит, что скорее всего он сейчас уступит. Так и есть, слышу откашливание, а затем каркающий голос.

— Хорошо. Я готов согласиться с разумными доводами. Не стоит тревожить по пустякам столь великого и занятого человека, как спафарий Дидал Ашшур. — Еще одна пауза, а за ней слышу выдвигаемое условие. — Но надеюсь, вы понимаете, что это одноразовое соглашение, и в дальнейшем, я не смогу покрывать ваши опасные игры. Если в ваших планах есть повторение вчерашнего случая, то вам лучше совсем забрать неприкасаемого с виллы. Я не буду препятствовать, забирайте. Забирайте со всей ответственностью, лежащей сейчас на мне.

С напряжением жду ответа и грустно вздыхаю, не сомневаясь каким будет этот ответ:

«Вот и конец твоей райской жизни, Юни. В чем ты там клялся?! Никогда больше не выйдешь на арену! Сейчас тебя сдадут Лириану со всеми потрохами, и куда он тебя отправит?!»

Вместо брата ответила квестору Ильсана.

— Такой вопрос без отца не решить, а у него сразу же возникнут подозрения.

По части выхода из самых сложных дворцово-дипломатических ситуаций, Фарон, бесспорно, лучший. Это и понятно. Двадцать лет бессменно руководить «империей» Ашшуров и все еще оставаться в мире живых, такое по плечу только гению. Его резкий голос, достигший моих ушей, лишь еще раз подтвердил эту истину.

— Я сам напишу господину о том, что по вашей просьбе отправил неприкасаемого на виллу Сорби. — По какому-то неуловимому звуку чувствую, как глаза Фарона вцепились в лицо Лириана. — Ведь это поместье совсем недавно ваш отец подарил вам. Вы там еще не были и теперь решили провести там полную ревизию и заняться хозяйством. У вашего отца подобное желание вызовет одобрение, а способности неприкасаемого в таком деле будут весьма уместны. На первое время этого объяснения будет вполне достаточно, а в дальнейшем вы уж выкручивайтесь сами.

Слышу шаркающие удаляющиеся шаги квестора, а затем вновь его голос, ставящий последнюю точку.

— И вот еще что, если все-таки решите забрать неприкасаемого, то свое желание вы должны озвучить мне при свидетелях.

Заслушавшись, не замечаю, как открылась «черная» дверь кухни, и оттуда высунулась круглая физиономия стряпухи.

— Эй, ты че там застыл?! — Ее голос заставил вздрогнуть от неожиданности. — Только приехали? А где второй то?

Мой обостренный неведомой силой слух воспринимает ее слова как чудовищный грохот обвала, разрывающий барабанные перепонки. Хочется упасть на землю, заткнуть уши и сжаться в позу эмбриона.

— Эй, ты чего, оглох что ли?! — Горная лавина начинает понемногу трансформироваться в человеческие слова. Вижу шевелящиеся губы и с трудом улавливаю смысл.

— Ты че пришел-то, есть хочешь? — На широком скуластом лице появляются усталые морщинки.

Не в силах выговорить ни слова, утвердительно киваю головой и получаю густо посыпанную солью краюху.

— Так бы и сказал сразу, — ворчит надо мной стряпуха, — а то мычишь как немой, кто тебя разберет.

Благодарно кланяюсь и заглатываю хлеб большими кусками. Усиленная работа челюстями разгоняет головную боль и понемногу проясняет мозги.

«Кажется, отпустило! — Облегченно выдыхаю и, поблагодарив еще раз великодушную тетку, неспешно бреду в сторону своего сарая. — Что теперь делать? — Стучит в висках краеугольный вопрос. — Если меня отдадут Лириану, то возможности отказать ему уже не будет никакой. Он бросит меня на ринг, где придется убивать на потеху толпе, и где, рано или поздно, меня выведут на чистую воду».

Несмотря на конкретный вопрос, Гор не торопится включаться. Видимо, у него тоже нет готовых рецептов, и мое сознание, пробираясь сквозь панические сполохи, находит пока единственный выход: «Бежать!»

Вот тут сразу просыпается демон.

Куда ты собрался бежать, кретин?! С твоей кастой тебя сдаст страже первый же встречный!

Его издевательская безапелляционность бесит, и я зло кричу в ответ:

— Оскорблять, конечно, проще всего! Может быть сам что-нибудь путное предложишь?!

Моя вспыхнувшая ярость тут же наткнулась на встречный отпор.

А с чего бы это мне тебя спасать? Я что-то не помню, чтобы ты принял протянутую руку дружбы.

«Дружбы?! От такой дружбы конидохнут!» — В сердцах ворчу про себя, совершенно забыв, что любые мои мысли для демона открытая книга, и его реакция не заставляет ждать.

Значит, вот ты как! Кони, значит,дохнут! Тогда выбирайся из своего дерьма сам. Ты же у нас такой умный, а я подожду. Тысячу лет ждал и еще тысячу подожду! Буду смотреть на твой изъеденный червями труп и повторять — а ведь мог бы жить, глупец! Жить и радоваться жизни. Какой горький урок!

Я уже понял, что сейчас лучше с ним не спорить и, шагая к своему сараю, стараюсь думать лишь о том, как вытянусь на своей копне сена и смогу, наконец, заснуть.

Просьпаюсь от тревожного ощущения непростительного проступка. Полуденное солнце бьет сквозь щелястую крышу, и я в ужасе вскакиваю на ноги — «Проспал!» Заполосно озираюсь, но уже через мгновение понимаю, я не мог проспать, потому что от меня это никак не зависело. С восходом меня попросту выгнали бы пинками.

«Тогда почему же я проспал до сих пор? — Ответ очевиден, и я тут же задаю себе следующий вопрос. — Почему за мной никто не пришел?»

Догадки на этот счет у меня есть, но степень моей тревоги это никак не снижает. Быстро подхожу к двери и заглядываю в щель. На дворе перед сараем выстроилось в очередь несколько телег. Группа дворовых жметя в стороне, настороженно поглядывая на квестора, осматривающего привезенное добро. Два писца за его спиной усердно строчат перьями. Все вроде бы как обычно, но у меня стойкое ощущение, что все это лишь срежиссированные декорации к предстоящей сцене. Ощущение усиливается, когда от парадного входа во двор въезжает хорошо знакомая мне двуколка. Все присутствующие тут же почтительно кланяются в ее сторону, а сидящий в ней Лириан, ни на кого не глядя и не отвечая на приветствия, надменно бросает склонившемуся квестору.

— Фарон, мы уезжаем на виллу Сорби. Там предстоит много работы, и мне нужен хороший счетчик. Я тут видел у тебя одного, — он делает вид, что пытается вспомнить, — молодой такой... Кстати, где он? Я хочу забрать его с собой.

Квестор кланяется еще ниже.

— Я понял о ком вы говорите, молодой господин. Сию минуту его вам приведут. — Он подает знак, и я тут же слышу звук отпираемого замка, словно бы кто-то стоял у двери и ждал сигнала.

Едва успеваю отскочить, как дверь распаивается, и в проеме яркого солнечного света вырастает мрачная фигура того самого мужика, что когда-то доставил меня сюда.

Звучит отрывистая, как удар хлыста, команда.

— Пшел!

Подчиняюсь и сделав шаг, жмурюсь от палящего солнца. Тут же получаю в спину бодрящий тычок и с едва контролируемым ускорением вылетаю во двор.

— Этот? — Слышу голос Фарона и, подняв глаза, встречаюсь взглядом с Лирианом. Тот молчаливо кивает и еще одним увесистым тычком меня направляют к стоящей за двуколкой телеге. Там с надменностью императора, никак не меньше, восседает Кабур. Меня он полностью игнорирует, делая вид, что вообще не знает кто я такой.

«Ну и ладно, — бормочу про себя и запрыгиваю на облучок, — не очень-то и хотелось. Не будет доставать своей болтовней».

Двуколка впереди трогается, и мы вслед за ней. Народ провожает нас взглядом, и едва мы проезжаем мимо, как все, словно выдохнув и распрямившись, возвращаются к прежним делам. Арка ворот пролетает над головой, как рубеж, с которого начинается отсчет моего нового, не сулящего ничего хорошего, будущего.

Вилла Сорби совсем не похожа на предыдущее поместье. Здесь нет никаких сельскохозяйственных угодий, ни ферм, ни полей, ни деревень. Это скорее дом для отдыха и наслаждений. Огороженная каменной стеной территория занята огромным садом и парком.

Ухоженные мраморные дорожки ведут к величественному особняку в стиле ушедшей монументальной эпохи с гигантскими колоннами и статуями. Солнце отражается в голубых овалах бассейнов, а где-то там за зеленью парка видны крыши хозяйственных построек и конюшни. Меня, как это ни странно, ведут не туда, а в сторону господского дома. Еще издали с центральной аллеи вижу парадную лестницу и стоящую на ней охрану. Подходим ближе и, к моему удивлению, среди прочих нахожу там Парса.

«Он то что здесь делает? — Отмечаю без особой настороженности. — Вроде как он всегда был тенью спафария Дидала».

Ловлю на себе мрачный взгляд главного охранника и отворачиваюсь. Отвлечшись, чуть не пропускаю, как мой провожатый неожиданно сворачивает в боковую аллею и едва успеваю за ним. Уже не отстаю и, бодрым шагом пройдя почти через весь парк, мы выходим к маленькому домику с террасой на берегу заросшего кувшинками пруда.

— Заходи. — Кабур дергает на себя ручку двери.

«Интересно, зачем меня сюда притащили», — раздумывая, прохожу вовнутрь и слышу, как за спиной захлопывается дверь. Резко оборачиваюсь, не понимая, что происходит и настороженно обвожу взглядом вокруг. Я один в небольшой комнате. Кровать, стол, лавка, в углу выложенный кирпичом очаг. В комнате чисто и уютно, но жилье явно не хозяйское. Это вводит меня в еще большие сомнения: «К кому меня привели? Кто может жить в таком доме?»

Задумавшись, не замечаю как открылась дверь, и голос Лириана застаёт меня врасплох.

— Что нравится? Не стесняйся, располагайся как дома, ведь это теперь твой дом.

Сказать, что я потрясен, так это ничего не сказать. Я ошарашен и не могу поверить в услышанное, я даже не могу сказать рад ли я. У меня никогда не было настоящего дома, я никогда не спал на настоящей кровати. Охапка соломы на полу была для меня за счастье, а соломенная крыша над головой — предел мечтаний.

Видимо, моя отвисшая челюсть полностью удовлетворила Лириана, и пройдя к столу, он выложил на него три серебряные монеты.

— Это тоже твое. Твоя доля за бои в Кали-Сан.

«Нет, это уже перебор! — Отчаянно бормочу, не в силах представить себя обладателем всего этого. — Три имперских динара, да таких денег весь наш поселок отродясь не видывал».

В этот момент я не думаю, а зачем мне, собственно, деньги, если мне негде их тратить, зачем мне дом, если у меня нет семьи, и я, по-прежнему, неприкасаемый изгой. Трезвый рассудок покинул меня, я попросту заморожен блеском серебра и притягивающим очарованием доступности, казалось бы, недостижимой мечты. Сколько бы еще я пребывал в этом состоянии, не знаю, но терпение демона закончилось намного раньше.

Закрой рот и прекрати пускать слюни! — Внутри меня заклокотало злое раздражение Гора. — *Если бы я знал, что тебя так легко купить, то вместо неограниченной власти давно бы предложил тебе десяток золотых монет и халупу поприличней. Очнись, придурок! Бесплатный сыр только в мышеловке!*

Несмотря на грубые оскорбления, сейчас я ему благодарен. Наверное, вот такая беспощадная выволочка и нужна была мне для того, чтобы прийти в себя. К счастью, Лириан не смотрит на меня и не читает по моему лицу произошедших перемен. Он очень доволен собой и разыгранным представлением.

Собрав монеты в столбик, он повернулся ко мне.

— По сравнению с тем, сколько ты можешь заработать в будущем — эти три динара жалкие крохи. Через три недели в столице пройдет большой праздник, день рождения императора. Ярмарки, раздача хлеба и, конечно же, любимое развлечение подданных империи — гладиаторские бои. Скупиться не будут, откроются десятки арен от подпольных «волчьих ям» до главного столичного амфитеатра. Вот там будут настоящие деньги, и ты можешь принять в этом участие.

Лириан использует слово «можешь» так, будто у меня, действительно, есть выбор. Я чувствую, что это не так, но решаюсь все же попробовать, может быть, хотя бы удастся выиграть время.

— Предложение очень заманчивое, но у меня еще не затянулись раны с прошлого турнира, да и нога ноет после травмы. Хотелось бы сначала полностью восстановиться, ведь бойцы в столице, наверняка, будут посерьезней.

Все мои возражения, как и надежды на возможность выбора, Лириан отмел сходу, даже не дослушав.

— Раны у тебя пустяковые, не придумывай лишнего, а вот насчет бойцов, это разумно, хвалю. — Наигранная радушная улыбка сменилась привычным равнодушно-жестким выражением лица. — Для этого я вызвал сюда Парса. Он поднатаскает твою активную фазу, а то в прошлый раз твои атаки выглядели уж слишком жалкими.

Вот сейчас я по-настоящему почувствовал «запах жареного». Парс и так был полон подозрений, а выйдя со мной на арену только укрепится в них. Острое чувство опасности разогнало весь «розовый туман», заставив думать четко и быстро.

«В императорских играх участвовать нельзя, там арбитраж будет соответствовать всем правилам, и халява, подобная Кали-Сан, не пройдет. В спарринге с Парсом тоже участвовать крайне нежелательно, он раскусит меня на раз. Значит, остается только побег! А раз тренировка с Парсом может состояться уже завтра, то времени на раздумья совсем нет. Последний шанс — сегодняшняя ночь, и бежать придется без подготовки, без разведки, надеясь только на милость Хранителей». — Все это пронеслось в моей голове, к счастью, никак не отразившись на лице. Что-что, а контролировать эмоции, за последнее время, я научился.

Поскольку я все еще никак не отреагировал на предложение, Лириан подумал, что раны все же реально беспокоят меня, и решил немного смягчить тон.

— Не думай, что я какой-то бездушный монстр, и твое здоровье меня не волнует. Ты мне по-настоящему интересен и ты же видишь, я умею быть щедрым. Здесь на вилле есть врач, он осмотрит твои травмы, и я уверен, через неделю будешь как новенький.

Изобразив крайнюю степень благодарности, кланяюсь Лириану, но успеваю подумать, что соглашаться пока рановато. Излишняя покладистость может вызвать подозрения, поэтому задаю вопрос, который должен был бы волновать меня больше всего, реши я реально участвовать в боях.

— А как же быть с кастой? Меня же порвут на части прямо там на арене, если узнают. А ваш отец? Неужели он дал согласие?

Упоминание старшего Ашшура отражается на лице Лириана раздраженной гримасой.

— Это не должно тебя волновать, особенно мой отец! Все проблемы я решу, не сомневайся. Отец ничего не узнает, и от судей претензий не будет. На столичных аренах имя Ашшур имеет вес и влияние. — Он подошел и похлопал меня по щеке. — Не переживай, у меня есть возможности обойти любые «острые углы».

Я, конечно, не верю, но считаю, что такой ответ для простачка Юни сойдет и вполне можно соглашаться.

— Ну, если так... — тяну я, изображая глуповатое раздумье, — то пожалуй, я согласен. — Тут же спохватываюсь и доवेशиваю понятной Лириану жадности. — А дом? Дом уже мой, я могу здесь остаться?

— Конечно. — Лириан не в силах сдержать презрительно-снисходительной усмешки. — Дом и деньги твои. Можешь купить все, что захочешь, скажи только Кабуру, он организует.

Лежу на кровати, закрыв глаза, но сна нет. За распахнутым настежь окном уже глубокая ночь и полная тишина. Ветер стих, деревья стоят черной стеной молчаливых истуканов, и даже птицы затихли, словно сопереживая напряженности момента.

Наконец, я решаюсь и резко встаю с постели.

«Пора! — мысленно подстегиваю себя. — Тянуть дальше не имеет смысла, так можно и до утра дожидаться».

Собирать мне нечего, поскольку все мое имущество надето сейчас на мне, и лишь монеты чужеродной и непривычной тяжестью оттягивают карман.

Поднимаю ставень и осторожно выглядываю наружу — никого. Не торопясь, некоторое время выжидаю и прислушиваюсь к ночным звукам — вроде бы ничего подозрительного.

Оконце узковато даже для моего худосочного тела. Хвала хранителям, хоть не высоко, и высунутая нога достает до земли. Почувствовав опору, переносу на нее вес тела. Еще немного, и вот я уже снаружи. Замерев, напрягаю слух и, не услышав посторонних звуков, осторожно делаю первый шаг. Дальше уже уверенней выхожу на дорожку и прибавляю ходу. Сердце колотится как бешеное, до сих пор по-настоящему не верится, что я таки решился на побег.

Прижимаюсь к темной стене деревьев, но иду по мраморным плитам тропинки, чтобы не шуршать травой. Пока что тихо. Дорога кажется бесконечной, по ощущениям я давно уже должен был дойти. Тревожные мысли осаждают как потревоженные осы: «Может быть я ошибся в темноте и иду не туда! Может я хожу по кругу!»

К счастью, в свете вдруг показавшейся луны вижу чернеющую полосу каменной стены и успокаиваюсь. Теперь надо придумать, как через нее перелезть. Поскольку времени на подготовку не было, то и заранее составленного плана тоже нет, вся надежда на экспромт. Подхожу ближе и нахожу подходящее дерево. Если постараться, то с него можно запрыгнуть на верх забора.

Сучкастый ствол словно создан для моего побега. Лезу уверенно. Вот подходящая ветвь. Смотрит как раз в сторону забора, и довольно толстая, чтобы выдержать мой вес. Иду по ней сколько можно, а затем прыгаю. Приземляюсь на вершину стены и замираю, прислушиваясь к наступившей тишине. Позади пение птиц, шум листвы и стрекот цикад, а впереди темная пропасть, куда мне надо шагнуть. Ложусь на живот и, цепляясь руками, сползаю по забору. По воспоминаниям, высота где-то в три моих роста, и что там внизу не разобрать. Повиснув на руках, выдыхаю и разжимаю пальцы. Мгновение полета, и ноги амортизируют приземление. Взмахиваю руками, пытаюсь удержаться, но куда там, падаю и качусь вниз. Уклон серьезный, и остановиться удастся лишь в самом низу. По ощущениям все цело и боли нет. Осторожно поднимаюсь, но земля тут же уходит из-под ног. Слышу топот человеческих ног, и грозный рык Парса.

— Держите крепче, болваны! Паренек уж больно пряткий.

Сетка врезается в тело, запутывая и не давая вырваться. Пытаюсь уйти в Сумрак, но жесткий удар в голову лишает сознания, а где-то на периферии вновь звучит голос Парса.

— Вот видите, мой господин, я же говорил вам, этот волчонок не так прост, как хочет казаться.

Сознание приходит вместе с болью. Сухожилия вывернутых рук трещат, готовые вот-вот порваться. Во рту привкус крови, а перед глазами мутная багряная пелена.

Дыба! Прорываясь сквозь боль, приходит отчаянное и совершенно ненужное понимание.

Чья-то рука грубо поднимает мой подбородок, и перед глазами появляется злое лицо Лириана. Его раздраженный голос доходит с опозданием, совсем не в такт с двигающимися губами.

— Зачем?! Не понимаю, чего тебе не хватало?!

Я молчу, а он кричит мне в лицо:

— Ты все мне испортил! Ты хоть понимаешь, что тебе полагается за побег?!

Оскаленный рот брызгает слюной.

— Я прикажу содрать с тебя кожу живьем!

Жесткие пальцы отпускают подбородок, и моя голова обессилено свешивается на грудь. Угрозы на меня не действуют, потому что остатки моего сознания зациклены лишь на боли и вообще не воспринимают окружающий мир.

Откуда-то из небытия доносятся шаги, голоса, а затем в лицо мне хлещет поток холодной воды. Перед глазами вновь появляется лицо Лириана.

— Жить хочешь, паскуда?! — Его рот кривится в злобно-презрительной гримасе.

Боль по всему телу настолько невыносима, что вопрос мне кажется смешным. Все что я хочу сейчас — это умереть. Чтобы закончилась боль и, наконец, наступил покой.

Разбитые губы растягиваются в усмешку и, сплюнув кровавый сгусток, я нахожу в себе силы прошипеть:

— К демонам! Тебя и твои деньги, все к демонам!

Моя голова вновь падает на грудь, и резкий крик Лириана к кому-то за моей спиной долетает как затихающее горное эхо.

— Продолжай! До гаденыша видать еще не дошло!

Реальность проявляется медленно-медленно, словно прощупывая, жив ли я еще или уже нет. Постепенно начинаю чувствовать холод каменного пола, идущую от стен сырость. И в подтверждение еще не сформировавшейся мысли, сознание отчетливо фиксирует — я жив.

Не успеваю полностью осознать этот факт, как в голове проявляется мое второе чужеродное я.

Да ты — чертовски живучий сукин сын! Не буду скрывать, я удивлен и даже немного рад этому. Надеюсь, что ты, наконец-то, осознал, что без меня тебе не справиться. Договор готов, только скажи “да”, и мы разнесем в клочья эту халупу и всех твоих мучителей.

Несмотря на то, что Гор, пользуясь моментом, пытается вновь меня надуть, мне все равно приятны его слова. По сути, этот демон, или что он там из себя представляет — единственная живая душа, которой я не безразличен. Какие бы корыстные мотивы не крылись в его голове, он искренне радуется тому, что я выжил. От этих мыслей у меня даже навернулась слеза умиления и очень захотелось согласиться. Просто так, без всяких условий, только ради того, чтобы сделать ему приятно.

К счастью, способность анализировать и природная подозрительность возвращаются ко мне быстрее, чем кое-кому бы хотелось, и я начинаю подозревать, что подобные мысли у меня появились неспроста, и скорее всего, Гор сам мне их и подбрасывает. Гоню прочь всю эту слезливую чушь и пытаюсь приподняться. Попытка заканчивается неудачей, зато отзывается болью в расплосованной спине и осознанием того, что у меня связаны руки и ноги. Падаю обессиленно на пол, но удивительное дело — вместо страха и паники испытываю какое-то обнадеживающее удовлетворение. То, что я только что испытал, это не жуткая разрывающая боль от загнивающих кровавых ран, а скорее зудящее болезненное ощущение, как от заживающих, уже покрытых коркой рубцов. Уж я-то знаю разницу, и уж в чем в чем, а в боли я разбираюсь.

«Как это может быть? — Оставляю попытки сесть и стараюсь хоть как-то объяснить случившееся самому себе. — Сколько я здесь валяюсь? Если бы долго, то связанные руки и ноги уже затекли бы и посинели. Да и вообще, я же помню, меня били так, что на спине сейчас должен быть настоящий гнилой фарш. Жар, лихорадка! А ничего нет! Как это может быть?!»

Вопросов прозвучало более, чем достаточно, для того, чтобы в мои мыслительные потуги вмешался демон.

Ну что ты заладил. Почему? Как это может быть? Живой и ладно! Другой бы радовался, а этот нет, изводит всех вопросами. Что тебе непонятно? Ведь даже к такому олуху, как ты, и то должно бы уже прийти понимание. Ты ведь уже не просто человечико, ты носитель Прим — Сияние Тьмы, а это не фунт изюма... — Тут он замаялся, видимо решая стоит ли ему продолжать, но все-таки закончил свою мысль: — В общем, если заклинание признает своего носителя, то защищает и поддерживает его жизнедеятельность до последнего вздоха.

Несмотря на чудовищность моего положения, не могу не улыбнуться.

— Значит, я ему понравился. — На разбитых губах болезненно трескаются засохшие корочки, но я все равно улыбаюсь, что вызывает раздражение Гора.

Чего ты лыбишься?! Да, ты ему не безразличен, но это ничего не меняет. Заклинание — это всего лишь энергия! Пусть и с каким-то примитивным сознанием, но всего лишь голая энергия, которой надо уметь управлять, и без меня тебе с ним не справиться.

По тому как он раскипятился, прихожу к выводу, что наш всемогущий демон и сам не все понимает про ту силу, которой владеет. А раз так, раз я смог выжить и без его помощи, то сейчас сдавать позиции рановато. Едва успеваю подумать, как тут же морщусь от боли, потому что губы вновь трескаются от непроизвольно появившейся улыбки.

«Что за идиотизм, действительно, — как-то беззлобно напускаюсь на себя, — валяюсь в мокром подвале, не могу толком пошевелиться, а радуюсь, что понравился какому-то сгустку энергии. Прав Гор, я, действительно, кретин».

На этой позитивной мысли осматриваюсь и начинаю ползти к ближайшей стене. Получается медленно, но я не теряю надежды и, изрядно вспотев, все-таки добираюсь до мокрой кирпичной кладки. Упираюсь в нее спиной и, сжимаясь как гусеница, постепенно принимаю сидячее положение.

— Уф! — Облегченно выдыхаю, откидываясь спиной на жесткую опору. — Теперь можно и руками заняться.

Пытаюсь перетереть веревку или хотя бы ослабить, но с этим терплю полное фиаско. Руки связаны со знанием дела, и все мои попытки избавиться от пут оканчиваются ничем. Ослабленный организм быстро устает, и отчаявшись, я оставляю это бесплодное занятие. Затылок упирается в холодный камень, а перед глазами — черное непроницаемое безмолвие, полное безнадежного отчаяния. Тишина режет уши настолько, что я обрадовался бы даже злобным нравоучениям Гора, но тот хранит обиженное молчание, и я как-то незаметно впадаю в полудремотный ступор.

Сколько я так просидел не знаю, но прихожу в сознание от стойкого ощущения, что я в этом подвале не один. Поднимаю тяжелые веки и чуть не вздрагиваю, повсюду вокруг светятся красные точки крысиных глаз.

— Мать честная! — Чувствуя мерзкое касание, брезгливо поджимаю ноги, и с ужасом понимаю, что очень скоро эти твари начнут жрать меня заживо, и я ничего не смогу с этим поделать.

Вновь яростно начинаю тереть веревку, но ничего не выходит, и сознание заполняется панической истерикой. Кричу, лягаюсь ногами, но очень быстро устаю, а крысы становятся все наглее и наглее.

— Что делать? — Ору в надежде на Гора, но тот в отличие от меня проявляет ледяное спокойствие и даже позволяет себе злорадство.

А ты спроси заклинание. Ты же ему понравился, оно тебе обязательно что-нибудь посоветует.

Мне совсем не до сарказма, ведь есть то будут меня, а не его. Горло охрипло от крика, но мои вопли совсем не пугают спящих вокруг тварей. От бессилия немного успокаиваюсь, и это помогает. Рассудок, достучавшись до моего перепуганного мозга, убеждает, что еще не все потеряно, и что у меня даже имеется выбор. Можно уступить демону, а можно попытаться использовать сумрачный щит. Не задумываясь, останавливаюсь на втором варианте и пытаюсь понять, как, используя Сумрак, разогнать стаю голодных крыс, если я неподвижен. Извилины кипят от напряжения, и вдруг, я поражаюсь простоте открывшегося решения. Полностью успокаиваюсь, выравниваю дыхание и вхожу в Сумрак. Сквозь серую взвесь вижу все пространство подземелья и от этого становится еще больше не по себе. Весь

подвал просто кишит крысами. Где они были до этого и почему нашли меня только сейчас, не знаю, но то, что они голодны и не намерены упускать свой шанс пообедать, сомнений не вызывает.

Мои руки связаны за спиной и использовать их для создания щита я не могу, но руки в этом деле не главное. Они скорее для усиления и направления потока, а основное оружие — это сознание, и мне надо очень быстро овладеть новой техникой.

Вкладываюсь в создание щита и пытаюсь взглядом направить его на обнаглевшую крысу, приносившую к большому пальцу моей ноги. Облако серой пыли взлетает по всей охваченной взглядом дуге, и ничего не происходит. Лишь только на миг ползущие твари останавливаются и, задрав морды, водят ими, словно бы в недоумении — что случилось, не опасно ли это? К моему величайшему сожалению, поток слишком слаб и стоя, не почувствовав угрозы, вновь зашевелилась как один чудовищный монстр. А та серая бестия, что пристроилась к моему большому пальцу, тоже не нашла ничего опасного и, настороженно пошевелив носом, вновь приступила к обследованию потенциальной добычи.

Еще немного и острые крысиные зубки вопьются в мою плоть, брызнет кровь, и тогда все, конец — голодная стая бросится на меня. Понимаю отчаянность момента и изо всех сил стараюсь настроить себя на борьбу: «Пусть с первого раза не получилось, но все равно я уверен, тут не в руках дело. Выставленные ладони лишь притягивают на себя взгляд, а через них и поток сознания. Надо постараться проделать все тоже самое, но без них». Закрываю глаза и вновь ухожу в Сумрак. Медленно поднимаю веки и полностью концентрируюсь даже не на самой крысе, а лишь на черной бусинке ее носа.

«Ничего вокруг, только маленький хищный рот, от которого надо защититься. Приготовься! Сумрачный страж атакует! — Точечно нацеливаю сознание на подвижный бегающий крысиный нос. — Щит!»

Тварь сдуло с моей ноги беззвучно и молниеносно, словно мощнейшим ураганным порывом. Шмяк! Ее тело размазалось кровавым пятном по противоположной стене.

Результат настолько впечатляющий, что мгновенно возвращает мне былую уверенность. Вынырываю в реальность и, хватая ртом воздух, позволяю себе немного иронии.

— Простите меня, жуткие создания преисподней, но сегодня вы остаетесь без обеда.

Вновь серая пелена Сумрака. Выцеливаю следующую жертву, но теперь давлю щитом так, чтобы тушка не отрывалась от пола, а летела визжащим снарядом, собирая по пути своих собратьев. Каждый мой удар прометает целые полосы в рядах врагов, и крысиное полчище уже жалобно пищит, предчувствуя неизбежное поражение.

Еще один удар и сметенные серые твари уже не так охотно рвутся в бой, а испуганно бегая у противоположной стены, ищут те щели, из которых они сюда вылезли. Теперь я щелкаю только самых безбашенных и непонятливых, и вскоре в моем царстве мрака наступает блаженная тишина.

В боевом азарте осматриваю поле боя и с чувством удовлетворения выношу победоносный вердикт:

— Поверженный враг бежал, и мое право на это сырое подземелье подтверждено полным превосходством на поле боя!

После такой колоссальной потери энергии ощущаю себя просто выжатым лимоном. От слабости кружится голова, а чувство голода обострилось до невыносимости. Желудок крутит судорогой, и я бросаю взгляд на закрытую дверь. За ней стоит глухая, пугающая тишина, говорящая — тебя не кормили с того момента как бросили сюда и, явно, не собираются

делать этого в будущем.

Откидываюсь спиной к стене и закрываю глаза. Так проще. Голодные спазмы пока еще можно терпеть, но мысль о том, что придется есть убитых мной крыс, становится уже объективной реальностью. К счастью, сознание покидает меня раньше, и я проваливаюсь в черную яму кошмарного сна, из которого невозможно выбраться. Полное забытие сменяется кратковременным бодрствованием, и вновь наваливается беспомощность. Время превращается в какую-то совершенно бесконтрольную величину. Сколько я уже здесь? День, месяц, год?!

Открываю глаза, в мутной пелене вижу все тот же подвал и снова падаю в бессознательную пропасть. Так повторяется, и повторяется, как неторопливо крутящееся мельничное колесо. Жернова трутся, перемалывая дни, а может месяцы или годы.

После очередного провала опять прихожу в себя и с трудом поднимаю тяжеленные ресницы — все тоже самое, тот же подвал, та же темнота и безысходность. Или нет?! Плохо понимаю, но чувствую какую-то странность. Размытое белое пятно качается посередине моей темницы. Было оно раньше или нет, я не могу вспомнить? Пятно приближается, а я ничего не испытываю, мне все равно. Апатия и безразличие владеют мной безгранично. Какая разница кто это или что? Если оно принесет мне смерть, я буду ему благодарен за избавление от мучений.

Вдруг что-то щелкает в моем сознании, и я отчетливо разбираю слова.

— Идиот! Ведь просила же, дождись меня!

Чувствую касание теплой руки, и размытое пятно превращается в склоненное надо мной лицо.

«Ильсана!» — Беззвучно шепчет мой изумленный разум, а на ее лице появляется искреннее удивление.

— Живой?!

Рука моей спасительницы нервно шарит в принесенной корзине и поднимается оттуда с кожаной флягой. Живительная влага льется мне в рот, и с каждым глотком я чувствую, как в мое тело возвращается жизнь. Я еще не способен даже пошевелиться, но мои глаза уже открывают мне прекрасный облик моей спасительницы.

Ее голос звучит строго и повелительно.

— Не шевелись. Сейчас я прикажу тебя развязать и накормить. — Ильсана поднимается на ноги, и в ее тоне появляются стальные нотки. — Эй вы, сюда живо! Развязать, накормить, и, чтобы волос с его головы не упал!

Итак, я провел в полубреду без еды и воды целых семь дней. Так сказал мне охранник, принесший первую миску с похлебкой. Поставив глиняную плошку на пол, он недоверчиво покосился в мою сторону и глубокомысленно изрек:

— Мы то уж думали, ты издох, а гляди кось нет. Живучий!

В отличие от стражника я отлично знаю, кому я обязан этой самой живучестью, но, думаю, если бы не приход Ильсаны, то рано или поздно я бы все-таки умер. Теперь меня поят и кормят два раза в день, но я по-прежнему сижу в темнице. Ильсана больше не заходит. Руки развязали, но на ноги одели кандалы и приковали цепью к стене. Это не совсем то, чего я ожидал от своей спасительницы, но я не в обиде. — «Она здесь не хозяйка и сделала лишь то, что могла». Гор тоже больше не проявлялся, и я его не звал. Вопросов у меня нет, а для пустой болтовни время неподходящее. Я понимаю, он ждет моего согласия на договор. По его мнению время работает на него, и у меня нет другого выхода. Между

медленным гниением в каземате и сделкой с демоном, я рано или поздно должен выбрать сделку. Так что, пока я не принял окончательного решения, звать Гора бессмысленно, он ничем не поможет, а скорее всего и не ответит.

Слышу, как в замке загремели ключи, значит, принесли еду. Стражник, ворчливый и вечно недовольный старый пень, со мной не разговаривает, но еще с первого прихода, из его раздраженного бурчания я выяснил очень важную для моего внутреннего равновесия вещь. Раздача проходит утром и вечером, и теперь я точно знаю какая часть суток там, наверху.

Тюремщик ставит миску на пол, кладет сверху кусок ячменного хлеба, и пробурчав — меня бы так кормили, уходит. Опять клацает ключ, а значит, я могу подойти и взять свою еду. Сволочной старик оставляет мне пайку на самой границе цепи, так что приходится чуть ли не ложиться на пол, чтобы дотянуться.

Я уже не ругаюсь, привык. Пошел пятый день после прихода Ильсаны и моего воскрешения. Рубцы от кнута почти полностью затянулись, вывихнутые суставы вернулись на место, остались только бордовые полосы на спине, да кровоподтеки на лице и животе. Я практически в полном порядке и, чтобы не свихнуться в полном одиночестве, даже нашел себе развлечение. Сшибаю призрачным щитом тараканов и крыс и, надо отметить, добился немалого мастерства в этом деле. Теперь без всякой помощи рук и, управляя щитом только сознанием, я могу, например, слегка придавить насекомое и аккуратненько так, даже не калеча, слегка подвинуть, а могу впечатать здоровенную крысу в стену так, что от нее остаются лишь размазанные по стене кишки. Правда, такими ударами я не злоупотребляю. Кровь и останки приманивают новых тварей, и я опасаясь, что какая-нибудь из них цапнет меня во сне.

Тщательно вымокав хлебом остатки каши, отставляю тарелку. Почти сразу же открывается дверь, и горящий факел освещает лицо все того же тюремщика. Он забирает пустую миску и молча уходит. Значит, там наверху наступила ночь, и закончился еще один день моего заточения. Царапаю на стене двенадцатую отметку и, поднявшись, делаю своеобразный променад. Два шага в одну сторону, два в другую. Ровно столько позволяет мне длина цепи. Так лучше думается, хотя думать особо не о чем, и в очередной раз все сводится к одной и той же дилемме: идти на сделку с демоном или нет. В очередной раз убеждаю себя, что с этим я всегда успею и вновь сажусь на свое привычное место. Пытаюсь заснуть, но полноценный сон не приходит, его уже давно заменило тревожное полудремотное состояние.

Проваливаюсь в пустоту и вновь открываю глаза. Сколько прошло времени не знаю, но явственно слышу звук, который меня разбудил. Кто-то аккуратно поворачивает ключ в замке. По моим ощущениям, для тюремщика еще рано. Значит, на дворе сейчас глубокая ночь. Тогда кого это принесло?

Со скрипом двинулось дверное полотно, и в щель проник мерцающий свет свечи. В голове заметались самые мрачные мысли: «Убийцы! Лириан решил окончательно избавиться от меня. — Беру себя в руки с твердым намерением дать бой. — Ну, давайте! Только будьте уверены, попотеть вам придется изрядно!»

Жду в полной концентрации, готовый в любое мгновение уйти в Сумрак. Изматывающе долго открывается дверь, и мой взгляд, не отрываясь, следит за ширящейся светлой щелью. Еще миг, и у меня от изумления отвисает челюсть. Пригнувшись под низким сводом, в камеру входит Ильсана. Вот кого я меньше всего ожидал увидеть в эту минуту, так это ее.

Распущенные волосы, отливаясь драгоценным металлом, спадают на плечи, стола из

мягкой полупрозрачной парчи словно выставляя на показ упругое, стройное тело. Раскосые зеленые глаза смотрят прямо на меня властно и таинственно.

Чуть приподнявшись, молча веду ее взглядом, а она также без слов подходит и садится рядом на корточки. Ее рука подносит бронзовый подсвечник к моему лицу, и желтые огоньки четырех горящих свечей почти скрывают от меня ее контур. Мягкий грудной голос звучит с другой стороны пламени. Звучит отстраненно, словно обращается к незримой в темноте публике.

— Кто бы мог подумать, что в таком невзрачном теле скрыто столько силы и воли. Это так возбуждает! Моим подругам нравятся накаченные тела, блестящие рельефные мускулы, а мне эти игрушки уже надоели. Они все просто раскрашенные самцы. Скучные, самовлюбленные и жалкие! От них веет плесенью и разложением, а я не люблю разряженных слюняев. Меня завораживает другое. Мне нравится дух зверя, сила пламени неугасающая и непобедимая. Мне хотелось бы склониться перед силой, способной меня покорить, но к сожалению, вокруг одни развращенные слабаки.

Мерцающее оранжевое пламя отплывает в сторону, открывая ее глаза.

— Ты не такой! В тебе есть стержень, рядом с тобой не страшно.

Обтянутые тонкой тканью колени опускаются на грязный пол, а изящная ладонь, поставив подсвечник, устремляется к моему лицу.

— Хотела бы я, чтобы рядом со мной всегда был такой мужчина. — По кошачьи изгибаясь, Ильсана склоняется надо мной. Тяжелые груди оттягивают вырез платья, и нежные тонкие пальцы касаются моей щеки. — Такой как ты, сильный, бесстрашный и нестигаемый.

С трудом справляясь с подступившим к горлу комом, непроизвольно реагирую на звучащую в ее голосе тревогу.

— Ты боишься кого-то? Тебе угрожает опасность?

— Только себя, Юни. Только себя и своих желаний. — В зеленой глубине глаз вспыхнула жадная искра, и ее лицо вплотную приблизилось к моему. — Иногда они способны напугать даже меня.

Как заколдованный смотрю на ее влажные губы, на призывно приоткрытый рот и все еще не могу поверить в происходящее. Моя мечта, моя богиня стоит передо мной на коленях. Здесь в жутком темном подвале, на заплыванном полу, и ее дыхание обжигает мне кожу. От этой мысли по телу прокатывается дикая волна возбуждения

Я все еще не могу пошевелиться, а в голосе Ильсаны появляется нотка удовлетворения.

— Вот так! Не прячь в себе его! Покажи мне того зверя, что скрывается за оболочкой жалкого неприкасаемого.

Каждое ее слово словно гвоздь пробивает защиту моего разума и будит неконтролируемую бешеную жажду обладания этой женщиной. Горящие глаза подстегивают как хлыст. — Давай!

Этот немой крик, словно срывает невидимую сковывающую паутину, и мои ладони, жестко впиваясь в упругие бедра, одним рывком опрокидывают Ильсану на спину. Золото волос рассыпается по грязному полу, трещит тонкая дорогая ткань, и, навалившись всем телом, я втискиваю ее в каменные плиты.

Зеленые глаза отвечают мне бешеной искрой, а искривленные губы яростно шепчут прямо в лицо.

— Вот так! Дай ему волю! Выпусти его из клетки!

Я почти ничего не слышу, мои руки рвут остатки узкого платья, и длинные ноги податливо раздвигаются, впуская меня. Ладонь жадно сминая торчащий сосок, губы затыкают шепчущий рот, и я беру ее с такой жесткой и остервенелой яростью, с какой не трахал даже самых распоследних шлюх. Ни нежности, ни обожания, только одержимое желание владеть этой женщиной так, чтобы каждая клеточка ее пронзаемого нутра осознала кому она теперь принадлежит. Изгибаясь, женское тело отвечает мне встречным желанием, острые ногти рвут едва зажившие раны на спине, но я не чувствую боли и не вижу ничего кроме, горящих зеленым огнем, притягивающих глаз.

Сердце все еще бешено колотится в груди, тяжелое дыхание вырывается изо рта облачком пара. Я лежу, распластавшись на каменных плитах, и не чувствую холода. Скорее, мне кажется, что собственное раскаленное тело пропитало камень и все вокруг своим жаром. Рядом, едва касаясь моей руки, лежит Ильсана. Ее полуобнаженное тело, едва прикрытое остатками разорванной топы, отливает мраморной белизной. Такой чистой, идеальной и чуждой на грязном полу, мрачного подземелья.

Туман безумия в моей голове почти рассеялся, сменившись пугающим вопросом. Что это было? Изнасилование? Вспышка страсти? Она отдалась мне сама, или я надругался над человеком, проявившим ко мне милосердие? Я совсем ничего не помню, и мне очень хочется верить, что Ильсана хотела этого, но я боюсь спросить ее, я боюсь даже повернуться и взглянуть ей в глаза.

— Не бойся, посмотри на меня, — голос Ильсаны звучит мягко и чуть насмешливо, — ты сделал все правильно, и мне понравилось.

Ее слова в одно мгновение переворачивают мое настроение. Тоскливое грызущее чувство вины сменяется почти восторженной эйфорией. Порывисто поворачиваюсь и встречаю горящий взгляд холодных зеленых глаз. Она по-прежнему прекрасна! Даже в этом затхлом подвале она умудряется оставаться богиней. Растрепанные волосы лишь придают ее образу легкости и задора, а обрывки одежды обвивают ее тело словно задуманный и гениально исполненный драгоценный декор.

В глазах Ильсаны появляется легкий налет грусти, и протянутая рука касается моей щеки красным накрашенным ногтем.

— Да, мне, действительно, понравилось. Я увидела тебя настоящего, и ты был прекрасен. — В звучащем голосе появилась тонкая нотка сожаления. — Мне даже жаль, что у этого случая никогда не будет повторения.

У меня вдруг сперло в груди и сердце сдавило приступом тоскливой безнадеги. Остро захотелось схватить ее за руки, притянуть к себе и закричать — почему?! Порыв был силен, но я удержался, потому что в этот миг какая-то часть моего разума взбунтовалась. — «Очнись, она просто играет с тобой, — закричал мой рассудок, привыкший во всем подозревать подвох, — не будь таким простаком, взгляни в ее ледяные глаза, она просто манипулирует твоими чувствами!»

Моя внутренняя борьба не укрылась от Ильсаны, и на мгновение я ловлю в них недовольную искру. Всего лишь на миг, и тут же там вновь появляется холодное равнодушие, а в голосе звучит злая ирония.

— Если бы мой отец увидел сейчас свою дочь, то убил бы меня своей собственной рукой. Дочь спафария трахается в затхлом подвале с неприкасаемым! Какой позор! Какое унижение!

Резко приподнявшись, она отбросила назад свои длинные волосы, и белые, налитые упругостью груди качнулись в такт ее движению. В огромных зеленых глазах свернуло колдовское пламя, и ее взгляд остановился на моем лице. Странное ощущение охватило меня в этот момент, такое, будто где-то в глубине моей души она искала ответы на свои собственные, самые сокровенные вопросы.

Всего лишь миг, и Ильсана уже вернулась. Резко отстранившись, она вдруг выкрикнула:

— А знаешь, мне все равно! — Ее голос зазвучал надрывно и по-настоящему искренне. — Мне плевать на отцовскую гордыню, на жадность и развращенность брата! Мне все это надоело! Больше всего мне хотелось бы сбежать. Иметь свою собственную жизнь. Бросить этот опостылевший отцовский дом, эти приемы, лживые улыбки и реверансы! Но куда... Куда мне бежать?! Я аристократка, я одна из самых богатых наследниц в империи, но у меня нет ни гроша личных денег. Я нищая, такая же как ты, Юни!

Отрываю взгляд от ее груди и поднимаю его навстречу мечущим искры зеленым глазам. В этот момент я бы очень хотел ее утешить, но ничего путного в голову не приходит, а Ильсана вдруг сражает меня наповал.

— Я бы, наверное, могла сбежать с тобой, Юни. Ты сильный, бесстрашный, ты смог бы меня защитить, и ты мне нравишься, но мы оба нищие, а для побега нужны деньги. Нужны деньги на жизнь, деньги на то, чтобы спрятаться от погони. Ведь отец не простит, и нас будут искать по всем уголкам империи.

Внезапно замолчав, она резко поднялась и расправила на себе разорванную одежду.

— Мне пора. — Длинные ухоженные ладони пригладили выбившиеся пряди, а в зеленых глазах появилась затаенная грусть. — Прощай, Юни!

С ужасом смотрю на удаляющиеся босые ноги, холодея от мысли, что она сейчас уйдет навсегда. Моя несбыточная мечта, вдруг так реально вспыхнувшая и поманившая, сейчас исчезнет, а я вновь останусь совсем один в жутком темном подвале. Это безумное отчаяние вырывается в крике.

— Постой!

Шаг Ильсаны замедляется, словно она решает, услышать мой зов или нет, но через мгновение взгляд ее прищуренных глаз упирается мне в лицо — что ты хотел мне сказать?

В моей голове настоящая мешанина, но яркой прошивающей молнией стучит в висках лишь один вопрос — как мне ее удержать?!

Я не нахожу ответа, и в зеленых глазах ожидание меняется на разочарование. Еще миг и я уже кричу в ее полуобнаженную спину.

— Не уходи, у нас будут деньги!

В полной броне топчусь по горячему песку, ловя сквозь щель забрала каждое движение Парса.

— Атакуй, доходяга! — Недовольно рычит тот на мое, вполне понятное нежелание получать еще один синяк на теле.

Чуть больше часа идет наш спарринг, а на мне уже нет места, которое бы не болело от ударов этого изувера. Панцирь, шлем, поножи, наручи, все эта броня спасает от смерти, но ничуть не уменьшает болезненность каждого удара. За все это время я ни разу не ушел в Сумрак за спасением, потому что, во-первых, я опасаясь, что Парс меня раскусит, а во-вторых, я просто физически не успеваю. Мы отрабатываем мою атаку, а значит, я должен нападать: бежать вперед, махать мечом, защищаться щитом. Все это требует огромного внимания, а для входа в Сумрак нужен хотя бы миг полной концентрации только на Сумраке. Глубокая оборона идеально подходит для этого, а вот атака нет. Здесь все стремительно меняется, и я еще ни разу не успел за Парсом. Я безнадежно проигрываю, потому что моими руками и ногами руководит разум, он же руководствуется рефлексами и опытом. Мне нужно всего лишь мгновение для концентрации и ухода в Сумрак, но именно его-то Парс мне и не дает. Я нападаю, но с первого же удара получаю такой убийственный ответ, что приходится начинать с начала. Встаю, кидаюсь вперед, получаю по голове или по ногам, падаю, и по новой. Эзекуция идет уже третий день, и я еле держусь на ногах. Гудит голова, ноют отбитые ребра, а покрытые синяками руки мелко дрожат от тяжести щита и меча. Успокаиваю себя лишь тем, что в конце концов мне самому нужен реальный опыт в реальном мире. Мои синяки и ушибы — это цена за умение правильно держать меч, наносить и отражать удар без помощи Сумрака.

— Да, шевелись ты! — Не выдержав, Парс демонстрирует выпад в голову, и я, слишком поспешно закрывшись щитом, получаю удар по ногам. Успеваю только охнуть от боли, и тут же мощный толчок в щит сбивает меня на землю.

Кованый сандалий с лязгом опускается мне на грудь, а сверху звучит рык Парса.

— Сколько раз тебе повторять, не смотри на руки, смотри противнику в глаза!

Он прав, я опять облажался, и от этого еще обидней. За три дня тренировок я еще ни разу не коснулся своего убийственного учителя. Ситуация пахнет полной безнадегой!

На миг устало прикрываю глаза, и в памяти встает та ночь, когда я крикнул Ильсане: «Не уходи...» Потеплевший взгляд Ильсаны, и ее кошачье движение, с которым она вновь присела рядом со мной. Вопрос, застывший в ее глазах, и мой порывистый шепот:

— Я соглашусь на предложение твоего брата и выйду на арену, а когда я заработаю достаточно денег, мы сбежим. Как тебе такое предложение? Согласна?!

Искорка удовлетворения, на миг вспыхнувшая в ее глазах, и едва уловимый кивок головы.

— Да! Я согласна. — Ее холодные пальцы коснулись моего горящего лица, а уголки губ растянулись в мягкой улыбке. — Сделай это, и мы сбежим вместе!

Помню, как она поднялась и, не отпуская моих глаз, сделала шаг назад. Я вскочил за ней следом, но ее крохотная ладошка уперлась мне в грудь.

— Не торопись! — С ее лица вдруг исчезла улыбка, сменившись жестким волевым выражением. — Скажи брату, что хочешь треть от призовых и за меньшее драться не

согласен. Ему это не понравится, но хотя бы объяснит твоё упрямство. Мой братец патологически жаден и привык всех мерить по себе. — Прищуренный взгляд, словно просчитав все ходы наперед, вспыхнул зеленой искрой. — Он будет торговаться, а ты дожмешь его тем, что в случае согласия готов сражаться в Крысиных ямах.

На мое непонимание она вдруг усмехнулась.

— Это подпольные бои без правил! Там самые высокие ставки в столице. Дерутся полные отморозки до смерти без всяких правил и ограничений. Скажу тебе больше, там даже арбитров нет. — В ее глазах блеснула усмешка. — Ты же ведь этого боишься?!

Тогда мне стоило большого труда не отреагировать на этот намек и подавить чуть невырвавшийся вопрос — что ты знаешь о Сумраке? Сработало главное правило квартала отверженных — не сознаваться ни в чем и запирается до последнего. Я сделал непонимающее лицо, а Ильсана развивать эту тему не стала. Интуитивно мне показалось, что она, не совсем уверенная в своей догадке, попросту прощупывала почву, надеясь взять меня на понт.

Разрывая пелену воспоминаний, откуда-то с небес обрушился рык Парса.

— Ты чего глаза закрыл, паршивец, спать здесь собрался?!

Жесткая рука, ухватив меня за край панциря, вздернула на ноги, и желтые глаза моего ненавистного учителя сверкнули прямо за забралом.

— Руку ставь жестче, ты меч держишь или бабский веер?! — Захват неожиданно разжался, заставив меня пошатнуться, а Парс взъярился еще больше. — Стой крепче! Ноги шире! — Резкий удар ногой по внутренней стороне щиколотки. — Это тебе не бегать по рингу, тут кроме прыти еще и сила нужна!

Покорно встаю в стойку и поднимаю щит. Все это я уже слышал от него раз сто не меньше, но что толку. Кто сказал, что за три дня можно сделать приличного бойца из полного лоха?! Пусть я и поднаторел за последнее время кое в чем, но все это относится к Сумраку, а без него — в реальности — я как был мусорщиком со всеми вытекающими, так им и остался. Нет, отъелся, конечно, силы прибавилось, но все равно рядом с таким бойцом, как Парс, я выгляжу сущей доходягой.

Толкаю щит в щит и, как учили, коротко колю куда-то в область живота. Клинок натывается на меч противника, а через мгновение, вырвавшись из руки, летит на песок.

— Все! — Раздраженно шипит Парс. — С меня на сегодня хватит! Не знаю на что рассчитывает молодой господин, но я бы на тебя и медного обола не поставил. — Развернувшись, он в сердцах тыкает пальцем в привязанный к столбу набитый мешок. — Вот тебе спарринг партнер. Тренируйся! Научись, наконец, держать оружие как мужчина! Завтра попробуем еще раз, посмотрим, что ты усвоил.

Проводив взглядом удаляющуюся широкую спину, возвращаюсь к мешку с плотно утрамбованной соломой. Тыкаю его кончиком меча, и тот, крутанувшись, послушно подставляет другой бок.

«Эх, если бы со всеми было так легко как с тобой, дружище!» — В задумчивости бью грушу с другой стороны и вспоминаю Лириана, когда тот по моей просьбе спустился в подземелье. Белое и холеное лицо с чуть поджатыми в брезгливой гримасе губами, оно ничуть не изменилось, даже когда он произнес:

— Мне передали, что ты хочешь сообщить что-то важное? — Его подведенные черной тушью глаза уставились мне в лицо. — Надеюсь это так, и я не зря спустился в эту вонючую дыру. Иначе...

Он не договорил, а молча выслушав мое предложение, отреагировал лишь на требование трети выигрыша, да и то как-то странно. Отвернувшись, Лириан едва слышно выругался, и только мои новые способности позволили мне расслышать «Вот же блудливая сука!»

Торговаться, вопреки ожиданию, он не стал, а развернувшись и бросив короткое «нет», шагнул к двери. Уже в проеме я остановил его выкриком «Даже если я соглашусь драться в Крысиных ямах». Фигура младшего Ашшура замерла, и ко мне повернулось его бледное лицо.

— А ты потянешь?

На это сомнение я лишь пожал плечами, а Лириан, подумав, изрек:

— Ладно, завтра тебя выпустят. Выйдешь с Парсом на ринг здесь на ферме, а через неделю он скажет мне, годишься ты для Крысиных ям или нет. Если да, то будь по-твоему, получишь треть.

Отрывистые воспоминания исчезают так же внезапно, как и появились, а взгляд вновь упирается в болтающуюся передо мной бойцовскую грушу

— Кажется, у меня полный затык! — Произношу вслух навязчивую мысль. — Мне нужно надежное умение атаковать, а научиться фехтованию за оставшиеся дни вряд ли реально. Да и талантом к этому искусству я явно не блистаю. У меня есть только одно преимущество — Сумрак, и несмотря на опасность раскрытия, именно в нем я и должен искать выход. В первую очередь, в скорости и в полном автоматизме вхождения.

Провожу взглядом по пустому рингу и печально добавляю:

— С этим спорить не приходится, вот только главный вопрос остается прежним. Как это сделать? Как совместить необходимую для вхождения в Сумрак концентрацию с требующей полного внимания атакой?

Несмотря на прозвучавший вопрос, Гор молчит. Не хочет повторять то, что я и так отлично знаю, но мысль «а не настала ли пора соглашаться» как-то уж очень своевременно и явно не без его участия появляется в моей голове.

«Нет! Отметаю сходу. Если уж сидя на цепи в подземелье не сдался, то теперь и подавно торопиться не стоит. Надо все хорошенько обдумать».

Соглашаюсь с самим собой, потому что меня не покидает ощущение, что решение есть, и оно где-то рядом. Где-то совсем близко, и даже в глубине души я его знаю, но пока не могу догадаться.

Бросаю щит и меч на песок, и мысленно рассуждая, начинаю медленно нарезать круги по рингу: — «Думаю, все мои ощущения, это не случайность. Если я чувствую что знаю ответ, то возможно, заклинание подсказывает мне — это с тобой уже было, просто вспомни. Надо хорошенько покопаться в памяти и перебрать все случаи вхождения в Сумрак с самого начала». Едва я произнес «с самого начала», как ощутил, будто меня подстегнули и кто-то почти явственно произнес «теплее».

Почувствовав близость решения, начинаю быстро перебирать в уме:

«Первый раз, с трупом. — Вспоминаю все что произошло и, не найдя ничего интересного, иду дальше. — Потом с каретой. Там все было хаотично и непроизвольно, но уворачиваясь от ударов Парса, я точно входил в Сумрак». — Внезапно останавливаюсь, словно натолкнувшись на невидимую стену. — Точно! Как и в драке с дворовыми. Я входил в Сумрак без собственных усилий, но не мог там удержаться».

Снова делаю шаг, боясь упустить нить:

«Гор сказал тогда, что это он защищал меня, но ведь демон мог запросто и соврать. Что

если это не он, а само заклинание накрывало меня Сумраком? Как это проверить?»

Задумчиво верчу головой, словно надеясь, что увиденное принесет мне подсказку. Перед глазами медленной чередой проходят: длинная стена забора, кусты, столб с перекладиной и бойцовской грушей. Мысленно пытаюсь упорядочить воспоминания: — «Как на мосту, так и с дворовыми был всплеск высочайшего напряжения и желания выжить». — Взгляд неожиданно упирается в висящий на столбе набитый мешок, и в голове рождается идея, как можно воспроизвести те ощущения.

Медленно, не спуская глаз с груши, отхожу на край ринга. Зажмурившись, пытаюсь полностью абстрагироваться и внушить себе мысль, что столкнувшись с мешком я разобьюсь насмерть. Затем, выдохнув, бросаюсь прямо на столб.

Мгновенно набрав скорость, мчусь изо всех сил и... Бах! Сталкиваюсь с подвешенной грушей. Вкопанный столб, скрипнув, принял на себя удар. Мешок вмялся в брус, а я, слегка очумевший, стек по нему на землю. Боли практически не чувствую, в голове лишь разочарование — не получилось!

Стискаю зубы и вновь бреду на край ринга. Еще один забег. Краткий миг ожидания чуда и... Дикая боль в плече опережает мысль — да что же не так-то! Поднимаюсь на ноги и отряхиваю песок с колен. Исподлобья гляжу на треклятый мешок, и вдруг перевожу взгляд на каменный забор.

— Ну нет! — Перехватываю еще только зарождающуюся мысль. — И так живого места на теле нет!

Как не убеждаю себя, а идея, что в эксперименте не хватает реальной угрозы жизни, никуда не пропадает. С чувством обреченного на смерть отхожу на край и готовлюсь к безумному броску. Каменный забор — это не мешок с соломой, врезаться в него на полной скорости грозит как минимум серьезной травмой, но меня уже не остановить.

«Надо полностью расслабиться, не думать о защите. Отдать заклинанию безраздельный контроль за самосохранением, — повторяю и повторяю как одержимый, — и тогда оно включится и накроет меня Сумраком».

Убеждаю себя как могу, хотя сам не очень-то и верю в свою идею. Не верю, но ничего не могу с собой поделать, эта мысль настолько крепко засела в моей башке, что без проверки от нее не избавиться, даже если придется разбить голову о камень.

Накручиваю себя до последнего и с криком «Убьюсь, но пробью эту чертову стену!» бросаюсь вперед. Песок летит под ногами, гранитные валуны забора растут на глазах. Становится реально страшно, но я не останавливаюсь, а в каком-то безумии еще добавляю хода. Последний шаг до стены, зажимаюсь, но не торможу. В полной темноте жду взрыва боли и вдруг осознаю свою почти полную неподвижность и разрывающую уши ватную тишину.

Медленно-медленно приоткрываю глаза и облегченно выдыхаю — получилось! Вокруг уже ставшая привычной бескрайняя серая взвесь и уходящие за горизонт вершины пологих холмов. Эта унылая картина еще никогда не вызывала во мне столько счастливого восторга. Я справился, я был прав! И тут же упреждающий испуг уколочил разум:

«Аккуратней, не испортить все своей щенячьей радостью!»

Бульжники стены нависают буквально в ладони от моего носа, а сам я в заторможенном виде продолжаю свой летящий бросок. Стена, пусть и еле заметно, но приближается, и я понимаю — стоит сейчас вывалиться из Сумрака, и убойный полет продолжится уже с настоящей инерцией. Осознав опасность, осторожно прикрываю веки и стараюсь не

шевелиться. Я помню, любое движение приведет к выбросу в реальность, а этого допустить никак нельзя. Не открывая глаз, представляю свою парящую сверху тень и провожу ритуал вхождения. Сумрачная субстанция медленно проникает сквозь тело, и, наконец, я могу утереть пот. Ощущение контроля в Сумраке ни с чем не перепутаешь.

Останавливаюсь и встаю на ноги. Передо мной вплотную стоит каменная стена забора, и глядя на выступающие края кладки, я понимаю — если бы на их месте стоял реальный враг, то я был бы уже сражен ударом сумрачного стража. Эта мысль омрачает прилив радости и требует переоценки всего процесса. Плавно выхожу из Сумрака и, развернувшись, шагаю на другой край ринга. В голове уже ясно прорисовывается новая задача: «Если на момент вхождения в Сумрак я не буду способен отразить атаку стража, то вся затея бессмысленна. У серьезных противников есть хоть какое-нибудь заклинание, а значит, есть и страж, который не даст мне времени на раскачку. Не говоря уж про Парса. Те чудовища, что я видел у него за спиной, порвут меня в лоскуты и не поперхнутся. Первое, что надо сделать — это уменьшить до минимума время между вхождением в Сумрак и контролем над ним».

Еще с десяток попыток и мне удастся добиться полной синхронизации экстремального вхождения с овладением контролем над Сумраком, но все равно гложет понимание — все протекает слишком быстро, и я все равно не успею выставить эффективную защиту.

Шагая по песку, в очередной раз пытаюсь упорядочить свои мысли: «Влетаю в Сумрак и что? Сначала надо определить откуда атакует страж, потом выставить щит. Нереально! Дистанции практически нет, когда я увижу стража, то буду уже атакован и скорее всего мертв. Защита нужна до того, как я его увижу».

Останавливаюсь пораженный открытием. Входить в Сумрак надо с уже выставленным щитом! В сомнениях, получится ли, выхожу на рубеж. Вдох, выдох! Полное отключение. Пошел!

С разбега несусь на двухметровую каменную преграду и... Все пронесется в один миг. Сумрак, контроль, щит! Получилось активировать щит прямо в мгновения входа в Сумрак, но возник он немного не там, где я планировал, но и так, я достиг очень интересного результата. Щит поднял вихри Сумрака, и я не зависаю перед стеной как обычно, а взлетаю в серую взвесь, словно оттолкнувшись упругим шестом. Разинув в безмолвном крике рот, перелетаю через забор и, подняв фонтан пыли, падаю в серую взвесь.

Поднимаюсь и, не веря глазам, смотрю на преодоленную высоту. Несколько мгновений полного столбняка, и только потом осознание: «Я, как прыгун с шестом, только вместо длинной пружинистой палки мой собственный сумрачный щит».

Это открытие настолько будоражит будущими перспективами, что, боясь сглазить, я даже гоню радостную эйфорию: «Не время радоваться! Сначала надо прочно овладеть этим навыком, а потом уже думать о перспективах».

Отхожу подальше от забора и с разбегу несусь обратно, считая шаги. Раз, два... семь... двенадцать! На одном выдохе — Сумрак, контроль, щит! Взлетаю в пропитанный тяжелой серостью воздух и, сделав кульбит, опускаюсь на ноги с другой стороны.

Уф! От восторга не могу вымолвить ни слова. Полет, пусть и медленный, слегка заторможенный серой взвесью, но все равно полет! Ощущения непередаваемые. Словно замороженный бегу опять на рубеж и проделываю свой трюк еще раз. Потом еще и еще, пока давление Сумрака и усталость не останавливают мой безудержный порыв.

Лежа в кровати, восторженно пялюсь в потолок. За маленьким незанавешенным окошком чернота ночи, но сна ни в одном глазу. Нутро прям распирает от желания поделиться радостью хоть с кем-нибудь, но я один в этой комнате, в этом доме и даже в целом мире. Может быть впервые в жизни на меня реально давит горечь собственного одиночества. Есть правда Гор, но мы с ним как бы в ссоре, и звать его первым — это почти признать себя виноватым, а этого делать мне очень и очень не хочется.

Через минуту все-таки не выдерживаю и зову демона:

— Гор, как думаешь, то что я сделал, это какой уровень?

В ответ слышу долгую тягучую тишину, и уже начинаю думать, что демон все еще думается, когда в сознании появляется знакомый скрипучий голос.

Значит, как узнать что, так Гор помоги, расскажи. Сразу и доверие появляется и грубить перестаем, а как обязательства подписать, так тут непременно тысяча подозрений и ослиное упрямство.

На это у меня, конечно, есть свои возражения, но ссориться со своей темной стороной сейчас не хочется, и я пытаюсь ее задобрить.

— Послушай, ты же сам демон и должен меня понимать как никто. У вас же недоверчивость и подозрительность в крови. Договор выполняется, только если он подписан равными, а у нас совсем не так. Ты великий и могучий демон, а я кто, всего лишь человек, да еще и самый бесправный. Может быть потом, когда я сам смогу добиться хоть каких-нибудь высот в этом мире, мы и вернемся к соглашению. Ведь оно должно быть принято добровольно, а не в условиях жесткого давления.

Вежливость и лесть — великая сила. Помычав что-то неразборчивое про себя, Гор все же изъясил свою милость:

В отличие от тебя, смертный, мое время безгранично, и я могу подождать. Жаль только, что ты впустую тратишь свою и без того короткую жизнь. — После этого вердикта скрипучий голос даже немного потеплел. — Ладно, это твое дело. Для меня этот договор не так уж и важен. — Он еще подумал и добавил, словно вдруг вспомнив. — Так что ты хотел?! Ах да, уровень...

Я напрягся от нетерпения, а Гор, словно издеваясь, тянул паузу. Тишина резанула по ушам, удивляя насколько оценка демона важна для меня. Несколько мгновений показались бесконечностью, пока Гор не соизволил произнести:

Должен признаться, тебе удалось меня удивить. Твои достижения довольно значительны. — Решив не перехваливать, он тут же поправился. — Конечно, в первую очередь, это потому что твой рахитичный разум, как и твои жалкие потуги, нравятся Сиянию Тьмы, и заклинание помогает тебе.

Пропускаю, не обижаясь на «жалкие потуги и рахитичный разум» и жду продолжения, а демон, наконец, изрекает свою оценку.

Твое последнее достижение, твой успех в реализации этого приема, означает важный шаг на пути сумрачного бойца — начало перехода от обороны к атаке. Это то, что называется активной защитой, а значит, ты сейчас находишься очень близко к финальной границе первого дана, близко к вершине пятого уровня.

Для пущей значительности повторяю про себя:

— У меня пятый уровень первого дана Прим Сияние Тьмы, и это значит, в этом мире совсем немного людей, способных сражаться со мной на равных, один на один! — Повторяю и чувствую как мои губы непроизвольно складываются в довольную улыбку.

Как вам начало Пути Юни — его первые шаги на дороге становления и понимания природы Силы?!

Продолжение — уже завтра!

Если вам понравилось, поставьте лайк или комментарий напишите. Лучше добрый!)

Это поможет автору стать популярнее и лучше писать. А это ведь уже мой путь, так что я буду вам очень признателен!

Безмятежный, счастливый сон растаял с первым лучом солнца, ударившим в прорезь оконца. Вскрываю с кровати и, прошлепав босыми ногами через горницу, распахиваю входную дверь. За ней на коврике стоит блюдо с пшеничной лепешкой и крынка молока. Я уже привык, завтрак мне оставляют на пороге. Входить в комнату с неприкасаемым служанка боится, такая встреча, по мнению народа, к несчастью или болезни.

Отрываю зубами кусок хлеба и запиваю молоком. Блаженство! Но наслаждаться некогда, Парс не прощает опозданий. Натягиваю панцирь, хватаю всю остальную снаряду в руки и выскакиваю за дверь. Одеваюсь уже на ходу.

Подхожу к рингу и с облегчением выдыхаю — Парса еще нет. Теперь можно расслабиться, затянуть ремни шлема, наплечников и прочего. Все надо сделать как положено, Парс обязательно проверит и за каждый недочет придется заплатить еще одним синяком на теле.

Едва успеваю со всем справиться, как появляется мой грозный наставник. Его недовольный взгляд проходится по состоянию моей амуниции и останавливается на моем лице.

— Ну что, доходяга, вчерашнее самостоятельное занятие пошло на пользу, или ты проспал остаток дня, стоило лишь мне уйти с ринга?

Я молчу, потому что мой ответ ему не нужен. Через пару минут он и так все увидит, а сейчас он просто развлекается и любое мое слово лишь повод наорать на меня, поэтому я безмолвно жду, когда ему надоест, и мы начнем занятие.

Сегодня Парс особо придирчив. Уже два раза проверил затяжку ремней, прошелся взглядом по кровоподтекам на руках и ногах, раз пять обозвал неженкой, разок доходягой и только после этого успокоился.

— Ладно, начнем! — Он поднял щит и, вытащив меч, гаркнул. — Атакуй и помни все, о чем я тебе говорил!

«Будет исполнено, господин!» — Язвительно бормочу про себя и, настроившись на вхождение в Сумрак, бросаюсь в атаку. Бегу что есть сил с расчетом на последующую инерцию. Впереди глаза Парса, и в них лишь снисходительное презрение. Удар щит в щит, мой выпад отброшен встречным клинком, а его острие летит точно мне в голову и... Щелк! Серая взвесь взрывается ударами двух змеиных голов в сумрачный щит, а я, оттолкнувшись от них, взлетаю в воздух. Ошарашенные кобры сопровождают мой кульбит злобным шипением, но ничего большего не успевают, потому что в момент приземления я уже выхожу из Сумрака, и с большим удовольствием наношу удар по закованной в панцирь спине противника.

Дзень! Звякает сталь об сталь, и корпус моего злобного учителя начинает медленно, словно не веря в произошедшее, поворачиваться в мою сторону.

Надо бы было видеть лицо Парса в этот момент. Если бы его реально убили, разрубили пополам то, наверное, он и то был бы менее изумлен и обескуражен. Он совершенно не понимает, как я это сделал, но и ничего сверхъестественного тоже не чувствует. У него нет провала в контроле за мной, он видел как я бежал, как оттолкнулся и взлетел в воздух, но абсолютно не может понять почему не среагировал, почему позволил мне проскочить за спину.

Почти мгновение на лице Парса держится такое по-детски обиженно-непонимающее выражение, что мне даже хочется поддержать его и сказать что-нибудь типа: «Не расстраивайся, твоя реакция здесь не причем! Это Сумрак, детка, а там все наоборот! Там ты со своими кобрами это я — слабый и неумелый, а я это ты — грозный и неуязвимый!».

Такое желание держалось ровно до тех пор, пока Парс не открыл рот и не обложил меня по матерному.

— Чего скалишься! Тебе кто позволил! Думаешь разок повезло, так можешь наглеть! — Его рот еще что-то орет, но я не слышу, потому что краем глаза засекаю движение его руки. Снизу, с разворотом меча, так, чтобы угодить рукоятью под самый край панциря в незащищенный живот. Успеваю лишь испуганно дернуться назад и сжаться в ожидании боли, но заклинание и рефлексы срабатывают быстрее разума. Резной набалдашник ручки застывает в серой взвеси всего в дюйме от моего живота, а две бронзовые кобры врезаются в сумрачный щит.

От неожиданности я слегка притормаживаю и успеваю включиться только когда две огромные змеиные башки вновь пытаются пробить выставленную защиту. Тут я спохватываюсь и нацеленным напряжением сознания усиливаю свой сумрачный щит. На прозрачной преграде застывает разинутая пасть кобры, и два желтых клыка, оставляя капли яда, скребут по непробиваемой стене. Вспоминая слова демона, подсчитываю удары: «Два, три, четыре... У Парса второй дан, пятый уровень заклинания Триан, а у меня, если верить демону, высший уровень первого дана защиты. Значит, каждый удар уносит из моей защиты по уровню. Четыре уже было, в запасе остался всего один!»

Удар треугольной головы сумрачного монстра вновь сотряс мой щит и, кроме, внезапно навалившейся слабости, я увидел побежавшую по щиту паутину трещин.

«Действуй! Следующий удар тебя раздавит!» — Сквозь парализующее бессилие, безмолвно ору на самого себя, заставляя выйти из транса. Второй страж Парса уже несется ко мне, раскрыв пасть, и решение приходит мгновенно. Уклоняюсь с траектории движения рукояти меча и выхожу из Сумрака, оставляя кобре атаковать пустоту. Выход настолько спонтанный, что чуть не разрывает мне башку адской болью, и общее состояние такое, словно меня выжали как мокрую тряпку. Еле стою на ногах, но все еще в состоянии оценить реальную обстановку. Предназначавшийся мне удар, не найдя цели, тащит Парса вперед, и вся его фигура, вытянувшись и теряя устойчивость, скользит мимо меня.

Все что я делаю — это слегка выставляю ногу, и зацепившийся за нее Парс летит на землю. Грохот брони, отлетевший в сторону щит и туча взметнувшейся пыли! Предчувствуя реакцию своего, не привыкшего к таким конфузам, учителя, отхожу подальше. Пока оседает пыль, я понемногу прихожу в себя и только-только начинаю представлять, что значит быть на грани энергетического истощения. «А ведь я еще держал сумрачный щит, пусть разваливающийся, но все-таки еще действующий. Интересно, что бы со мной случилось, пропусти я следующую атаку?»

Мой почти риторический вопрос неожиданно вызывает весьма яркую реакцию моего второго я:

Лучше бы тебе не знать! Смерть в Сумраке для человека штука весьма неприятная.

— Смерть вообще штука неприятная. — Позволяю себе немного иронии, но тон Гора показывает, что тот моей легкости совсем не разделяет.

В случае гибели в Сумраке, ты уже никогда оттуда не вернешься, а превратишься в ту самую серую взвесь, что так тебя раздражает, но далеко не сразу. В твоём сознании

придут десятилетия, переполненные чудовищной болью и жутким кошмаром постепенного растворения частей твоего тела в Сумраке. Сначала он сожрет у тебя ноготь, потом палец, кисть, руку... Поверь мне, такой смерти даже я демон никому не пожелаю.

Эта новость настолько неожиданна, что мне становится не по себе и очень хочется наорать на Гора, но я стараюсь держать себя в руках и спрашиваю спокойно, насколько возможно:

— А почему ты рассказываешь мне об этом только сейчас?! Я уже раза три мог погибнуть в Сумраке.

Получить ответ не успеваю, потому что становится не до отвлеченных понятий. Пришедший в себя Парс поднялся и направляется прямо ко мне. Его лицо замерло окаменевшей маской, и какова будет реакция предсказать невозможно. На всякий случай готовлюсь к худшему, но Парс, резко меня направление, подходит к своему щиту и, подняв его, рычит в мою сторону:

— Давай на позицию, доходяга! Начинаем по новой. — По его лицу видно, каких усилий ему стоит обуздать клокочущую в душе ярость. Он весь подобрался, настроившись уже не на спарринг с учеником, а на настоящую схватку.

Медленно отхожу в свой угол, и тут до меня доходит. Я не готов прямо сейчас повторить вход в Сумрак. У меня попросту не хватит внутренней энергии на создание полноценного щита, а то что получится может не выдержать как минимум двух ударов стражей Триан второго дана, пятого уровня.

«Э нет, так не пойдет, — мысленно останавливаю себя, — риск слишком высок!»

Теперь, когда я предупрежден о всех возможных последствиях, то желания рисковать сильно поубавилось. Десятилетиями раствориться в Сумраке как-то не хочется.

«Тогда что делать?!» — Мой закипающий разум лихорадочно ищет ответ, а взгляд упирается в заледеневшие глаза Парса. В них аршинными буквами написано, что этот здоровенный мужик сейчас на грани: либо он восстановит статус кво и смоем позор, либо умрет. Еще раз глянув на Парса, я неожиданно понимаю, что надо сделать. Ничего! Ничего не надо делать, а просто атаковать его в реальности, как я делал все три дня до этого.

«Дай бог обойдется без тяжелых травм, а одним синяком больше, одним меньше, мне не привыкать. Зато убью сразу двух зайцев, и Парс успокоится, и смогу восстановить потерянную энергию». — Идея как-то сразу вдохновила и настроила позитивно. Встав в стойку и прикрывшись щитом, проговариваю на одном дыхании.

— Все в воле Хранителей!

С последним словом уже двигаюсь вперед. Парс стремительно шагает навстречу. Он не собирается ждать моей атаки. Тяжелый меч обрушивается на мой щит. Доски трещат под могучими ударами, и мгновенно немеет левое плечо. Еще один удар, еще! Я сжимаюсь в комок, но на удивление спокойно и рассудительно отмечаю: «Повторяешься Парс, такое мы уже проходили!» В память об этом приеме на моей правой ноге красуется здоровенный кровоподтек, и я даже знаю, что будет дальше. Когда психологически раздавленный противник будет ждет еще один гвоздящий удар сверху, атака последует снизу и справа.

«Вот и она!» — С неуместной радостью засекаю изменение удара и почти рефлексивно отражаю выпад в свою правую ногу. После этого наступает небольшая передышка, Парс тоже не железный. Отойдя на пару шагов, он тяжело дышит, не спуская с меня злого взгляда.

Через мгновение слышу его хриплый рев:

— Атакуй, доходяга, чего замер!

«Так, — шепчу про себя, — бонусов больше не будет». Неожиданное хладнокровие рождает во мне азарт. Недавнее желание побыстрее отделаться минимальными потерями куда-то пропадает, а появляется здоровое удивление — а что я еще могу?

Кромка щита чуть ниже уровня глаз, острие меча выдвинуто вперед. Сближение. Удар! Парс закрылся щитом. Теперь еще раз и во всю силу! Точно знаю, контратака будет не сейчас. У Парса все по схеме, как учили когда-то в пехотной шеренге. Три принятых удара, контратака, и снова — три принятых удара, контратака.

Вколачиваю в доски щита еще один удар, ловлю себя на мысли — это третий, и вот теперь надо ждать сюрпризов. Ожидание оправдывается, и Парс резко переходит в нападение. На меня вновь обрушивается град ударов, но к своему удивлению, я все еще на ногах и даже огрызаюсь. Все хорошо, за исключением того простого факта, что мы с Парсом не равны физически. Комит выше меня на полголовы и сильнее раза в два. Его удары выбивают из меня дух и сдерживать их становится все труднее и труднее. С каждым проходящим мгновением я все больше понимаю — время работает не на меня. Где-то в глубине сознания бьется мысль, что Парс атакует, а значит уязвим. Надо только уловить тот миг, когда он подставится. И словно в подтверждение отчетливо вижу, как с каждым ударом Парс чуть запаздывает с отходом, открывая левую ногу.

«Это мой шанс!» — Мысль прожигает сознание, как и понимание, что в обмене ударами я долго не выдержу. Выжидаю атаку Парса. Удар, еще один, и еще! Онемевшая рука еле держит почти разбитый щит, и вот оно... Он начинает отходить и запаздывает с ногой, как и в прошлый раз. Я делаю выпад. Клинок несется в закрытую наколенником голень, и тут... Бах! Грохом грохочет в голове пропущенный удар и темнеет в глазах...

Медленно поднимаю веки и вижу стоящего надо мною Парса. Его губы беззвучно шевелятся, и наконец, с опозданием до меня доходит.

— Ну что, неженка, отошел? — В его голосе слышатся даже нотки участия, и я с трудом начинаю реально осознавать происходящее вокруг. Осознаю, что лежу, вытянувшись на песке, а где-то надо мной в небесной синеве плывут белые, пушистые облака. Голова еще гудит после пропущенного удара, и громкий, скрипучий голос Парса заставляет меня болезненно морщиться.

— Знаешь, доходяга, а ты не совсем потерян! То, что в такой ситуации ты сумел заметить мою ошибку и даже попытался ее использовать, дорогого стоит. И не беда, что я тебе свою ногу три раза подставлял, главное другое. Ты уже не просто машешь мечом без толку, а видишь всю картину целиком и способен анализировать. — Где-то в глубине сознания я понимаю, что это похвала, но на радость у меня пока нет сил, а Парс уже добавляет в своей обычной манере. — Вижу, сегодня ты уже не очухаешься. Ладно, ползи в свою нору, завтра продолжим.

Длинный крытый фургон грохочет деревянными колесами по городской мостовой. Кабур правит лошадьми и на меня почти не оборачивается. И слава Хранителям, достал уже своей болтовней, а мне сейчас не до него. Все мое внимание приковано к проплывающим мимо городским улицам. Маленькая круглая дырка в тенте, к которой я приник, конечно, сильно сужает картину, но я рад и этому. Я не видел этих улиц уже несколько месяцев, и сейчас, смотря на каменные громады дворцов, великолепие колонн и мостов, я не узнаю их. Да, сейчас ярко светит солнце, полно народу, а я привык видеть их пустыми, в призрачном свете луны и ночных сумерках, но что-то подсказывает мне, что дело не в этом. Дело не в городе, дело во мне самом. Я изменился за это время, изменился так сильно, что совсем не узнаю себя.

Скользящие мимо городские кварталы будят воспоминания о юном маленьком мусорщике, о его желаниях и принципах, о спорах со стариком Перлом, и я сегодняшней сравниваю и поражаюсь глобальности изменений. Вроде бы прошло так мало времени, но столько всего случилось, что я смотрю на того Юни, как смотрит умудренный сединами старик на бестолкового подростка. И это поражает меня даже больше, чем красочные толпы на улицах праздничного Джавалгвараха, а там есть чему удивляться. Десятки тысяч людей со всех концов бескрайней империи текут густым потоком по широкому центральному проспекту столицы. Разноголосый гул сотен наречий накладывается на ржание коней, рев слонов и верблюдов. Белые, как горные вершины, головы северных народов, перемежаются с черными косами и тюрбанами южных людей, и весь этот поток под скрип сотен повозок плывет вместе с нами от Небесных ворот города к главному храму Хранителей, что возле рынка императора Джоал банг Ношшура.

Впереди едет карета с Лирианом и Ильсаной. Парс и еще трое его бойцов верхами расчищают дорогу, а наш тарантас, сотрясаясь на выбоинах, катится следом. Перед рыночной площадью мы куда-то сворачиваем, и народу вокруг сразу становится меньше. Я неплохо ориентируюсь в городе и точно могу сказать, что мы двигаемся не в сторону дворца Ашшуров, а скорее в противоположном направлении. Через какое-то время становится понятно, что наша цель вообще не в центре, а далеко на окраине. Я этот район не знаю, мы с Перлом сюда никогда не заходили. На мой невысказанный вопрос неожиданно просыпается демон.

Добро пожаловать в самую темную и криминальную часть Джавалгвараха, в район Калдо.

Честно говоря, я рад, что Гор решил сменить гнев на милость и проявиться, но показывать этого в открытую не собираюсь и недовольно бурчу:

— Ну конечно, где же еще могут проводить подпольные бои, как не в таком месте.

Совершенно не слыша моего сарказма, демон воспринимает мои слова буквально и продолжает все в том же бодром духе:

Несмотря на твою обычную чудовищную бестолковость, в этот раз ты абсолютно прав. Здесь власть императора скорее номинальная, и городская стража сюда без особой нужды не суется. Эту землю делят с десятков воровских банд, что платят городским властям хорошую мзду и, надо сказать, всех это устраивает. Аристократия прокручивает здесь свои темные делишки или нанимает убийц, купцы проворачивают контрабандные

сделки, а банкиры снимают со всего этого безумные проценты. Всем, кроме центральной власти, выгодно наличие в городе такой черной дыры, и именно поэтому она до сих пор здравствует и процветает.

Гор сегодня словоохотлив. Я не знаю почему, но пользуясь случаем спешу получить ответ на очень интересующий меня вопрос. Меня сильно тревожит и волнует то, что я до сих пор понятия не имею на какое дерьмо согласился и что конкретно означает понятие Крысиная яма.

У Лириана, понятное дело, спрашивать я не мог, у Парса даже спрашивать было бессмысленно. Максимум, что удалось с него получить кроме кривой усмешки, это пугающая фраза — худшее из того, что ты можешь себе представить. Сегодня в дороге пытался расспросить Кабура, но этот болтун налил больше мути, чем хоть что-то прояснил. Наверное, Ильсана могла бы помочь, но с той памятной ночи я ее больше не видел, так что все это время мне пришлось мучиться неведением. Конечно, я не совсем простачок и прекрасно понимаю, эти бои не спортивные турниры, и без всяких сомнений мне придется убивать. Я даже с этим уже смирился. Мои будущие противники сами выбрали свой путь, и смерть на арене их собственный выбор. Пусть я играю с ними не совсем честно, но у меня нет возможности это изменить. Меня загнали в угол. На кону даже больше, чем моя жизнь, на кону моя самая заветная мечта. Мое сокровенное желание, моя любовь, моя Ильсана! Я должен накопить денег на побег, а бежать придется далеко, ведь в пределах империи нам с Ильсаной места не будет. Я должен это сделать, и я это сделаю чего бы мне это не стоило. Ильсана будет моей, даже если мне придется завалить трупами все эти чертовы крысиные ямы.

Все это проносится в моей голове, пока Гор издает какие-то невразумительные звуки, кои, по его мнению, должны показать мне, что он раздумывает отвечать на мой вопрос или нет. Наконец, он решает, что достаточно поиздевался и продолжает:

Разумному существу уже само название Крысиная яма должно было бы подсказать в чем тут задумка, но вы, люди, совершенно неспособны логически мыслить. Даю тебе подсказку. Есть у вас такое поверье, если кто-то хочет избавиться от крыс, то кидает в одну яму несколько десятков этих тварей. Их не кормят, и очень скоро они начинают жрать друг друга. Та крыса, что останется в яме победителем, настолько привыкает убивать своих сородичей, что когда ее выпускают на волю, то она не успокаивается, пока не истребит всех крыс в округе. — Сделав паузу, Гор ждет моей реакции, и я знаю, чего он хочет. Этаких дурацких вопросов: И что? Как связать это с боями? Или что-нибудь подобное, что позволит ему высокомерно и назидательно прочесть мне еще одну нотацию о общечеловеческой тупости. Мне его рассказа достаточно, и суть того, что меня ждет на арене вполне понятна, поэтому я упорно молчу, хоть и знаю, как его это злит. Пусть позлится, это ему за глумление над родом человеческим.

Гор не из тех существ, что могут легко сойти с задуманного сценария. Не дождавшись от меня положенной реплики, он тут же решает взять всю задуманную сцену на себя и продолжает:

Итак, я вижу по твоему молчанию, что ты до сих пор тормозишь и не догадываешься в чем суть. И в этом твоя главная проблема, Юни. Ты слишком туго соображаешь.

От его тона так и прет самодовольством, но я успеваю отметить, что может быть впервые демон назвал меня по имени. С ходу даже не могу представить к чему бы это, а в тоне Гора явно слышится наигранная ироничная усмешка.

Крысиной ямой это называется уже потому, что это действительно яма. Радиусом шагов тридцать, не больше, в которую сбрасывают десяток таких как ты. Без брони, без шлемов, лишь с мечом и щитом, и остаться от этого десятка должен только один. За три дня праздников проведут шесть таких боев, а потом всех победителей соберут в финальной яме. Выживший получит звание «Крысиный владыка» и главный приз. — Подумав, и вновь не дождавшись моих эмоций, он попытожил с заметной брезгливостью в голосе. — Согласен, зрелище не для интеллектуалов. Настоящая кровавая бойня, но, как ни странно, эти бои пользуются большой популярностью в аристократической среде. На трибунах Крысиных ям можно увидеть самых влиятельных и богатых людей города, да и ставки там не для бедняков, а приз победителю, бывало, доходил до десяти империалов.

Рассказ демона, надо сказать, произвел впечатление. Как ни настраивал я себя на худшее, но такого даже представить не мог. Охватившее меня мрачное настроение немного развеяла лишь последняя новость.

«Десять империалов, это тысяча динаров». — Быстро пришла подсказка на едва скользнувший вопрос, и я чуть не ойкнул. Такая сумма никак не укладывается в моем мозгу, где даже одна серебряная монета и то целое богатство. Не в состоянии измерить эту цифру чем-то материальным, я вдруг подумал о том, что раз это такая огромная сумма, то для побега, скорее всего, ее будет достаточно, а значит, все можно будет решить за один раз, уже в эти праздники. Уныние тут же сменилось радостью и надеждой, что уже через три дня мы с Ильсаной сможем быть вместе!

Взбрыкнув на очередной выбоине, телега резко свернула и, проехав в арку ворот, остановилась. Через мгновение откинулся полог, и показалась голова Парса.

— Выходи! — Кивнув в мою сторону, он отошел и дождался пока я вылезу и разомну затекшие ноги. Затем показал на одну из множества выходящих во двор дверей. — Посидишь здесь до вечера. За тобой придут.

Бойцы Парса вместе с каким-то местным здоровяком уже открыли предназначавшуюся мне камеру, и, вздохнув, я медленно направился к чернеющему дверному проему. Каморка в точности как в Кали-Сан, три шага в длину, три в ширину. Потолок почти над головой, вверху маленькое окошечко, а на полу циновка, кувшин воды и завернутый в кусок ткани хлеб.

— Прямо стандартный набор смертника! — Раздраженно бормоча, прохожу вовнутрь и слышу за спиной звук захлопнувшейся двери и грохот упавшего затвора.

Сквозь решетку вижу ночное небо и противоположную стену ямы в оранжевых пятнах горящих факелов. В ушах стоит идущий с трибун гул, и кажется, что там шумят вовсе не люди, а рычит многоглазое чудовище в предчувствии кровавой жатвы.

Стою перед решетчатой дверью и жду сигнала. В правой руке меч, в левой маленький круглый щит, на голове красная повязка, скрывающая касту. Надрывно гудит труба, и к реву зрителей добавляется душераздирающий скрип ползущих вверх решеток. Этот звук говорит мне, что открываются все десять выходящих на арену камер, и значит, пришел час икс, когда надо выходить и отвечать за свое обещание.

Делаю шаг вперед, ожидая представления бойцов или хоть какой-то вступительной части, но здесь такой ерундой не заморачиваются. Удар слева обрушивается, не дав мне даже полностью выйти на арену. Каким-то чудом успеваю принять его на щит и рефлексивно отступаю обратно к решетке. Эти полшага назад спасают меня от еще одного удара,

просвистевшего перед самым носом.

Уф! Сжимается сердце, и обрушивается запоздалое понимание, насколько я не готов ко всему этому безумию. Мне нужна хотя бы пара мгновений для адаптации, но их нет. Остервенелый сосед явно расценил мое отступление как слабость и накинулся на меня с одержимостью голодной гиены.

Спина прижата к решетке, взгляд нацелен на искаженное яростью лицо. Навстречу узкие прорези глаз, полыхающие звериной злобой. Удар, еще один, и еще! Я еле успеваю отражать этот навал, как вдруг мой безумный противник неестественно замирает и с уголка его рта появляется кровавый ручеек. Еще через миг он валится мне под ноги бесформенной тушей, открывая стоящего за ним убийцу. Тот, словно любуясь своей работой, на мгновение замирает, и на его щербатом лице появляется довольный оскал. Вся фигура этого здоровенного мужика с окровавленным мечом выглядит как кошмарное назидание погибшему — ты слишком увлекся, дружок, а на этой сцене «глаза на затылке» нужно держать постоянно открытыми.

Этот краткий миг, как и разделяющий нас труп, дает мне необходимую передышку, и, не тратя время попусту, я сразу же ухожу в Сумрак. Пламя факелов вокруг окрашивается в серый цвет, и туманная взвесь растекается по арене. Кровавая свистопляска вокруг замирает, зато пропитанный серостью воздух вдруг прорезает взмах меча сумрачного стража. Я вздрагиваю, но к счастью, у щербатого лишь заклинание Триан первого дана третьего уровня, и его бронзовая рука слишком коротка, чтобы дотянуться до меня.

Сей факт меня окончательно успокаивает, и я, наконец-то, могу поднять голову и осмотреться. Вернувшаяся способность трезво оценивать ситуацию — как нельзя кстати, и мой взгляд внимательно процеживает арену. Трое уже неподвижно лежат на песке, а оставшиеся на ногах остервенело рубятся между собой. К моему удивлению, у них у всех по левой руке вьется вязь заклинаний. Кроме щербатого еще у двоих сумрачная рука, а трое остальных явно прошли школу Бронзовой змеи. Одно успокаивает, ни у кого нет заклинаний выше Триан первого дана, да и уровни тоже не предельные. На мой взгляд, не выше четвертого. Сейчас все они, кроме непосредственно моего противника, в шагах пяти в общей свалке, и траектория застывших в движении мечей говорит мне, кто из этих людей будет убит через пару мгновений. Это сразу же наталкивает меня на здравую мысль: «Надо просто подождать, и проблема сама собой сведется к минимуму. Конечно, за исключением того милого приятеля, что стоит напротив».

Сумрак уже начинает давить, и надо бы срочно выходить, но лезть в кровавую мясорубку жуть как не хочется, и я тяну до последнего. Наконец решаюсь, и, уйдя с траектории движения моего ближайшего противника, выхожу...

Реальность оглушает ревом толпы. Фигура гиганта стремительно пролетает мимо, но я все же успеваю коротко ударить мечом куда-то в лоснящийся потом бок. Рев боли, и щербатый, словно споткнувшись об убитого им бойца, падает на колени прямо за ним. Едва успеваю проследить этот миг, как краем глаза вижу надвигающуюся сбоку тень, и мой щит трещит от мощнейшего удара. С другой стороны над головой уже висит занесенный меч. В реальности становится слишком «жарко», и не искушая судьбу, я ухожу в Сумрак, с ходу закрываясь энергетической защитой. Вокруг уже так тесно, что сразу несколько стражей пробуют на крепость мой сумрачный щит.

Один удар, второй, еще два! Я не слишком тревожусь, это все не критично. Здесь нет бойцов даже пятого уровня моего дана, а значит, если верить Гору, все четыре удара снизили

мою защиту лишь на уровень, и у меня в запасе еще четыре.

Сумрак — это самое неподходящее место для отдыха, в нем ты не восстанавливаешься, а только теряешь энергию. Выдерживаю несколько секунд и, поднырнув под занесенный удар, вновь выхожу в реальность. Шаг вперед, и перед глазами горой вырастает широкая волосатая спина. Занесенный тесак обрушивается на то место, где я только что стоял, а его обладатель, почуяв неладное, остервенело оборачивается в мою сторону. В округлившись глазах вспыхивает ужас, перемешанный с ненавистью, но среагировать мужик не успевает, мой меч мягко входит в подставившийся открытый живот. Кхекнув и мгновенно обмякнув, волосатая гора начинает оседать, давая мне возможность вновь уйти в Сумрак.

Никто не атакует меня с ходу, и я вижу, что наша компания сильно поредела. Даже не представляю сколько прошло времени с самого начала, но из десяти вышедших на арену в живых осталось лишь трое, не считая меня. Простой подсчет говорит мне, что если каждый из них уложил хотя бы по одному противнику, то по числу трофеев только один из них может равняться со мной.

На эту мысль тут же отреагировал издевательский голос Гора:

Поздравляю! По количеству жертв ты не уступаешь самым отъявленным головорезам! Bravo!

Его сарказм меня совсем не радует, но и спорить с демоном бессмысленно. Да, я убил тех двоих, и скорее всего мне придется убивать еще не раз, но все это по одной простой причине — если не убью я, то убьют меня.

Все эти мысли сильно отвлекают, и я отбрасываю их как слишком несвоевременные. Еще ничего не закончилось, и трое оставшихся на арене — это лучшие бойцы, раз дожили до этого момента.

Смотрю за всей троицей, но пока никто из них не торопится бросаться в схватку, а в серой взвеси Сумрака за мной неотрывно следят лишь две змеиные головы и острое сумрачного меча.

Выхожу из Сумрака и оцениваю своих противников уже в реальности. Слева в шагах десяти стоит невысокий коренастый крепыш с зеленой кастой на лбу и длинными почти до земли руками. На левой у него простая армейская татуха ШМ и браслет с гравировкой Триан 1–3. Из-под скошенного лба смотрит равнодушный, давно привычный ко всему взгляд.

«Ясно, — бормочу про себя, — этот из бывших вояк и, чувствуется, на арене не в первый раз».

Веду глазами дальше. Напротив высокий здоровяк с рыжими космами до плеч. На его заросшей обильной растительностью руке — едва видимая татуировка БЗ и браслет с надписью Триан 1–3. Длинная челка скрывает касту и мешает мне определиться с его происхождением. Не тратя время на пустые гадания, двигаюсь дальше и бросаю взгляд направо. Там стоит, наверное, самый интересный субъект. Ухоженные волосы, розовая каста посреди лба. Фигура, явно знакома с атлетическим залом, зеленая набедренная повязка из дорогой ткани. Татуировка БЗ выполнена в витиеватом стиле столичных салонов, как и гравировка на браслете Триан-Неотразимый Удар 1–5.

«Надо же, ошибся. — С удивлением вижу отметку о пятом уровне. — Как же тебя, такого красивого, сюда занесло?»

На мой риторический вопрос тем не менее отреагировал демон.

Этот скорее всего здесь из-за долгов. Проигрался, а отдавать нечем, вот и пустился во все тяжкие. Не повезло бедолаге!

Поскольку никакого другого исхода этой схватки, кроме своей победы, я не вижу, то вынужден согласиться с Гором: «Да уж, не повезло!»

Все трое моих противников тоже стреляют оценивающими взглядами, и мне кажется, что у нас у всех пульс стучит в одном ритме, отбивая синхронный темп.

Тук, тук, тук! Пора! Словно подтверждая мою мысль, мы все, как по сигналу, срываемся с места. Рыжий с ревом несется на меня, я на него, а крепыш с красавчиком друг на друга. Мы как будто сговорились покончить друг с другом одним ударом и в одной точке.

Рассчитывая шаг, готовлюсь к отработанному трюку. Сознание расслаблено, и контроль полностью отдан заклинанию. Перекошенное лицо рыжего все ближе и ближе, его клинок взлетел для удара и... Сумрак включается резко, как накинутое серое покрывало. Мой энергетический щит врезается в бросающихся навстречу стражей, и инерция подбрасывает меня в серую взвесь Сумрака. Внизу шипят придавленные кобры, бессильно застыла бронзовая рука. Кручу сальто в плотной, как вода, серой взвеси и приземляюсь за спиной у патлатого здоровяка. Подошвы мягко касаются земли и, не давая стражам времени на атаку, выхожу из Сумрака.

Оранжевой вспышкой ослепляет реальность, и по ушам бьет свист рассекающего пустоту меча. Мой противник замер прямо передо мной. По его замедленной реакции чувствуется, что он не понимает произошедшего. Мгновение, и он ощущает мое присутствие за своей спиной и начинает настороженно оборачиваться. Этот миг удивления и потери концентрации стоит ему жизни, ибо я тут не единственный его противник. Длиннорукий крепыш, как будто почувствовав момент, оставил на миг красавчика и, качнувшись в сторону, рубанул вслепую. Сверкнув в свете факелов, отточенный клинок прошелся по рыжей груди, разрубая ее до нутра. Брызнул кровавый фонтан, а убийца попытался повторить успех и следующим ударом достать уже меня. Меч снова взлетел вверх, целясь мне в голову, а я, не став рисковать, толкнул вперед все еще стоящую передо мной рыжую громаду. Безжизненное тело кулем повалилось на низкорослого крепыша, и тот, отпрянув, на краткий миг потерял общий контроль, чем тут же воспользовался его недавний противник. Выверенный удар красавчика с хрустом пробил широкую грудь, и прежде чем тело бывшего солдата упало на песок, его равнодушный взгляд наполнился по детски обиженным удивлением.

На бурой от крови арене нас осталось только двое. Он и я. Мы стоим друг напротив друга, и тяжелое дыхание вырывается из наших легких. Мы оба устали до предела и понимаем это. Любая, даже крохотная ошибка будет стоить кому-то из нас жизни. Если бы можно было выбирать, то я, не задумываясь, предложил бы ничью этому стоящему напротив меня молодому мужчине. На вид ему не больше тридцати, а он уже опытный боец, раз сумел выжить в сегодняшней резне. У меня, конечно, есть неоспоримое преимущество, о котором мой противник не знает, но чем дольше мы стоим и смотрим друг другу в глаза, тем труднее мне воспользоваться им. Наверное поэтому в моей голове неожиданно появляется совсем не нужная в такой момент мысль:

«Он еще такой молодой, у него вся жизнь впереди, и где-то, наверняка, его ждет невеста или жена. В праве ли я лишать этого парня того, что подарено ему самими бессмертными Хранителями?!»

Красавчик делает шаг вперед, и в его глазах стоит такая грусть и незащитность, что я непроизвольно позволяю ему сделать еще один. В следующий же миг его лицо искажается гримасой ярости, а все тело вытягивается в атакующем выпаде.

Хвала богам, реакция заклинания намного превосходит человеческую, и острие меча замирает в моем животе, едва проткнув кожу. В серой неподвижности Сумрака мой щит сотрясается от ударов бронзового змея, а я стою в какой-то оторопелой заторможенности и смотрю на бегущий из раны кровавый ручеек. Мой разум все еще не в силах поверить в такое бесстыдное вероломство, и только издевательская насмешка Гора возвращает меня к действию.

Я, конечно, знал, что ты олух, но чтобы так опростоволоситься, это даже для тебя перебор. Запомни, ты не на сцене, не на арене, ты в Крысиной яме, и здесь нет ничего человеческого! Здесь либо ты, либо тебя! Никаких сантиментов, никаких сожалений и чувств, иначе даже Прим-Сияние Тьмы тебя не спасет.

Впервые нотация демона попала в самую точку, и я чувствую, как краска стыда заливает лицо: «Как я мог так ложануться! Чего я ожидал, что красавчик расплачется и бросится мне на грудь брататься. Господи, демон прав, я идиот!»

Злость на самого себя бросается в голову, и хочется выплеснуть наружу вспыхнувшую ярость. Делаю пол шага назад, ровно настолько, чтобы кончик меча вышел из моего живота. Вытянувшееся тело красавчика прямо передо мной и еле-еле движется вперед. Еще один удар змеи сотрясает мой щит, но я не обращаю внимания, против такого противника у меня большой запас. Я так зол, что, не думая, хватаю своего врага за руку и с силой дергаю на себя. Здесь в Сумраке я не вижу эффекта, но точно знаю, что будет потом. Выдохнув и выровняв дыхание, выхожу в реальность и слышу за спиной грохот удара и непередаваемый звук ломающихся костей.

Мне не надо видеть, я и так знаю, как там все выглядит. Для всех зрителей на трибунах, я увернулся от атаки красавчика, а тот так разогнался, что не удержался и, пролетев пару шагов, врезался головой в стену.

Поворачиваюсь и под рев толпы подхожу к поверженному противнику. Тело в таком неестественном положении, что с одного взгляда ясно — сломан позвоночник. Красавчик еще жив, но не состоянии даже моргнуть, и его широко раскрытые глаза умоляюще смотрят прямо на меня. Трибуны режут, требуя крови, а моя злость вдруг куда-то испарилась. Острие моего меча упирается в грудь лежащего врага, а его взгляд вцепляется мне в лицо. Добей! Кричит он. Добей, не мучай!

Я медлю с ударом милосердия. Оказывается, это так страшно, воткнуть клинок в еще живое, незащищенное человеческое тело. Я не убийца и не палач, я не хочу этого делать, но трибуну орут — добей! Наполненные мукой глаза просят — добей! И, кажется, сама арена вокруг давит и требует — добей!

Хрустнула пробитая кость, яркие карие глаза заволкло мертвенной пеленой. Я ставлю ногу на лежащее тело и с трудом вырываю застрявший в груди меч. Хвала Хранителям, этот день закончился!

Глава 19

Свет луны из зарешеченного окошка падает на пол серебряным пятном, оставляя остальную часть камеры в полной темноте. Тишина и покой — это то, что мне сейчас нужно. За моей спиной только что захлопнулась дверь, а рев трибун все еще надрывно звучит в ушах. Бросаю на пол меч и прислоняюсь спиной к холодной стене. Прикрываю глаза и пытаюсь утихомирить рвущееся из груди сердце. — «Все закончилось, на сегодня все закончилось!»

Дыхание выровнялось, сердце перестало колотиться перепуганным птенцом. Я почти добился желаемого покоя, но какой-то тревожный шум врывается в мой успокоившийся мир. Резко открываю глаза и понимаю, это шаги подкованных армейских сандалий. Тут же звякает в замке ключ, и в распахнувшейся двери появляется фигура Парса.

— Выходи, мы уезжаем!

Честно говоря, я не задумывался о том, где я буду ждать следующего боя, и если Парс говорит, что уезжаем, то возразить мне особо нечего.

Глава охраны дома Ашшуров расценил мою задержку по-своему и добавил:

— Это приказ молодого господина! Нечего тебе здесь торчать. Финальный бой будет только через два дня, а тут слишком много лишних глаз и ушей!

Пожав плечами, мол как скажешь, выхожу в коридор, и тут Парс меня искренне удивляет. Его здоровенный кулачище легонько тыкает меня в грудь, и я не верю своим ушам.

— А ты молодец, доходяга! Не ожидал! — На лице Парса появляется некое подобие улыбки, а в голосе даже звучит нотка уважения.

Понятия не имею, что надо отвечать в таких случаях, но от меня, к счастью, никаких слов и не требуется. Грозный глава охраны, решив, что он и так позволил себе лишнего, резко развернулся и, бросив «за мной», зашагал к выходу.

Два его бойца, беря пример с командира, тоже потыкали меня в бока и, пробурчав, «Здорово! Молодчага!», подтолкнули вслед за Парсом.

Немного ошарашенный столь неожиданной поддержкой, шагаю по коридору и все еще не могу поверить в случившееся. Давненько меня никто не хвалил, и надо сказать, ощущения чертовски приятные.

На выходе, почти у самых дверей, нас уже ждет знакомый мне тарантас и три оседланные лошади. Я запрыгиваю вовнутрь, где Кабур тут же обрушивает на меня целый поток своих восторгов. Его восторженного словоблудия не остановил даже топот застучавших по брусчатке копыт. Не прекращая болтовни, он хлестнул поводьями, и лошади, послушно тронувшись, покатали повозку вслед за всадниками.

Квадратный дворик того дома, где мы остановились, с трех сторон окружает высокий каменный забор, а четвертую замыкает глухая стена самого строения, чья плоская крыша, в случае чего, может служить отличной площадкой для стрелков. Наверное поэтому, первая мысль, что появилась у меня, едва мы проехали под аркой ворот, была о том, что при желании эту домушку можно легко превратить в неприступную крепость.

Мне отвели отдельную комнату, больше похожую на чулан, где в отличие от предыдущей камеры нет даже окна. На этом, правда, минусы заканчиваются, а из плюсов, здесь стоят кровать и стол, на котором кроме хлеба, я вижу тарелку с куском курицы и

какие-то фрукты.

Наевшись, я уже было решил завалиться на кровать, но тут неожиданно приоткрылась дверь, и в появившейся щели показалась голова Кабура.

— Я войду? — Он притормозил, но, получив мой кивок, проскользнул вовнутрь.

Надо сказать, что разрешение войти, у меня спрашивали первый раз в жизни, и я кивнул скорее от растерянности, чем осознанно. Пока я обдумывал это странное событие, мой незванный гость уже открыл рот и по обыкновению начал нести всякую хрень о том, какое грандиозное событие произошло сегодня в моей жизни, и о том, как правильно было бы отметить мою победу чаркой хорошего вина. Тут он замялся и, наконец, выдал истинную цель своего прихода.

— Твою невероятную победу просто грех не отметить. И можешь не сомневаться, если бы я мог, то не пришел бы к тебе с пустыми руками, а притащил бы изрядный бочонок вина. Эх, как бы мы с тобой повеселились, но, к сожалению, у меня совсем нет денег. — Для убедительности он развел руками, демонстрируя свои пустые розовые ладони.

Делаю вид, что совершенно не понял его намека, и Кабур, состроив умильную рожу, добавляет.

— У тебя же есть, Юни, я знаю! В такой день грех не проставиться! Я мог бы сбегать за кувшином вина в ближайший трактир.

Меня на такой мякине не проведешь. С какого хрена я должен поить этого болтливого шута?! Он мне не друг, и вряд ли искренне радуется моей победе.

По лицу Кабура видно, какое чудовищное разочарование вызывает у него мое молчание. Видимо, он был настолько уверен, что ему удастся выудить из меня парочку медяков, что мысленно уже выпил купленный на них кувшинчик вина и теперь отказаться от этого у него просто нет сил.

Погрустневшая на миг физиономия Кабура внезапно расплывается, осененная идеей.

— Послушай, Юни, я же вижу, что тебе обрыдло постоянное одиночество и запертые камеры. Я знаю, тебе хочется выйти в мир, повеселиться, подцепить веселую подружку на ночь. — Он заговорщицки подмигнул и вновь просиял во всю ширь своего лица. — Только скажи, могу помочь.

Предложение настолько невероятное, что я лишь скептически хмыкаю в ответ.

— Помочь?! А Парс то в курсе?!

На мой скепсис Кабур совсем распетушился.

— А что мне Парс! Я сам решаю что можно, а что нельзя! Мой хозяин — молодой господин, а не какой-то там Парс.

— Что-то ты больно смелый стал, — бросаю недоверчивый взгляд на Кабура, — ведь Парс с тебя кожу живьем сдерет!

Тот, словно увидев воочию мое предупреждение, испуганно оглядывается на дверь и резко сбавляет тон.

— Ладно, давай начистоту! Парс со своими отправился в кабак, а меня оставили тебя стеречь. Я знаю, до утра они не вернутся. Поэтому предлагаю взаимовыгодную сделку, я веду тебя в трактир, а ты платишь за нас обоих. Естественно, к утру возвращаемся и Парсу ни слова. Ну что, по рукам?!

Прищурившись, смотрю ему прямо в глаза. Вижу, не врет, и реально ему так хочется выпить, что готов шкурой своей рискнуть.

Усмехнувшись, решаю его немного пугнуть.

— А не боишься? Вдруг сбегу?

— Э-э-э! — У Кабура оторопело округляются глаза. — Ты это чего?!

Глядя на его ошарашенную физиономию, мне вдруг становится смешно. Этот человек рискует своей жизнью ради кувшина вина и даже не желает задумываться о последствиях! Решив больше не мучить бедолагу, изображаю широкую улыбку.

— Ладно, не бойсь! Шучу я!

— А-а! — Кабур предпочел не вдаваться и поверить. — Так и чего, пошли что ли?

Сомневался я недолго. С одной стороны, это нарушение договоренности с Лирианом, а с другой, я ведь не сбегаю, а всего лишь иду в ближайший кабак. Думать о том, что со мной будет, если кто-нибудь обнаружит, что рядом с почтенными горожанами сидит неприкасаемый, или вдруг мою отлучку обнаружит Парс, мне не хочется. Моя природная осторожность побеждена страстным желанием пойти, и в этом я напоминаю самому себе Кабура с его желанием выпить. А что делать, я никогда не был ни в одном кабаке, не пробовал настоящего вина, да и вообще никогда не сидел в обществе полноправных людей. Запретное манило самой возможностью нарушить запрет. Поднявшись, я шагнул к кровати и вытащил из-под матраца спрятанные динары.

— Пошли! — Кивнув просиявшему Кабуру, я одернул смявшуюся тунику и двинулся к двери.

Низкие закопченные своды нависают над двумя десятками людей, сидящих за грубыми прямоугольными столами. Несколько светильников, подвешенных к потолочным балкам, дают свет только в центре, скрывая углы таинственной чернотой.

— Сядем вон там! — Показываю Кабуру на пустой стол в дальнем углу и направляюсь в ту сторону.

Моему спутнику абсолютно все равно где, лишь бы долгожданный кувшин появился, наконец, в его руках.

Расположившись на лавке, я сдвинулся к дальнему краю, прячась в тени. Кабур сел напротив, но тут же вскочил и замахал рукой стоящему за стойкой трактирщику.

— Гульдар, нам пару кувшинов и пожрать!

Одарив недобрым взглядом слишком шумного посетителя, тот все же оторвался от протирания деревянной столешницы и подошел к нашему столу.

Вместо здравств, его спрятанный в густой бороде рот процедил почти угрожающе:

— Чего орешь! — Узкие прищуренные глазки под скошенным лбом с голубой кастой с ходу оценили нашу платежеспособность, и в грубом голосе проскользнула презрительная нотка. — Дешевого пива уже нет. Вино будете брать?

Не обращая внимания на полное отсутствие радушия, Кабур засветился от счастья. Откинувшись на лавке, он почти по-царски провозгласил:

— Неси, и самого лучшего!

В глазах трактирщика вспыхнула искра интереса, но одних слов ему было мало. Его грузная фигура продолжила стоять у стола, а требовательный взгляд остановился на лице Кабура.

Я смысла этой сцены не понял, а вот мой приятель сразу сообразил в чем дело. Ткнув меня в бок, он прошептал:

— Покажи деньги.

Пошарив за поясом, я вытащил кошель и выудил оттуда одну серебряную монету.

Покрутив перед глазами, молча кладу ее на стол и прижимаю указательным пальцем. Прежде чем расстаться с целым динаром, я хочу точно знать, что я за него получу.

Хозяин заведения понял мой жест совершенно правильно и, уважительно крикнув, изрек:

— Пять кувшинов отличного кандурского вина. — Поскольку мой палец продолжил твердо впечатывать монету в доски стола, он тут же добавил: — Пожалуй, могу еще пожарить цыпленка и нарезать сыра.

Кабур бросает на меня нервозный взгляд, мол чего ты, отличное предложение, но я по-прежнему держу паузу и все также прижимаю серебряный кругляшок к доскам стола. Я не знаю истинной цены серебра, но тот, кто вырос в квартале отверженных, торговаться умеет. Там каждый знает, что раньше третьего предложения соглашаются только дураки, да и по глазам трактирщика видно — из него еще можно что-нибудь выжать.

И точно, зыркнув из-под мохнатых бровей, хозяин покачал головой, а потом, усмехнувшись, добавил:

— Хорошо, и бонус за счет заведения.

Не знаю, что там за бонус, но вижу, это предел, большего не добиться. Вместо слов, щелчком отправляю монету на другой край стола, и она, не долетев до кромки, пропадает в цепкой волосатой лапе хозяина.

Едва мрачный владелец трактира вернулся за стойку, как откуда-то из глубин заведения вынырнула грудастая девица с двумя кувшинами в руках. Бухнув их на наш стол, она, одним взглядом оценив обстановку, плюхнулась на лавку рядом с Кабуром и весело провозгласила:

— Вот и бонус! Повеселимся, мальчишки!

Кабур тут же сграбастал ее в объятия и без слов жадно приложился к наполненной глиняной кружке. Сделав пару изрядных глотков, он утер рот рукавом и вцепился поцелуем в сочные губы соседки.

Все это напомнило мне попойки в поселке неприкасаемых, и я уже было разочарованно вздохнул, но, попробовав из своей кружки вино, сделал вывод, что разница все-таки есть. Сладковатая, темно-бордовая жидкость отдавала незнакомым мне пряным ароматом. В отличие от прогорклого вкуса дешевого пива, вкус этого вина мне понравился, и я даже не заметил, как приговорил свою кружку. Кабур со своей бойкой подружкой уже взяли все хозяйство в свои руки, и стоило моей тарелке опустеть как они тут же наполняли ее вновь.

После второй кружки все проблемы как-то отступили на второй план, а бессмысленная болтовня Кабура вдруг начала казаться забавной и занимательной. Я так увлекся, что даже не заметил, как к столу подошла еще одна девушка с подносом в руках. Поставив тарелки с жареной курицей, хлебом и сыром, она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Можно?!

Подняв слегка пьяный взгляд, я увидел худенькую девчушку в юбке из беленого льна и лифе из той же ткани, стянутом на почти незаметной груди. В отличие от своей пышной подруги, она выглядела маленьким заморышем, но улыбка настолько преображала ее, что эта простоватая, на первый взгляд, девчонка, вдруг показалась мне занятой.

— Конечно, садись. — Я подвинулся, освобождая ей место на своей лавке.

Придержав короткую юбку, девушка присела рядом. От коротко стриженных волос пахло лавандой, а ее почти обнаженное тело взволновало своей близостью.

— Таис — Голубые глаза вновь обожгли меня обворожительной улыбкой, а маленькая ладошка подставила Кабуру пустую кружку.

Тот тут же исправил свое упущение, и мы все дружно выпили. Кувшин сменился вторым, потом третьим, и очень скоро как-то вдруг само собой так получилось, что я уже обнимал эту девчонку и заливался громким беззаботным смехом вместе со всей компанией. Честно скажу, давно мне не было так хорошо. Настолько здорово, что я даже не сразу понял, почему все замолчали. Только когда тишина за столом начала давить, я обернулся и увидел виновника всеобщего внимания.

Высокий мужчина в длинной дорогого сукна далматике стоял прямо у нашего стола и не спускал глаз с моей руки, покоящейся на обнаженном плече девушки. Его аристократический профиль с орлиным носом и завитой уложенной бородкой, как и багрово-красная каста должны были напомнить об осторожности, но вино уже хорошо затуманило мне мозги, поэтому я нахмурился и постарался, чтобы мой голос зазвучал уверенно и грозно.

— Ей, уважаемый, эта девушка уже занята, так что проваливай пока цел!

После этой фразы взгляд незнакомца метнулся в мою сторону, и только тут я, наконец, заметил откровенный страх на лице Кабура. «Чего он так перепугался?» — Мелькнуло у меня в голове, а незнакомец, проигнорировав мой выпад, вдруг обратился к хозяину трактира.

— Гульдар, почему Таис в зале? Разве мой человек не предупреждал, что я приду сегодня?!

Теперь я тоже повернулся к хозяину и отметил, что тот выглядит испуганным даже больше остальных.

— Мой господин, простите меня дурака. — Затараторил он, оправдываясь. — Все жадность, будь она неладна! Подумал, поздно, господин Аршан уже не придет, так чего же ей сидеть без дела.

Выскочив из-за стойки, он заорал через весь зал:

— Таис, живо в свою комнату!

Девичье плечо под моей рукой дернулось, но, придавив его, я не позволил ей встать. Какое-то злое упрямство, замешанное на винном дурмане, взяло вверх над здравым смыслом. — «Мне было так хорошо, как никогда в жизни, а эти люди взяли и все испортили!» Совершенно забыв об опасности, о повязке, скрывающей мою касту, о своем положении, о возможном крушении всех планов, позабыв обо всем, я с безбашенным упорством молодого бычка полез на рожон.

— Что это вы, господа, распоряжаетесь бедной девушкой, как вещью?! Может у нее лучше спросить с кем она хочет остаться?! — Наслаждаясь брызнувшей из глаз трактирщика злостью, я демонстративно впился поцелуем в обнаженное девичье плечо.

По лицу незнакомца пробежала тень еле сдерживаемой ярости, но, посчитав ответ мне ниже своего достоинства, он лишь презрительно скривил губы и махнул кому-то стоящему у двери.

Назревала серьезная потасовка, и горячечный шепот Таис только подтверждал это.

— Ты что делаешь, сумасшедший?! — Ее горячее дыхание обожгло мне ухо. — Они же убьют тебя!

«Убить меня! — Пьяная удаль понеслась по жилам. — Того, кто сегодня положил на арене девять самых отпетых головорезов! Да, пусть попробуют!»

Я взглянул в распахнутые, переполненные страхом глаза и подмигнул им.

— Не бойся, Юни никому не позволяет обижать тех, кто ему дорог!

Голубые глаза сверкнули в ответ удивлением.

— А я тебе настолько дорога, что ты готов рискнуть за меня жизнью?

Ее искреннее удивление пробило даже мою пьяную браваду, и я вдруг осознал, что, не подумав, сболтнул совсем не то, о чем хотел сказать.

«Господи, что ты несешь?! — Напустился я на себя. — Девчонка еще подумает невесть что!»

Пока я корил себя за глупость, от двери отделились два здоровенных бугая и, явно с дурными намерениями, направились к нашему столу. Надо сказать, их появление меня даже обрадовало, поскольку избавляло от неуместных в такой момент разборок с самим собой.

По привычке пройдясь по запястьям моих новоявленных противников, я нашел татуировку только у одного из них. «Триан ШМ 1–2. — Прочел я и фыркнул. — И это все! Куда вы лезете, малахольные?!»

Моя самонадеянная бравада неожиданно пробудила демона, и в голове зазвучал голос моего незваного наставника и учителя.

Смотрю я на тебя, Юни, и думаю, что владельцев Прим глупее тебя, я еще не видел! Ты не туда смотришь...

Дослушать до конца мудрость Гора я не успел, поскольку один из бугаев протянул свою лапу к моей шее, и я, не раздумывая, ушел в Сумрак. Широкая пятерня замерла в серой взвеси, и я уже начал прикидывать как бы раскидать этих дебилов так, чтобы они не сильно покалечились, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд.

Медленно поворачиваю голову и остолбеваю. Два огромных вертикальных зрачка уставились на меня из туманной мглы, в которой потонуло пространство таверны. Я даже не сразу осознал, что это за чудовище. Несколько мгновений стою с отвисшей челюстью и смотрю на жуткую гигантскую рептилию.

Антрацитово-черная змеиная морда дракона уперлась в меня желтыми горящими глазами. Приоткрытая пасть дыхла зловонием, показав острые, не меньше человеческого локтя, клыки.

Я поднимаюсь, не зная что предпринять дальше, а жуткая тварь в ответ лишь грозно шевельнула сложенными крыльями и ударила длинным хвостом с роговым наконечником. От одного этого движения стены кабака вздрогнули и пошли серой сумрачной волной, а с крыши, как осенние листья, полетела пуки соломы. Покачивая головой на длинной шее, тварь, не торопясь, сделала шаг в мою сторону, оставив на полу отметину от когтей. Она, словно не видя во мне серьезного противника, угрожающе зашипела, а я, поддавшись, отступаю назад и почти рефлексивно выскакиваю в реальность. «Что это было? — Потрясенно вопит мое сознание и получает спокойный ответ Гора.

Я же говорил тебе, ты не туда смотришь. Взгляни лучше на руку того, с кем ты решил тягаться из-за дешевой шлюхи. Видишь золотой браслет с девятью сапфирами по окружности, это знак одного из девяти грандов империи. А если точно, то это Акбар аль Аршан, гранд провинции Аршан и носитель заклинания Эйн-Побеждающее Пламя. Закончи школу Бронзовой змеи и имеет на сегодня первый дан пятого уровня.

«Мать моя! — Восклицаю в мыслях, без всякого желания возвращаться в Сумрак. — Что ж ты молчал то!»

Дальше упрекать Гора уже нет времени, потому что слегка ошарашенные моей необычайной прыткостью амбалы уже обходят меня с двух сторон.

«Что делать?! — Вспоминаю жуткий рассказ Гора про вечное растворение в Сумраке и

ежусь. — Нет, такой смерти точно не хочется! Уж лучше здесь... — Не дав себе закончить мысль, хватаю ближайший стол и опрокидываю его на одного из противников. Тот отскакивает назад, но слишком резко, и, наткнувшись на лавку, валится всей тушей на каких-то мрачных типов в углу. Их рев перекрывает грохот разбитой посуды, и на миг весь кабак застывает в легком ступоре. Все, и даже второй телохранитель гранда, удивленно пялятся на мешанину человеческих тел. Его оторопелое лицо поворачивается в мою сторону, и удивление сменяется гримасой ярости. Не раздумывая, бросаю полный кувшин вина прямо в злобную рожу. Хрясь! Керамика разлетается тысячью осколков, а физиономию бугая заливают красная густая жидкость.

Ситуация дает мне шанс спастись бегством, но проход к двери закрыт. Остается только коридор вглубь трактира. Бросаю последний взгляд на свой стол — там никого нет. Уже на бегу успеваю подивиться шустрости Кабура и девчонок.

Темный коридор встречает вонью спертого воздуха, а где-то вдали виден отблеск света. Несусь туда, надеясь выскочить через черный ход, но с разгона врезаюсь в запертую дверь.

— Черт! — Сыплю ругательствами, понимая это конец. Путь назад отрезан, там в темноте коридора уже слышны тяжелые шаги моих преследователей. Еще пара мгновений, и они меня увидят. В голове надежда только на то, что телохранители оторвались от своего хозяина, и я смогу уйти в Сумрак. Сжавшись в комок, готовлюсь к решительному броску, но тут за спиной раздается скрип двери, и знакомый голос шепчет еле слышно:

— Ей, ты! Давай сюда!

Спасибо, что читаете мою книгу! Мне, честно, очень приятно.

Если вам понравилось, напишите пожалуйста комментарий и поставьте лайк!

Это поможет автору стать популярнее и лучше писать. Заранее спасибо!)

Не давая времени на раздумье, маленькая, но сильная ладошка схватила меня за руку и тащила за дверь. Здесь также темно, как и снаружи. Я ничего не вижу, а только слышу злой шепот Таис.

— Да, не тормози ты! Давай сюда! — Она тащит меня в угол комнаты. — Сиди здесь! Ни звука, даже не дыши!

Погрозив мне сжатым кулачком, она выскользнула за дверь, оставив меня сидящим на полу в полном недоумении. Едва скрипнул засов, как снаружи послышались неразборчивые голоса. Замерев, я напрягся, и звуки сразу наполнились четкостью.

— Ты видела здесь кого?!

Голос был мне не известен, и я определил его как одного из телохранителей гранда. В ответ тут же заголосила Таис.

— Был, был здесь! Видеть не видела, а слышала, как колотил в двери, а потом обратно побежал!

И сразу, прерывая ее, зарычал хозяин заведения.

— Куда обратно, дура! Мы бы его увидели!

Невнятные оправдания девушки, а затем спокойный, но непререкаемый голос гранда.

— Гульдар, Таис в мою комнату, у меня слишком мало времени.

Звук мягких шагов, и он же, но другим тоном.

— А вы ищите, болваны! Не найдете, шкуру спущу!

Еще какое-то время слышу молчаливое сопение, а затем. — «Эта дверь заперта, будем ломать?!» — Следом, неуверенное. — «Это комната бабы Акбара... Нажалуется еще. — Минутное молчание и... — Ладно, черт с ней! С этой чокнутой лучше не связываться!»

Потом топот удаляющихся шагов и тишина. Подождав еще немного, встаю и подойдя на цыпочках к двери, дергаю ручку — действительно заперта! Не то, чтобы я сомневался, но проверить то надо было.

Мои глаза уже привыкли к темноте и различают окно на противоположной стене. Прикинув, с огорчением понимаю, что в эту дыру пролезет разве что кошка. Пробежав еще раз глазами по комнате, осознаю, что без шума отсюда не выбраться, а значит, придется ждать хозяйку. Возвращаюсь на прежнее место, и, опустившись на пол, откидываюсь спиной к стене.

Тишина и бездействие приносят некоторое успокоение, а с ним и бесконечные вопросы к притихшему демону: «Что за тварь это была, и почему ты меня не предупредил? Что нельзя было сказать, что этот прыщ, гранд?!»

Гор ответил не сразу, а выждал паузу и с демонстративной безнадегой вздохнул.

Сколько раз можно повторять, мы с тобой не друзья! Пока контракт не подписан, я ничего тебе не должен. Есть вопрос, я отвечаю, а нет, так уж извиняй, не мое дело! Ты спрашивал?! Нет! Так какие претензии!

Он безусловно прав, и на будущее, мне надо твердо усвоить, прежде чем влипнуть в очередное дерьмо, надо о нем все хорошенечко разузнать. Это, конечно, правильно, но это в будущем, а на сегодня меня интересует увиденное мною чудовище, и мои шансы против него. Поэтому, я прекращаю вываливать претензии и круто меняю курс.

— Согласен, ты прав, а я в очередной раз лоханулся. Беру все свои претензии назад, но

вопрос оставляю — что это за монстр?

Моя покладистость понравилась Гору, и он сменил гнев на милость.

Я уже как-то говорил тебе, при использовании школы Бронзовой змеи у заклинания Эйн формируется сумрачный страж, именуемый Золотой дракон.

Не утерпев, вставляю свое:

— Что-то не больно то он золотой!

Не будь таким нетерпеливым и примитивным. Дракона так называют лишь из-за золотой звезды на груди, и если бы ты смотрел не только на его огромные клыки, то обязательно рассмотрел бы ее. Она как раз становится хорошо заметной к пятому уровню.

Это, конечно, занятно, но по-настоящему меня волнует другое, и я, наконец, спрашиваю то, о чем не перестаю думать с того момента, как вышел из Сумрака, там в зале трактира.

— Если это сумрачный страж такого высокого уровня, то почему он не кинулся на меня сразу, ведь у него было время, и дистанция позволяла. До сего дня, все стражи атаковали меня мгновенно, стоило мне только появиться в Сумраке.

Вот именно, высокого уровня. — Звучащий во мне голос снисходительно хмыкнул. — Все стражи, что ты видел до этого, были примитивными, я бы даже сказал, жалкими образцами, не имеющими связи со своим хозяином, а этот — совсем другое дело. У золотого дракона есть ментальная связь со своим носителем. Он чувствует, переживает, проще говоря, испытывает все те же эмоции, что и его носитель. Дракон не бросился на тебя сразу, только потому что гранд не рассматривал тебя как серьезного противника. Как назойливую муху, как таракана, которого надо прихлопнуть, это да, но не как опасного врага. Тебе повезло, что ты стоял неподвижно, и даже сделал шаг назад. Вот если бы вперед, или хоть что-нибудь, что страж мог воспринять как угрозу, тогда, боюсь, мне не с кем было бы сейчас разговаривать.

Несмотря на то, что все сказанное звучит довольно обидно, я старательно не обращаю на это внимание. Сейчас мне просто интересно, и хочется узнать как можно больше о чудовище, так напугавшем меня.

— Значит, говоришь, этот дракон раздавил бы меня как муху, с первого удара? — Притихнув, жду ответа, а Гор, чувствуя это, специально тянет. Наконец, его голос проявляется в моей голове и, как обычно, начинает с язвительного наезда.

Вот, что у тебя с памятью?! Впрочем, зачем я спрашиваю... Там, где нет разума, откуда возьмется память?! Я ведь тебе уже давал общий расклад, зачем ты спрашиваешь?! Носитель заклинания Эйн первого дана такого же или более высокого чем у тебя уровня уронит порог твоей защиты на два уровня, стало быть, хана тебе наступила бы с третьего удара дракона. Неужели непонятно?!

— Значит, первые два удара я бы все-таки сдержал. — Говорю это скорее для себя, и эта высказанная вслух мысль поначалу обрадовала, а затем привела к крайне печальному выводу: «Пару атак выдержал бы, и что?! Что дальше? Выходить в реальность?! Нет, с противником, типа этого гранда, там у меня еще меньше шансов».

В мои отвлеченные рассуждения неожиданно, без всякого вопроса вклинивается демон.

Сегодня на пустом месте ты нажил смертельно опасного врага. Даже если сейчас тебе удастся улизнуть, то этот человек не простит и не забудет. Он будет искать и рано или поздно найдет. Единственный твой шанс уцелеть, это второй дан твоего заклинания — нападение. Ты должен овладеть им до того, как он тебя найдет, только тогда ты сможешь ему противостоять, а может и победить, если...

Я уже понял, куда он клонит: «Сейчас скажет, что на эту ступень без его помощи мне не подняться, и единственный выход — как можно быстрее подписать договор». — Поворот к этой скользкой теме мне совсем не нравится. Что будет, то будет, а паниковать раньше времени не стоит. Быстро решаю как сбить моего «бескорыстного» наставника с наезженной тропы, и тут в голове возникает еще один не менее интересный вопрос. — «А чего это могущественный и богатый гранд посещает дешевую проститутку, да еще в таком грязном, зачуханном кабаке? Странно это как-то!»

Мой вопрос остановил разглагольствования Гора о единственном для меня пути спасения. Он замолчал, и затяжная пауза продемонстрировала всю степень его недовольствия, прежде чем прозвучал ответ.

Странно как раз не это, а то, что тебя удивляет поведение другого человека, а не свое собственное. Тебе кажется подозрительным, что всеильный аристократ выбирает дешевую шлюху, но совершенно не удивляет то, что ради этой же женщины, ты, такой эгоистичный и расчетливый, только что поставил на кон свою жизнь. Спроси себя: стал бы ты драться ради шлюхи, да еще едва знакомой? В обычных условиях вряд ли, а тут полез как безмозглый бойцовский петух! Не кажется ли тебе, что сей факт говорит либо о твоей безграничной тупости, либо о странном влиянии сей неординарной дамы. Второе, хоть и частично, могло бы объяснить как твою глупость, так и интерес Акбара аль Аршан.

После его слов я тут же вспомнил вспышку голубых глаз, чарующую улыбку и свое дурацкое «Не бойся, Юни никому не позволяет обижать тех, кто ему дорог!» Теперь мое поведение уже не казалось мне следствием обиды и пьяного куража. Чтобы я сказал первой встречной, да еще шлюхе, что она мне дорога! Самому не верится! Ладно бы Ильсане, в нее я влюблен, она бесподобна как богиня, а эта то — страшенькая, худющая, кожа да кости! Ошарашенный, высказываю единственное, пришедшее на ум объяснение.

— Думаешь, она ведьма?!

В ответ слышу слабо напоминающее смех гыканье.

Гы-гы! Как ты себе это представляешь?! Ведьма настолько могущественная, что способна заарканить самого гранда Акбара, трахается со всеми подряд за пару медяков, а потом, еще и отдает львиную долю заработка какому-то трактирищику. Ты серьезно?!

«Действительно, выглядит по-идиотски. — Мысленно соглашаюсь с демоном, но придумать какое-нибудь другое объяснение мне не дает звук поворачиваемого в замке ключа.

На всякий случай вскакиваю и встаю сбоку от дверного проема, чтобы входящий не сразу меня увидел. Скрипнув, пошла открываться дверь, и в темноту сначала всплыло пятно света, а затем и знакомая девичья фигура со свечой в руке. Коротко стриженный затылок, узкая спина с торчащими лопатками.

Протягиваю руку, но коснуться не успеваю. Таис изворачивается как кошка, и острие ножа упирается мне в живот. Порыв пламени освещает вспышку голубых глаз, и скривившиеся в яростном шепоте губы.

— Никогда не подкрадывайся ко мне сзади! Не люблю!

Реакция у нее прекрасная, но с реакцией заклинания все же не сравнится. Сумрак накрыл меня еще до того, как нож коснулся тела. Сквозь серую взвесь вижу ее лицо, и понимаю, что она не шутит, но на ее серьезное злое лицо так и хочется ответить чем-нибудь забавным. Например, обойти в Сумраке и выйти вновь у нее за спиной. Вот была бы потеха!

Глушу на корню эту веселость: «Хватит на сегодня сюрпризов, пусть думает, что крутая,

мне с ней делить нечего». Не сдвинувшись с места, выхожу из Сумрака и улыбаясь, перехватываю ее запястье.

— Чего это мы такие сердитые!

В ответ получаю еще одну яростную вспышку голубых глаз и злое шипение:

— Налево по коридору выход во двор. Дверь я открыла. Быстро убирайся отсюда, пока еще все спят!

Вроде бы все верно, дверь открыта, дорога свободна, разворачивайся и уходи, но ее приказной тон бесит. «Пришла, ни здрасьте, ни до свидания! — В душе закипело злое раздражение и желание сделать ей назло. — Убирайся! Я ей кто, шелудивый пес, что ли?!»

Отвожу ее руку с ножом и, держа на лице равнодушную ухмылку, стараюсь ответить пообиднее.

— Вижу, вежливость и улыбки у тебя только для клиентов. А коли серебро не брякает, так сразу убирайся, дверь открыта.

В потемневших глазах Таис блеснула ярость, и приоткрывшийся рот уже собрался выплеснуть мне в ответ какую-нибудь гадость, но в последний момент девушка передумала и вместо слов перешла к делу. Маленькие ладошки резко ударили меня в грудь, выталкивая из комнаты.

От неожиданности я оступился, и следующий толчок уже выдворил меня в коридор. Дверь хлопнула перед носом, и я остался в полной темноте.

«Вот и поговорили! — Шепчу и настороженно оглядываюсь вокруг, звук захлопнувшейся двери мог привлечь внимание. Не заметив ничего подозрительного, я немного успокоился, и перед тем, как двинуться к выходу, приложил ухо к двери. Из комнаты не доносилось ни звука, словно Таис, также как я, замерла без движения.

— Зачем я это делаю? — Прошептал я, словно увидев себя со стороны и, устыдившись, резко отпрянул от нагретой ухом деревянной доски. — К демонам! К демонам эту девку, гранда, дурака Кабура с его выпивкой! — Бурча и ругаясь в темноте, я наощупь двинулся в сторону черного хода.

Просьпаюсь от ощущения жуткого сушняка. Башка тяжелая, и ощущение, что уже полдень, как минимум. В комнате без окон сказать точнее сложновато. Встаю и, прошепав босыми ногами к двери, выглядываю в коридор. Солнечный свет пробивается сквозь закрытый люк на первый этаж. Прислушиваюсь и отчетливо разбираю гневный голос Лириана.

— Это что за дерьмо, Парс! Где твои люди?! Почему нет охраны?!

Небольшая пауза, и к гневному раздражению прибавляется удивление.

— Вы что тут пьянку устроили?!

Невнятное оправдательное бурчание Парса, и вновь голос Лириана, но уже с испуганной ноткой.

— А неприкасаемый где?!

Теперь у комита прибавилось уверенности, и я уже четко слышу его успокаивающее.

— Да здесь он, здесь! Дрыхнет там, наверху.

Звук поднимающихся шагов, скрип лестницы и слова, прозвучавшие как угроза.

— Тебе придется сильно постараться, Парс, чтобы я забыл об этом случае и не рассказал отцу.

Дальше я уже не стал слушать и метнулся обратно в комнату. Аккуратно притворив

дверь, прыгаю в кровать и прикидываюсь спящим.

Дверь распаивается резко, словно на ней хотят выместить раздражение, и голос Парса звучит как лай пса.

— Встать! Господин в доме!

Вскакиваю и, вытянувшись, опускаю глаза к полу, как и положено при входе господина. Выгляжу сильно помятым, но, надеюсь, Лириан решит, что это со сна. Тот, действительно, придирчиво всматривается в мои мешки под глазами, но ничего не говорит. А затем мне становится не до этого, потому что вслед за братом входит Ильсана. Сегодня она — недостижимая аристократка. На гордо вскинутой голове золотые пряди уложены в высокую прическу. Длинная до пят стола обнажает левое плечо, и белоснежная кожа контрастирует с синим шелком и благородным блеском сапфировых браслетов.

Лириан пропускает сестру и та, пройдя через всю комнату, садится на единственный стул. Меня так и тянет взглянуть на нее, но я креплюсь. Мне кажется, у меня еще будет шанс, поскольку господа, явно, покидать меня скоро не собираются. Наоборот, Лириан жестом отпустил Парса и обратился ко мне, лишь услышав, как захлопнулась дверь.

— Должен тебя огорчить, Юни, призовой фонд в этом году невелик. Организаторы собрали лишь пять импералов, а значит победителю достанется лишь три. — Тут он посмотрел мне прямо в глаза. — И как написано в нашем договоре, ты получишь один.

Лириан прошелся по комнате и продолжил, повернувшись ко мне спиной.

— Это значительно меньше, чем мы рассчитывали, да и ты, наверное, надеялся на большее. — Он резко повернулся, желая поймать мою реакцию на свои слова, но ничего интересного не увидел.

Мне, конечно, жаль. После рассказа демона, у меня появилась странная уверенность, что удастся покончить со всем одним разом, но сегодня, я слишком вял и измучен похмельем, чтобы хоть как-то реагировать и проявить разочарование.

Не получив от меня должного отклика, Лириан бросил взгляд на сестру, но та продолжила сидеть со скучающим видом, будто все происходящее не имеет к ней никакого отношения и абсолютно неинтересно. Пауза затягивалась, и младший Ашшур, раздраженно поморщившись, продолжил:

— Есть и еще одна проблема, Юни. К сожалению, ты слишком хорошо показал себя в первом бою.

На мой вопросительный взгляд, он иронично хмыкнул.

— Почему к сожалению, да потому что опять все то же самое, что и в прошлый раз! Ты теперь у нас один из фаворитов, и ставки на твою победу идут с таким низким коэффициентом, что на приличный выигрыш можно не рассчитывать.

Пожимаю плечами, мол я то что могу сделать и говорю, как мне кажется, очевидное:

— Там, на арене не до игр в поддавки. Может плохо закончиться!

— Может! — Злой взгляд Лириана впился мне в лицо. — А ты как хотел?! Получать большие деньги без всякого риска?!

Мне очень хочется напомнить ему, что я не напрашивался, и что риска на арене и без того хватает, но решаю не подливать масла в огонь, а то от его крика у меня уже голова начала раскалываться.

Молчу и мысленно себя успокаиваю: «Сейчас проорется и успокоится. Что сделано, то сделано, все равно не переиграешь, впереди только финальный бой».

Настраиваюсь на длительную истерику, но Лириан неожиданно понизил тон и даже

изобразил дружескую улыбку. Вот это напрягло меня по-настоящему. Когда этот человек хочет показаться тебе другом, жди серьезной подставы.

Мое дурное предчувствие не замедлило сбыться. Все еще храня на лице подобие дружеской улыбки, Лириан вдруг вновь посмотрел на сестру.

— Хотя знаешь, мы тут с Ильсаной подумали и решили, что приемлемое решение исправить ситуацию все-таки есть. — Он перевел взгляд на меня, и его губы вновь изогнулись в привычную капризную линию. — Ты должен проиграть в финале!

Сначала я даже не воспринял его слова всерьез, и даже сыронизировал.

— Вы хотите, чтобы меня там убили!

— Не совсем. — В глазах Лириана появился жесткий ледяной блеск. — Я покажу тебе того, кто должен выиграть, а ты прикроешь его пока идет бой. В конце получишь от него не смертельную рану, упадешь на песок и дождешься окончания. Там будет мой личный врач, так что не бойся, он тебя выводит.

Сначала я посмотрел на Лириана, и по его лицу понял, что тот не шутит, а говорит на полном серьезе. Тогда я глянул на Ильсану, но та даже не повернулась в мою сторону.

«Он свихнулся, — екнуло у меня, — или решил от меня избавиться. — Еще один взгляд в сторону Ильсаны. — А она? Неужели она соврала мне тогда!»

Мое состояние не укрылось от Лириана, и он заговорил вновь.

— Тебе не о чем беспокоиться! Неужели ты думаешь, я готов списать такого бойца как ты за один раз. Поверь мне, я умею считать! Сколько бы мы не заработали сегодня, в будущем ты принесешь в сотни раз больше. Никто не режет курицу, несущую золотые яйца!

Он замолчал, считая что был более, чем убедителен, а я процедил про себя: «Если только эта курица не носит на лбу касту — неприкасаемый». Понятно, использовать меня вдолгую слишком рискованно, кто-нибудь проговорится, и последствия будут суровые, даже для сынка спафария Дидала. Куда проще сорвать куш, а затем спрятать все следы в могиле.

Стою и молчу, а в голове настоящая чехарда. — «Что делать?! Отказа Лириан не примет, но и соглашаться тоже безумие. Не будет ничего: ни денег, ни Ильсаны... — Продолжение этой мысли пугает своей решительностью. — Надо отказываться, но это значит бунт, со всеми вытекающими. Снова на цепь в подземелье я не сяду! Значит, Лириана выпускать нельзя. Тысяча демонов! Если уж бежать, то никого выпускать нельзя! Всех надо положить здесь, в доме, включая и Кабура. Потом забрать Ильсану и бежать! А что она скажет? Захочет ли она бежать с убийцей брата? А деньги?! Я даже то, что было, потратил!»

Лириан видит мое замешательство, но толкует его как желание поторговаться, а вот Ильсана прочла мое намерение правильно.

Неожиданно она решительно поднялась и подошла ко мне. Нагнувшись к самому уху, она еле слышно прошептала:

— Сейчас я не могу бежать! Отец болен и нуждается в моей помощи. Прошу тебя, соглашайся, я гарантирую тебе честную игру! — Ее губы едва уловимо касаются моей щеки. — Я знаю, ты справишься!

Тени горящих факелов пляшут на желтом, еще не затоптанном песке. Гул трибун давит ревом многоголосого зверя. Где-то, скрипнув, надрывно застонали деревянные блоки, зашуршали канаты, и стальные прутья решеток поползли вверх.

Рука жестко легла на рукоять меча. Все точно так же, как и два дня назад, за исключением одного — сегодня я спокоен и тверд. Да, я согласился на условия Лириана, но это ничего не меняет, сегодня я знаю, что меня ждет, и готов к встрече. Я не могу предугадать всего, но у меня есть опыт предыдущей драки и план на сегодняшнюю, а это уже немало.

Сразу же исключаю первую тогдашнюю ошибку и, не дожидаясь пока решетки поднимутся полностью, ухожу в Сумрак. Перво-наперво надо познакомиться с тем, как мои противники выглядят в мире между светом и тьмой.

Едва с небес посыпались жирные хлопья серой взвеси, как мои глаза уперлись в камеру напротив. Такого я еще не видел и встретить здесь никак не ожидал. По левой руке высокого накаченного мужика, словно вспученная вена, бежит вязь заклинания Дойс, а у его ног лежат два здоровенных чудовища с головами орла на львином теле.

Сходу прикидываю расклад: «Так! У этого парня за плечами школа Бронзовой змеи и заклинание Дойс не ниже второго дана четвертого уровня. По размеру чудищ легко можно бы дать и пятый, но их владелец, явно, черту Сумрака еще не перешагнул, а значит все же четвертый».

Вид отливающих серебром грифонов настолько впечатляющ, что я не могу удержаться от восклицания:

— Чтобы добиться такого, надо потратить полжизни! И все это потом поставить на кон в такой чертовой дыре! Зачем?!

Прозвучавший вопрос пробудил демона со всем его вечным недовольством.

Что ты повторяешься как попугай! Я же тебе еще в прошлый раз все объяснил. Деньги, долги и еще раз деньги! Что еще вас, ленивых людишек, может заставить рисковать, да и вообще двигаться!

Не могу с ним согласиться, но спорить сейчас нет ни времени, ни желания, поэтому глядя прямо на своего соперника, бормочу про себя:

— Ладно, тогда, буду звать тебя, Игрок.

Других бойцов пока рассмотреть невозможно, и я вынырываю в реальность. Едва успеваю выдохнуть, как решетка с лязгом останавливается в верхней точке — путь свободен. Заглушая рев толпы, надрывно загудела труба — начинайте!

Осторожно выхожу на арену. Памятуя прошлый раз, готов к любому повороту событий, но сегодня никто не торопится умереть. Также как и я, все проявляют здоровое благоразумие.

Теперь мне видна и остальная четверка. У троих, кроме зеленой касты и стандартной татуировки ШМ, левую руку украшает браслет с витиеватым вензелем Триан 1–5 РВ. Все трое похожи один на другого, как братья-близнецы. Широкие плечи, бычьи шеи и злые глазки под скошенными лбами. Разница лишь в том, что двое побриты налысо, а у третьего на самой макушке оставлен длинный, выкрашенный в синий цвет чуб.

В этот раз Гор сам решил утолить мое любопытство, хоть я и не спрашивал.

Эти из воинской касты, там Школа Многоруких более популярна, чем академия Бронзовой Змеи, а РВ значит, что бойцы из специальных отрядов Ревнителей веры. Ребятки тертые, а раз добрались до пятого уровня, то, скорее всего, участвовали в реальных боевых рейдах по уничтожению детей Тьмы.

Мне это ни о чем не говорит, и окрестив их всех скопом солдатами, я перевожу взгляд на последнего. Этот по сравнению с остальными выглядит настоящим заморышем. Худой, сутулый, с осунувшимся лошадиным лицом, на левой руке как насмешка браслет с гравировкой Триан БЗ 1–1. Как он добрался до финала — загадка, но зато у него желтая набедренная повязка, а по нашему с Лирианом уговору, это значит, что именно он и должен победить в сегодняшнем бою. Замысел младшего Ашшура понятен, кто на этого доходягу поставит. Коэффициент, наверное, сумасшедший. Качаю головой и, сплюнув, нарекаю свою «головную боль» Счастливымчиком.

В этот раз, в отличие от предыдущего, никто не спешит и не бросается, сломя голову. Мы все медленно и настороженно сходимся к центру. С каждым шагом расстояние между нами уменьшается, и вот первым сдают нервы у бритого здоровяка слева от меня. Не выдержав, он с ревом кидается в атаку. В широком замахе над моей головой взлетает меч, и я тут же ухожу в Сумрак.

Серая туманность заливает арену, и удар стража незамедлительно пробует на прочность мой сумрачный щит. Хвала Хранителям, защита выставляется почти рефлексивно и против первого дана Триан больших усилий не нужно.

Еще один удар сотрясает мою защиту, а я стою как замороженный, уставясь в мутную взвесь. Там, в пяти шагах, две сумрачные руки с яростью обреченных бросаются на грифонов, но скорость их движений не идет ни в какое сравнение с реакцией львов-птиц. Вот один из них вдруг резко вытянул длинную шею, и огромный клюв, щелкнув, перекусил отливающую бронзой руку в районе локтя.

Вздогнув, выражаю завистливый восторг.

— Вот это да! Надо бы взять на вооружение!

Заклиание Дойс тем и опасно, такие стражи более сознательны, — пробурчал Гор. — Некоторые из них слишком верят в своих мастеров и идут на «убийство» своих братьев. Владельцы погибших стражей обычно либо теряют сознание, либо испытывают охватывающую все их тело слабость. Даже не осознавая того, люди с заклинаниями чувствуют временную смерть своего стража.

Так бы и слушал демона и учился уму разуму, но необходимо держать удар. Еще одна атака здоровенной руки с мечом пытается взломать мой щит, и резкая боль в висках напоминает мне, что Сумрак не тот мир, где можно безнаказанно наслаждаться зрелищем и слушать лекции. Разбираться с обнаглевшим стражем у меня уже нет времени. Сумрак давит, и голова грозит треснуть как переспелый арбуз! Дышать становится невыносимо и, цепляясь за последние мгновения, ухожу здоровяку за спину, и только потом стремительно выскакиваю в реальность. По тому как резанул по глазам свет факелов понимаю, насколько сильно я перебрал с дозой Сумрака. Руки трясутся, и на удар попросту нет сил. Нужны хотя бы пара мгновений передышки.

— Ладно, пусть живет пока! — Рычу и одним прыжком отскакиваю на свободное место. Вот теперь можно перевести дыхание и осмотреться.

В реальности бой выглядит не так экзотично. Мы, все шестеро, топчемся в радиусе десяти шагов. Справа синечубый солдат размашисто атакует одновременно и Игрока, и

Счастливи́чика. Здесь же и один из его бритых коллег, но тому уже сильно не повезло, его левая рука висит плетью, заливая песок кровью. Мой же противник, справившись с первым изумлением, вдруг принимает неожиданное решение. Бросив меня, он резко прыгает вперед и обрушивается на худосочного. Вколачивая удар за ударом, он заставляет того отступить и с каждым шагом все больше и больше прижимает к стене.

«Так! — Успева́ет проско́чить тревожная мысль. — С такой прытью мы можем лишиться нашего победителя раньше времени!»

Срываюсь с места и, набирая скорость, несусь к противоположному краю арены. Бритый ревнитель веры, как и предсказывал Гор, оказывается далеко не прост. Почувствовав мое приближение, он до последнего делает вид, что не замечает опасности, но едва меч взлетает в замахе, как мгновенно уходит в сторону, и мой клинок разрезает пустоту.

В миг ситуация меняется до наоборот. Промахнувшись, я сразу же подставляюсь по полной, и теперь уже меня атакуют, да еще с двух сторон. Счастливи́чик, паскуда, бьет коротко и резко, целясь мне в печень, и я лишь чудом отражаю несущий мне смерть клинок. И тут же принимаю на щит удар с другой стороны!

— Это уже чересчур! — Выругавшись, вновь ухожу в Сумрак.

Серая взвесь сыпется с небес, как зола на пожарище. Сумрачная зона начинает давить с первого же мгновения, а злорадный внутренний голос подсказывает, что у меня уже есть пропущенные удары.

«Сколько? — Напрягаю память, и в ответ тут же получаю готовый результат. — *Три пропущенных удара от стража первого дана пятого уровня заклинание Триан! Защита понизилась на полтора уровня!*»

Потеря в полтора уровня, когда вся борьба еще впереди, меня сильно огорчает, и допускать такой расточительности впредь я больше не собираюсь. Максимально сосредотачиваюсь на появляющихся в серой туманности противниках. Ближе ко мне силуэт здоровяка с замершей в готовности третьей рукой.

«Лучшая защита — нападение! — Подстегиваю себя, но понимаю, в таком положении нанести стражу серьезный вред, вряд ли удастся. Надо заставить его подставиться под удар в самом уязвимом положении. В памяти всплывает недавняя атака грифона, а следом и понимание своих дальнейших действий. Резким движением растопыренных ладоней посылаю усиленное силовое поле в жирную серую пыль под ногами. Взрывом взлетает вверх грибовидное облако, и бронзовая ручища, не задумываясь, рубит его наотмашь.

Ширк! Пролетает сумрачное лезвие, а держащая его рука вытягивается в излете. Ловлю этот момент и бью концентрированным энергетическим лучом, как тогда крыс в тюремной камере, точно в напряженный локтевой сустав. Хрусть! Сломанная рука повисает безвольной плетью.

— Один есть! — Разворачиваюсь в другую сторону, и оскаленная змеиная пасть выстреливает мне навстречу. Злобы много, а силы у этого стража пока что маловато. Ядовитые клыки даже не долетают до моей защиты, зато мой ответ просто размазывает сумрачную змеюку по песку.

— Ай да я, совсем другое дело! — Очень довольный собой, оцениваю в какую сторону лучше выходить в реальность. Там, в реальном мире, бритый солдат все еще раскручивает новый замах, а вот новый удар Счастливи́чика уже в паре дюймов.

Прикидываю как бы мне убить двух зайцев одновременно. Убрать бритого, а заодно на время вывести из игры и Счастливи́чика, чтобы его случайно не прибили раньше времени.

Сумрак не желает давать мне времени на обдумывание и давит на все мои органы, стараясь исторгнуть из себя инородное тело. Не в силах больше терпеть, решаюсь на самое очевидное. Два шага вперед, и выхожу в реальность за спиной у Солдата, но перед самым выходом толкаю его на выставленный меч Счастливого.

Грохот рвет барабанные перепонки, глаза режет оранжевым светом! Сумрак мстит мне за самонадеянность.

Глубокий вдох! Трачу мгновение, чтобы прийти в себя, и вижу, что мои страдания не напрасны. Позади, в песочной пыли клубок человеческих тел. Тяжелая масса Солдата попросту смела Счастливого с ног и, проволочив за собой, вдавила в мягкий песок. Дергающиеся конечности Счастливого говорят мне, что тот по крайней мере жив, а вот мертвенная неподвижность бритого и растекающаяся лужа крови подсказывают, что тому повезло меньше.

— Да примут Хранители его душу! — Бормочу прощальные слова и оборачиваюсь в другую сторону. Там за мгновения нашей схватки картина тоже сильно изменилась. Тот из солдат, что был ранен в руку, уже неподвижно лежит на песке, а второй еле сдерживает атаки Игрока. Его безжизненно висящая левая рука, вкупе с мертвенной бледностью говорят о том, что в Сумраке бой уже закончен и не в его пользу.

Решаю почти мгновенно: «Лучше напасть на Игрока сейчас и помочь синечубому, чем потом разбираться с грифонами в одиночку. У меня то стража нет, мне плевать на этих страшилок!»

С места набираю ход и захожу Игроку в тыл. Не так азартно, как в недавней атаке на бритого, но и времени не теряя. Помня что на своих ошибках надо учиться, я не лезу наобум, а скорее оттягиваю внимание Игрока на себя, давая припертому к стене Солдату шанс на последнюю атаку.

Поумерив пыл, Игрок зло скалится в мою сторону и отходит, прикрывая тыл. Я не тороплюсь, играя вторым номером. У меня времени много, а вот у чубатого его нет совсем. Кровь хлещет из многочисленных ран, унося с каждым мгновением частицу жизни. Он это понимает и идет в атаку при первой же возможности.

Обманный замах, еще один! Синечубый готовит выпад и, видя это, я тоже поджимаю Игрока, но серьезно не лезу и в Сумрак пока не ухожу. Я помню, кто меня там ждет и пока есть шанс решить все в реальности, лезть туда не стоит.

Вот он момент истины! Чубатый пошел ва-банк, и я тоже усилил нажим. Игрок отступает, парируя удар за ударом и выжидая своего часа.

Может быть, мы бы и дожали его, но у моего ситуативного напарника попросту не хватило сил. Он оступися, и противник тут же этим воспользовался. Тело Солдата с пробитой грудиной рухнуло на колени, увлекая за собой и оружие Игрока.

«Шанс, коим грех не воспользоваться!» — Мелькнуло у меня в голове, а рука уже рванулась в выпад.

Реакция у Игрока оказалась отменной, а вот мой расчет на его застрявший меч неверным. Поймал он меня или это была случайность, теперь уже не узнать, но все получилось совсем не так, как я ожидал. Удар моего меча пришелся на щит, а его так неожиданно освободившийся клинок рванулся прямо к моему незащищенному животу.

Хвала Хранителям, заклинание, в отличие от меня, ошибок не делает, иначе мой холодный труп с выпущенными кишками уже валялся бы на песке. Сумрак обрушился как серая плотная стена, останавливая отточенное лезвие в полудюйме от вжавшегося пупка.

Непередаваемо скверное ощущение, как вкус крови во рту — от такого может избавить только новая напасть. Долго ждать ее не пришлось! Удар огромного клюва сотряс мою защиту! Один, второй! Я еле держу щит, не успевая предпринять ничего другого. Грифоны пытаются взять меня в клещи, и только тут до меня доходит — мое главное преимущество, это способность к маневру. В отличие от хозяина грифонов я могу двигаться в Сумраке, и сейчас в этом мое единственное спасение.

Отскочив в сторону, выхожу из-под удара, и этим выкраиваю себе маленькую передышку.

«Так! — Лихорадочно пытаюсь продумать дальнейшие действия. — Времени у меня в обрез! В Сумраке долго не протянешь, а выходить в реальность нельзя. Слишком уж далеко я ушел от места вхождения, такой пробел не останется незамеченным».

Мгновения бегут, а размышления ни к чему не приводят. Все очевидно, выбор у меня небогатый: чтобы выйти из Сумрака надо вернуться обратно, а чтобы вернуться, надо идти в атаку. К тому же тянуть нельзя, время работает не на меня.

Перед тем как решиться, задаю очень волнующий меня вопрос — что с защитой? Ответ совсем не радует.

Два удара стража второго дана четвертого уровня заклинания Дойс понизили твою пассивную защиту на два уровня. Длительное нахождение в Сумраке препятствует восстановлению потерянной ранее энергии. Поэтому на данном этапе у тебя из пяти осталось всего полтора уровня.

«Значит, — проговариваю для себя еще раз, — я могу позволить себе пропустить только один удар, второй оставит меня в Сумраке навсегда».

Страшно, до дрожи в коленках, но другого пути нет! Выдохнув, иду навстречу судьбе.

Две твари, вытянув шеи, готовы к броску. Тут главное все правильно рассчитать! Чем ближе, тем сильнее удар моего поля, но и у этих тварей радиус не маленький. Сколько до них?! Десять шагов, девять, восемь... Пора! Две растопыренные ладони взбивают из серой взвеси два пыльных облака, и грифоны тут же бросаются вперед. Хоть они и сильнее, и связь у них крепче с хозяином, но их куриные мозги, к счастью, никуда не делись! Гигантские клювы щелкают, глотая пыль, и в следующий миг сфокусированный удар моего сумеречного щита бьет одного из них прямо в глаз. Орлиная голова отлетает на всю длину шеи и безжизненно падает на замершее львиное тело.

«Не знаю кранты ему или нет, — отмечаю с восторгом, — но, кажись, эта курица на какое-то время отыгралась!»

Теперь мне нужно сделать еще пару шагов и выйти в реальность у Игрока за спиной. Это спасение и по сути конец игры, но у меня уже совсем нет сил. Потеря энергии колоссальная, я еле двигаюсь и, явно, не успеваю уйти безнаказанным.

Искрой мелькает в голове: «Может остановиться и хотя бы пугануть грифона встречным ударом!», но чувствую, что на это попросту нет никаких сил. Чертов Сумрак высосал из меня почти все! Бегу в надежде что оставшиеся полтора уровня моего щита выдержат последний удар.

Клюв гигантской твари бьет меня в спину, и воздух перед глазами начинает разбегаться паутиной трещин. Моя защита разваливается, но я уже на месте. Вываливаюсь в реальность под немислимый грохот и ослепляющие вспышки света. Ничего не вижу, в голове звон и жуткая тяжесть! Из последних сил тыкаю мечом туда, где теоретически должен стоять Игрок, и по тому, как вязнет в теле клинок, чувствую — попал. На этом все, кулем валюсь на

песок и зажимаю голову руками.

Тук, тук, тук! Стучат вместе с сердцем мгновения, и каждое из них приносит облегчение. Еще немного, и я открываю глаза. Голова как чугунная чушка, но жить можно. Переворачиваюсь на спину и упираюсь взглядом в горящие ненавистью глаза. Узнаю нашего победителя. Счастливчик изрядно потрепан. Одна рука висит плетью, морда вся синяя, а сломанную левую ногу он тащит за собой, стискивая зубы от боли.

Когда он так сильно пострадал, меня мало волнует. Может из-за удара по стражу, а может, это бритый его так помял, не суть. Главное, что сейчас все закончится, и получилось довольно удачно, даже не надо ничего придумывать. В столкновении с Игроком я как бы получил смертельную травму, и Счастливчику теперь надо лишь сымитировать последний удар, да слегка пустить мне кровь. Все просто, и все так, за исключением этой горячей в глазах ненависти и злобы.

«Он не должен злиться! Наоборот, сейчас он должен выглядеть, как минимум, удовлетворенным. Он добрался живым до финиша, все самое опасное уже позади, и все что осталось сделать, лишь подыграть». — Пытаюсь убедить самого себя, но плохо получается. Глаза не врут, стоящий надо мной человек собирается меня убить.

Моих сил хватает только на то, чтобы приподняться и прошипеть:

— Эй, ты что свихнулся?!

Счастливчик молчит, но его оскаленный рот кривится в усмешке, а рука с мечом взлетает для удара. Это лишает меня последних сомнений — так безопасную рану не нанести, так можно только убить.

Клинок несется прямо мне в голову, и не дожидаясь реакции заклинания, я резко перекатываюсь под единственную здоровую ногу Счастливчика. Вопль боли разносится над ареной, а на меня валится тощее, но жилистое тело. Потерянный меч глухо шлепается в песок, но Счастливчик не сдается. Его целая рука вцепляется мне в лицо, стараясь дотянуться до глаз. Страх и гадливость сменяются бешенством. — «Эта мразь хочет меня убить!» Сбрасываю его пальцы, и, зажав шею, давлю изо всех сил так, что даже хруст позвонков не останавливает моей ярости.

Неподвижность мертвого тела разгоняет пелену безумия, и я брезгливо сбрасываю с себя труп. Еще несколько мгновений лежу с мыслью: «И что теперь?!» Ответов на это вопрос не найти, и я, наконец, поднимаюсь.

Замершие в ожидании трибуны взрываются восторженным ревом. В каком-то странном оцепенении провожу взглядом и повсюду за оранжевыми пятнами факелов вижу разинутые в крике рты и красные от натуги рожи. Мой взгляд идет дальше, пока не наткнется на Лириана. Белое как мел лицо, сжатые в линию губы. Его взгляд нервно дергается в сторону, и я, следуя за ним, встречаю торжествующую усмешку его давнего врага-приятеля. По довольному лицу Гая Эрвиция понимаю, что тот ставил на мою победу и по замыслу должен был бы сейчас выть от горя на радость младшему Ашшуру. А что Ильсана?! Ищу ее взглядом, и нахожу такой же, как и у брата ледяной облик. Она не смотрит на меня, она ни на кого не смотрит. В ее зеленых глазах лишь раздраженная злость и желание отыграться за проигрыш во чтобы то ни стало.

Я вижу, как Лириан отрывает взгляд от лица торжествующего врага и переводит его на сестру. Еще через миг в моей голове раздается его шепот:

— Что будем делать?! Мы проиграли все, нас просто раздавят!

В ответ он получает презрительный взгляд от поднимающейся со скамьи Ильсаны, а

затем, перекрывая поутихший шум трибун, звучит ее голос.

— Я требую признать результат этого боя недействительным. На арене неприкасаемый!

Если бы небо рухнуло на землю, я и то не был бы так раздавлен! Застываю в полном остолбенении и, задрав голову, смотрю туда, откуда слышится голос Ильсаны.

«Что она делает?! — Мне все еще кажется, что это какая-то ошибка, и у Ильсаны есть свой, пока еще непонятный, но спасающий меня план. Я не могу поверить, что она произносит эти слова, осознавая, какую беду они мне принесут. — Зачем она это говорит?! Ведь меня же казнят!»

Мне не хочется верить, но в глубине души я знаю что происходит, хоть и не желаю в этом признаваться. «Она обманула меня!» — Вопит теряющее контроль сознание, и чувство потери так ужасно, что становится трудно дышать. Мне хочется ненавидеть, а в душе разливается жуткая, удушающая пустота.

Мое состояние настолько печально, что даже демон, почувствовав это, не захотел остаться в стороне. В появившемся скрипучем голосе явно прослушиваются нотки сочувствия.

Ну облажался! Ну повелся на красивую мордашку и шикарные сиськи! И что?! Не ты первый, не ты последний! То, что эта баба гадюка подколодная, ведь сразу же было видно, ты просто смотреть не хотел. Она тебя использовала, а ты разнюнился, как простачок! На эти бои Лириан поставил все что имел, да еще занял немало, а ее задачей было убедить тебя сражаться. Они в доле, и сейчас она спасает брата и свои деньги! Что же, надо отдать должное, с этой задачей она весьма неплохо справляется! Неприкасаемый на арене, это чудовищное нарушение, которое отменит результат боя. А нет боя, нет и проигрыша! Ее деньги целы, а то, что тебя казнят... Ну что же, попутные издержки неизбежны. В принципе, я ее хорошо понимаю. Она спасает то, что для нее важно! Так что и ты не стой столбом, а беги, спасай то, что важно для тебя — свою жизнь!

Совсем рядом с шипением зарывается в песок, прилетевший с трибун, булыжник. Следом еще один, и еще! И вот уже десятки камней сыпятся вокруг, а сверху, набирая силу, обрушивается яростный вопль.

— Смерть!

— На кол мерзавца!

Не то, чтобы все это вернуло меня к жизни, но к действию вернуло точно. Умирать я не собираюсь, а раз так, то выход только один. Бежать!

Срываюсь с места и несусь к черному зеву поднятой решетки. Знаю, там дальше дверь, и она заперта. На ходу собираюсь с силами и ухожу в Сумрак. Максимальная концентрация, взгляд замирает на вытянутых вперед растопыренных ладонях. В прицеле то место двери, где с обратной стороны должен быть засов. Не останавливаясь, отмеряю шаги до цели: четыре, три, два, один! Всей оставшейся мощью вкладываюсь в энергетический удар.

Шррр! Звук в Сумраке такой же медленный и вальяжный, но вслед ему, как осенние листья, летят в стороны обломки двери. Путь свободен, и я выскакиваю в реальность.

Бах! Бах! Звяк! Грохот падающей штукатурки, рухнувшего на пол дверного полотна и металлический звон вылетевшего засова. Не обращая внимания, несусь по коридору. Надо успеть, пока не заблокировали выход с арены.

Темный туннель коридора, поворот, еще один, и в конце светится выход. Сердце колотится на пределе, разинутый рот жадно ловит воздух. Последний вход в Сумрак и удар

по двери меня окончательно доконал. Бегу только на адреналине и знаю, стоит остановиться и все — попросту рухну без сил.

Последние метры коридора, открытая дверь во двор, и я вылетаю на широкое крыльцо. За двумя рядами колонн несколько ступеней ведут к мощеному двору и выходу в город, но бежать туда уже не имеет смысла. Путь к воротам перекрывает пятерка в черных хламидах ордена Ревнителей веры. Растянувшись в цепочку, они стоят и ждут меня с неподвижным спокойствием каменных истуканов.

«Откуда они здесь! Вот же принесла нелегкая! — Ругаюсь, но в панику пока не впадаю, а пытаюсь анализировать. — На энергетический щит у меня уже сил не хватит, но уйти в Сумрак еще могу. — Дальше решаю действовать по ситуации. — Таиться теперь бессмысленно, надо обходить этих ревнителей в Сумраке и выныривать уже за воротами. Пусть думают что хотят, мне уже все едино!»

Выдохнув, успокаиваю дыхание и ухожу в Сумрак. Мутная пелена накрывает двор, колонны и арку ворот. Сквозь падающую как пепел серую взвесь вижу застывшую пятерку в хламидах, а справа еще одного человека, на которого я сразу и внимания то не обратил. Он в отличие от остальных одет как простой горожанин в холщовые короткие штаны и длинную, почти до колен, подпоясанную рубаху. Вид у него простецкий, но не это главное. К моему величайшему изумлению, он не завис в почти полной неподвижности, как все остальные, а продолжает идти мне навстречу.

Я настолько привык к исключительности своего положения в Сумраке, что сначала даже не верю своим глазам и не заморачиваюсь тремя серебряными двойниками, плывущими у него за спиной. Несколько мгновений ошарашенно пялюсь на мужика, а затем до меня, наконец, доходит. Передо мной не фантом, а носитель заклинания Дойс, последователь школы многоруких третьего дана очень высокого уровня, а значит, способного на вхождение в Сумрак и еще бог знает на что! К сожалению, на этом мои познания заканчиваются, и насколько опасен этот человек в коротких штанах, я совершенно не представляю. Лихорадочно пытаюсь спланировать свои дальнейшие действия и вдруг понимаю, что меня беспокоит: «Он без оружия, три его призрака тоже безоружны, и тем ни менее, у них ни малейшего признака беспокойства, хотя в моей руке по-прежнему зажат меч».

Поможет ли мне оружие из реального мира в Сумраке, я не уверен, но точно знаю, что после пролома двери сил на создание сумрачного щита у меня нет. Я выжат полностью! Сумрак выпил меня до дна, и сейчас я не в состоянии сгенерировать даже малой толики своего энергетического поля, а без него я чувствую себя голым и незащищенным.

Смотрю, как незнакомец останавливается в двух шагах, и его цепкий взгляд устремляется мне прямо в глаза. Сомкнутый рот остается неподвижным, но жесткий уверенный голос ментально проникает мне в голову.

— Неприкасаемый, остановись и сдайся! Прекрати сопротивление, и я тайный магистр Трибунала Сар аль Бинаи гарантирую тебе справедливый и непредвзятый суд.

Чем кончится для меня такой непредвзятый суд, мне рассказывать не надо, поэтому сдаваться я не собираюсь. Худо-бедно, но мечом владеть я умею, а этот мужик без оружия. Пусть у него за спиной три жуткие безликие твари, но и они тоже не бессмертные.

Сжимаюсь в стойку и, выставив меч, делаю угрожающий шаг вперед. Сумрачные двойники тут же рванулись в атаку, но незнакомец одним движением удержал их, словно свору дрессированных псов. Вижу, как его взгляд фокусируется на лезвие моего меча, и

вдруг слышу треньканье сломанной стали.

Едва успеваю глянуть на оставшийся в руках обломок, как страшный удар в живот сотрясает все тело. Согнувшись пополам от боли, я с трудом поднимаю голову. Это все, на что я сейчас способен, а чертов магистр все еще в двух шагах и дотянуться до него у меня нет никаких сил. Его растопыренная ладонь делает резкое движение, и новый удар опрокидывает меня на землю и катит по мраморным плитам как пушинку. Неконтролируемо вылетаю в реальность. Вспышка света! Руки, ноги, все кувыркком, и тут бац, глухой удар головой и все! Темнота!

Прихожу в себя лежащим на земле, но уже со связанными руками и ногами. «Кажись все, доигрался!» — Екнула тоскливая мысль, а откуда-то сверху донесся уже знакомый голос. — Занятный экземпляр! Ладно, грузите его, потом разберемся.

Стою в очереди из десятка таких же бедолаг, как и я. На руках и ногах кандалы, скованные между собой цепью. На всех оковах магическая печать, не пускающая это железо в Сумрак. Я уже пробовал несколько раз, ничего не выходит, сам я ухожу в Сумрак, а вот железо нет, остается в реальности. Да, этого железа на мне больше чем одежды, из нее на мне по-прежнему только набедренная повязка. Рядом точно такие же закованные фигуры. Нечесанные, свалывшиеся космы и торчащие с голодухи кости. Спереди и сзади охрана. Еще один стражник перед дверью. За ней идет суд.

Процесс движется быстро. Дверь открывается, страж заталкивает одного из нас. Не успеешь сплюнуть, как все повторяется. Значит, кого-то уже осудили и отправили на каторгу, а может и на плаху. В глазах осужденных полное безразличие, чтобы не случилось в будущем, им кажется, что хуже уже быть не может.

Вновь открывается дверь, это моя очередь. Получаю напутственный тычок в спину и вхожу в залу суда. Слева писарь, справа секретарь, а прямо напротив судья за длинным, массивным столом. Из-под тяжелого лба с темно-коричневой кастой жестко и равнодушно смотрят на меня подслеповатые глаза.

— Имя?

Вместо меня отвечает секретарь.

— Юни — мусорщик.

Поправив на плече белоснежную тогу, судья устало выдыхает.

— И что за этим мусорщиком числится?

Секретарь пялится в неразборчиво написанные строки обвинения, и в его голосе слышится удивление.

— Участвовал в боях на арене.

— Вот как?! — В глазах судьи может быть впервые за этот день вспыхнул интерес. — И что же?

Порывшись в бумагах, секретарь добавил.

— Выиграл последний турнир в Крысиной яме.

— О как! — Взавшись за подбородок, судья уставился на меня. — Случай не ординарный! — Тонкие губы под обвислыми щеками сложились в надменную гримасу. — И во избежание дурного примера требует сурового наказания.

Деревянный молоток гулко ударил по столешнице, и опустив голову, я выслушиваю приговор.

— Нарушение уложения императорского эдикта о кастах, уважении, богобоязненности

и почитании традиций и устоев Хранителей карается смертной казнью. За свое преступление Юни — неприкасаемый приговаривается к смерти через отрубание головы!

Бум! Судейский молоточек вновь опустился на стол.

— Все, дело закрыто!

Рука стражника легла на мое плечо, и я, приподняв тяжелую цепь, двинулся к двери для осужденных. С исполнением приговора в империи тянуть не любят — зачем кормить лишний день, да и возня, води туда-сюда.

Шлепая босыми ногами, следую за стражником. Шлеп, шлеп! Семеню короткими шажками, насколько позволяют кандалы. Коридор короткий, за ним выход и слепящее солнце в глаза.

Жмурюсь. За несколько дней в подземелье сумел отвыкнуть от дневного света. За спиной лязгает замок. Вокруг высоченная стена и маленький двор с крохотным пятном синего неба в далекой вышине. Где-то над головой звучит отрывистый голос.

— Помолиться перед смертью желаешь?

Киваю, и начинаю быстро бормотать молитву. Все привычно ждут. Два охранника, толстый как колобок жрец, секретарь суда с книгой учета в руках, и палач в кожаном фартуке. Так уж повелось, верующий смертник или нет, а от лишних мгновений жизни еще никто не отказывался.

Ни одной молитвы толком я не знаю и скоро начинаю повторяться, но чуткое ухо жреца это улавливает, и кивок пухлого пальца показывает, мол хватит, пора.

Взгляд палача молчаливо спрашивает: «Сам, или помочь?» Предпочитаю без чужих рук. Подхожу к колоде и, встав на колени, кладу голову. Та от многолетнего использования уже истерлась так, что не промахнешься. Палач глянул и, ничего не сказав, убрал волосы с шеи.

Секретарь, шепелявя, читает приговор, а я стараюсь ни о чем не думать. Вообще ни о чем, потому что знаю, стоит только вспомнить о прошлом, подумать о том, чего никогда уже не будет в будущем и тогда уже страх и истерику не удержать, а мне бы хотелось уйти по-мужски, без воплей и слез.

— ...привести в исполнение!

Топор взлетает в замахе! Зажмуриваюсь и, стиснув зубы, жду смерти. Мгновение, второе, еще одно. Не выдержав, открываю глаза. В таком положении ничего не видно, но тишина стоит подозрительная. Поднимаю голову, и с удивлением озираюсь. Вокруг никого: ни палача, ни клерка, ни жреца, только на дальнем краю эшафота сидит на корточках странный мужик в простой подпоясанной рубахе и странно так смотрит на меня. Я молчу, а он глаз не отводит и спрашивает так, будто мы с ним знакомы не один год:

— Узнаешь?

Голос звучит до боли знакомо, и тут меня прошибает: «Это же этот, как его... Магистр! Точно, тот магистр ордена, что взял меня тогда. — Смотрю на спокойное, насмешливое лицо напротив, и во мне злость закипает. — Чего ему надо?! Пришел поиздеваться что ли?!»

Отвечаю зло, с вызовом:

— Узнаю! Чего приперся?!

Внимательная задумчивость с лица магистра исчезла, и в чертах прорезалась бесчувственная жесткость.

— Да вот, сомневаюсь, нужен ты мне или нет! Есть у меня одно предложение...

И тут, до меня доходит: «Мать честная, он же меня в Сумраке видел и заклинание на руке прочел. Сейчас будет уговаривать отдать или торговаться, а потом...»

Додумать мне не дает врезавшийся в сознание голос демона.

Ничего он не видел, и что бы он тебе сейчас не предлагал, соглашайся. В любом случае лучше, чем без башки в земле лежать.

«Подожди, — сбившись, я все же ловлю главное, — как это он ничего не видел? Ты же говорил, что в Сумраке мое заклинание увидят, также как я вижу у остальных».

Ну говорил, и что?! Увидели бы обязательно, если бы не я! Знаешь ли, мне тоже совсем не хочется с этими людьми дело иметь! Не люблю я их! Так что прикрыл я твое заклинание от чужих глаз! Как у вас у людишек там говорится — припудрил, пригладил, в общем навел маскировочку».

Даже не знаю как реагировать, радоваться или плакать. Одно могу сказать точно, я этот обман Гору никогда не прощу. Сколько я мучился, переживал, что меня раскроют и будут жилы вытягивать, а он мне врал и пугал попросту! Злиться я злюсь, но и понимаю — не время. Мужик то сидит, молчит и на меня смотрит, словно понять хочет, о чем таком я сейчас думаю. В любом случае, реакции на свои слова от меня ждет.

— Что за предложение? — Желая показать свою незаинтересованность, кручу головой. — А эти где?

— Позвать обратно, соскучился?

На губах у магистра снисходительная усмешка, и я вынужден признать — зря я выпендриваюсь, ясно же, все козыри у него на руках.

— Не надо! Без них как-то спокойней.

Не снимая с губ снисходительной усмешки, он удовлетворенно кивнул.

— Тогда слушай, повторять не буду. У меня сейчас заканчивает подготовку новая группа, и я думаю тебя в нее включить. Считаю, от тебя может быть толк. Поэтому предложение такое, я забираю тебя с эшафота, но взамен твоя жизнь отныне целиком и полностью будет принадлежать мне и тайной службе Ордена. Юни-неприкасаемый в любом случае умрет сегодня, о чем будет записано в судебном реестре, а вот у тебя есть выбор.

Он замолчал в ожидании ответа, а мне вдруг стало очевидно, что никакое это не спасение, а очередное дерьмо. Поэтому решаюсь на встречный вопрос.

— Вот ты обмолвился про новую группу, а со старой что случилось, можно узнать?

— Нет, конечно. — Магистр ничуть не изменился в лице. — Сейчас нельзя. Может быть, со временем...

Он многозначительно прервался на полуслове, а в голове сразу же раздалось нервное ворчание демона.

Да соглашайся ты, олух! Уговаривать тебя никто не будет, а умереть завтра, всяк лучше, чем сегодня.

Мысленно соглашаюсь с Гором, терять мне действительно нечего. К тому же, если честно, то мужик этот кажется мне если не симпатичным, то по крайней мере честным, а это уже немало. Поэтому вздохнув, говорю со всей возможной твердостью.

— Я согласен!

Спасибо, что читаете!

Напомню, что лучший способ поддержать автора — это поставить лайк и написать комментарий! Спасибо всем, кто это уже сделал, за добрые слова поддержки! Для меня это, действительно, очень важно!

Из дверного проема помещение смотрится длинным, унылым и мрачным. Из-под высоченного потолка крохотное оконце испускает хилый пучок света, способный лишь разогнать темноту по углам. Восемнадцать одинаковых кроватей, по девять с каждой стороны, выстроились как на парадном плацу. Деревянные каркасы аккуратно заправлены одеялами из некрашеного войлока, а поверх, углом вверх, торчат набитые сеном подушки.

Прохожу вовнутрь и в нерешительности останавливаюсь. Что дальше? Словно в ответ, из дальнего угла поднимается худая вихрастая фигура с зеленой отметиной касты на лбу.

— Новенький?! — Крикнув через весь зал и не получив ответа, вихрастый, слегка прихрамывая, направляется в мою сторону, а подойдя, тычет пальцем в крайнюю койку.

— Эта свободна, можешь занимать. — Подумав еще, он протягивает ладонь. — Я Тули Сарташ!

Недоверчиво кошусь на протянутую руку и на всякий случай трогаю свой лоб — может у меня все еще повязка на голове. Нет, платок отобрали еще на входе, там, где остригли патлы и выдали чистую робу. Понимаю, касту неприкасаемого отлично видно, и тем не менее... Вновь опускаю глаза на замершую в ожидании руку и спрашиваю себя: «Что не так с этим парнем, может он видит плохо?!»

Все-таки решаюсь и осторожно пожимаю теплую сухую ладонь, каждый миг ожидая, что та вырвется, осознав с кем здоровается.

— Юни! — Произношу, все еще не веря случившемуся. Еще ни разу в жизни никто из обычных людей, не то чтобы пожать руку, но и дотронуться до меня не рисковал. Сама встреча с неприкасаемым уже не к добру, а уж про касание и говорить не приходится, там полный набор: и презрение, и брезгливость, и даже страх.

Видимо, все мои мысли читаются, как с открытой книги, потому что парень вдруг улыбнулся.

— Да, не переживай ты так! Подумаешь неприкасаемый! Да у нас тут кого только нет: убийцы, воры, грабители и насильники, так что добро пожаловать в ад! Чувствуй себя как дома!

— Спасибо, успокоил. — Иронизирую, хотя мне, действительно, стало легче.

Сажусь на кровать и, закинув ноги, вытягиваюсь во весь рост. Мой новый знакомый присаживается напротив.

— Ты как здесь? — На его лице написано неприкрытое любопытство, но я не привык распространяться о себе и лишь саркастически хмыкаю.

— Случайно!

— Ааа! — Не скрывая разочарования, парень почесал затылок, но не сдался. Его рот уже было открылся для нового вопроса, но тут из коридора донесся приближающийся топот и неразборчивый гомон. Через мгновение в дверь ввалилась целая компания. Искося поглядывая в мою сторону, вошедшие чередой прошли мимо и разбрелись по своим койкам. Тули куда-то мгновенно пропал, а на соседнюю кровать опустился здоровенный мужик. На широком лбу отметка жреческой касты, а сам весь не то, чтобы толстый, но какой-то гладкий, от выбритой до блеска головы до широких безволосых ног и рук.

Маслянистые карие глаза зыркнули в мою сторону.

— Новенький?! — Прозвучало даже не как вопрос, а как утверждение, но я все же

кивнул.

— Ага!

Не проронив больше ни слова, мужик вытянулся на кровати, и я было решил, что на этом знакомство со здешними обитателями закончено, но не ту-то было. От компании, трущейся вокруг крепкого, темноволосого парня, отделился маленький вертлявый человечек с серой кастой на лбу. Подойдя, он без спроса уселся на мою койку.

— А что, висельники уже закончились, чего это мастер Бинаи стал всякий мусор подбирать?! — Узкая крысиная мордочка расплылась в довольной усмешке и обернулась к своим. — А! Может начальство решило, что у нас грязновато в камере и решило помочь?!

Оттуда донесся наигранный смех, а узкие злые глазки уже впились мне прямо в лицо.

— Ты кем на воле то был, неприкасаемый?

Привстав, встречаю его взгляд, глаза в глаза.

— А кого это интересует?!

Не выдержав, бегающие глазки метнулись за помощью к своим и, получив поддержку, вновь зажглись наглым огоньком.

— Общество, сынок! Общество интересует!

— Мусорщиком! — Сказав, откидываюсь обратно на спину.

— О, как! — Гоготнув, человечек вновь обернулся к своим. — А я о чем говорил! Уборочку тут у нас надо провести. — Поймав брошенную ему метлу, он сунул ее мне. — Ну ка, милоч, давай подшустри.

Я продолжаю лежать с невозмутимым видом, и тот повышает голос.

— Ты че оглох! Не слышал, что тебе старший велит!

Всю эту хренотень я уже проходил и не раз. Кого они хотят взять на понт, меня, парня, что прожил среди отверженных восемнадцать лет. Идиоты!

Медленно поднимаюсь и беру протянутую метлу. Пронырливый мужичок довольно скалится, предчувствуя развлечение и возможность унижить слабого. В глазах горит садистское удовлетворение, а рот изогнулся в сладострастной ухмылке. Это счастье тухнет в тот момент, когда черенок метлы с силой врезается ему в живот.

— Уууууу! — Нечеловеческий вой разносится под сводами зала, а следом удар моей ноги отправляет согнувшее тело на пол. Извиваясь, человечек отползает к своим, а те, разом вскочив, бросаются в мою сторону.

Раз, два, три. Пересчитываю противников. Впереди высокий черноволосый парень с орлиным носом и розовой аристократической отметкой посреди широкого лба. Отмечаю татуировку на левой руке, но разобрать не успеваю. По всему, он вожак этой стаи. За ним пара крепких ребят, и вся троица, явно, не собирается тратить время на разговоры. Взлетает в замахе кулак и... Застывает в серой падающей с небес взвеси. Вся зала окутывается плотной сумрачной туманностью. Я ушел в Сумрак так быстро и рефлексивно, что сознание даже не успело уловить момент перехода, но заклинания страхует меня, и сумрачная защита активизируется точно на линии Сумрака. Предосторожность совсем не лишняя, потому что тут же из серой мути вылетают две орлиные башки и размазываются по силовому щиту.

Защита держит удар, позволяя мне разглядеть заклинание Дойс на руке черноволосого и просчитать ситуацию: «Эти грифоны не такие большие каких я видел на арене, значит, у этого парня второй дан, но уровень ниже, скорее всего, третий. Два удара я уже пропустил, но могу выдержать еще три, а лучше, не дожидаясь, хорошенько вздуть этих курице-львов».

Идея мне нравится, но здоровый прагматизм диктует иное. Удар по стражу неминуемо отразится на хозяине, а калечить кого-либо из обитателей казармы в первый же день, пожалуй перебор — с ними еще жить и жить. Решаю пойти по уже многократно проверенному пути и, не дожидаясь новой атаки, проскальзываю за спину всей троицы и выхожу в реальность.

Два дружка черноволосого стоят ко мне спиной, и моя нога бьет одного из них точнехонько под колено. Тот валится на пол, а второй еще только ошарашенно поворачивается, когда мой кулак врезается ему в челюсть. От удара его голова дергается назад и все тело валится чернявому на руки. От неожиданности тот притормаживает, но тут же, скривившись, отталкивает своего дружка в сторону. В руке откуда-то появляется нож, а все его натренированное тело сжимается для решающего броска.

«Ого! — У меня вырывается беззвучное восклицание. — Кажется без травм сегодня не обойтись! Руку ему точно придется сломать».

Уже собираюсь вновь нырнуть в Сумрак, но в этот момент из-за спины черноволосого раздается жесткий, но абсолютно спокойный голос.

— Убери нож, Салах, порезвились и будя!

Бросаю взгляд в сторону и вижу, как с кровати поднимается мой здоровяк-сосед. Его мощная фигура угрожающе нависает над чернявым, а тот, окрысившись, огрызается:

— Не твое дело, Дамир! Не лезь, а то и в твоём брюхе дыру нарисую!

Тот, кого называли Дамир, угрозы ничуть не испугался. Нахмурившись, он шагнул вперед, но до драки дойти не успело. В этот же миг хлопнула входная дверь и под сводами зала прозвучала команда, заставившая всех замереть на месте.

— Салах аль Дари и Дамир Ташшар, немедленно разойтись! — Ворвавшийся в зал магистр Сар аль Бинаи обвел гневным взглядом раскрасневшиеся лица своих подопечных. — Вы, оба, — он остановился перед чернявым и здоровяком, — к экзекутору, живо! Доложить о случившемся и получить наказание!

Чувствую, как в глубине души заскреблась совесть. Сейчас пострадает невинный, а ведь он вступился за меня и по сути даже сделать ничего не успел.

Набравшись наглости, пытаюсь хоть как-то исправить несправедливость.

— Господин магистр, разрешите сказать.

Недовольный взгляд зыркнул в мою сторону, но тут же сменился смиренно-терпимым, и Бинаи позволяюще кивнул — говори.

— Господин магистр, вот этот парень, — тыкаю пальцем в гладкого крепыша, — он ни в чем не виноват. Здесь скорее моя вина. Я ведь новенький, и еще плохо разбираюсь в тонкостях местных порядков.

По лицу магистра пробежала понимающая улыбка.

— Признание вины похвально, — его взгляд прошелся по нашим лицам и вновь остановился на мне, — похвально, но не освобождает от наказания. Так что присоединяйся к этим двоим, и все трое марш к экзекутору.

Лежу на соломе и уныло пялюсь в потолок. Я опять заперт в подвале и это наводит меня на грустные мысли. «Что-то в последнее время зачастило. Просто кочую из одной тюремной камеры в другую. Может зря я связался с этим заклинанием, с тех пор как оно переползло на мою руку, я точно не стал счастливее. Теперь вот еще и розгами по спине получил».

Вспомнилось, как мы втроем встали перед экзекутором, подслеповатым, тщедушным

старикашкой с остатком седой шевелюры на голове. Его скучающий взгляд прошелся по нашим лицам, и мы по очереди, как смогли, изложили каждый свою версию происшедшего. Старик все выслушал, осуждающе покачал головой, и сухим казенным тоном выдал: «Новичку по первости пять ударов, а вам, рецидивисты, не обессудьте, по десять. И всем троим сутки карцера, для усвоения».

Спорить никто не стал, и вот теперь все трое лежим в подвале, который старик назвал карцером. Каким бы тщедушным старик не выглядел, а рука у него тяжелая, поэтому на боку лежу только я, а эти двое кряхтят, распластавшись на животе.

Лежим молча не глядя друг на друга, пока вдруг не выдерживает чернявый.

— Какого рожна ты вообще влез, святоша?! Если бы не ты, так и проблем бы не было!

Обращение «святоша» заинтриговало. Как-то оно совсем не вяжется с нашей кампанией. Навострив ухо, прислушиваюсь, а гладкий, перевернувшись на бок, заявляет с полной невозмутимостью и какой-то даже ленцой.

— Никогда не мог понять вашей дворянской извращенной логики, но в этот раз кажется понимаю. Ты просто не смог довести свою мысль до конца. Проблем не было бы у всех нас, поскольку тебя таки отправили на эшафот за убийство. И надеюсь, со второго раза у них бы это получилось.

Спокойствие крепыша взбесило чернявого, и тот яростно зарычал.

— Да что ты понимаешь в дворянской чести, жрец, лишившийся сана за прелюбодеяние. Откуда растлителю малолетних знать о доблести и достоинстве!

— Куда уж мне! — Голос опального жреца наполнился ядом. — Только человек, предавший своего императора, знает толк в верности и чести!

— Да ты!.. — Чернявый вскочил и, бешено вращая зрачками, бросился на крепыша, но тот, явно, был готов к такому повороту и оказался на ногах со скоростью, никак не вязавшейся с его полновато-ленивым видом.

— Ну, давай! — Он выпятил грудь, сжимая кулаки. — Рискни, и я размажу тебя по стенке.

Вид этих парней напомнил мне боевых петухов на птичьих боях, что устраивались по праздникам в нашем поселке. Губы невольно изогнулись в улыбке, и я поинтересовался:

— Эй, вы реально психи?! Спины вам располосовали, так вам мало, хотите еще и морды себе разбить!

Парни удивленно повернули головы в мою сторону и уставились с таким видом, будто увидели впервые. Может они смогли глянуть на себя со стороны, а может поняли как подурачки выглядит сейчас их разборка, но только кулаки у них опустились. Возникла напряженная тишина, и здоровяк, решив избавиться от неловкости, вдруг спросил:

— А тебя-то как зовут, неприкасаемый?

Я приподнялся, но не проронил ни слова. По всем понятием тот, кто спрашивает твое имя, должен сначала представиться сам.

Здоровяк все понял правильно и, улыбнувшись, протянул руку.

— Дамир Ташшар.

Вскочив на ноги, я пожал здоровенную, как лопата, ладонь, а мой новоявленный знакомец повернулся к чернявому и осклабился.

— А это Салах аль Дари, бывший дворянин из бывшего уважаемого дворянского рода.

Черноволосый бешено зыркнул в ответ, но я, не дав разгореться новой ссоре, протянул руку.

— Юни, рад познакомиться!

Наверху, надо полагать, уже глубокая ночь, но сна нет. Лежу и слушаю кряхтенье и стоны моих товарищей по несчастью. Им, явно, похуже чем мне, и ударов перепало им больше, да и по силе экзекутор меня по первости пощадил, а им то уж ввалил по полной.

Слышу очередное шуршание из угла, где лежит Дамир, и в довершение его голос.

— Чего-то не спится!

В другом углу тут же заворочался Салах, словно подтверждая прозвучавшие слова, и оттуда донеслось:

— Слушай, неприкасаемый, а как ты сюда попал? Все знают, что Бинаи берет из приговоренных: либо армейских с опытом реального боя, либо выпускников одной из школ Стражей Сумрака. Ты вроде бы простой мусорщик, ни к тем, ни к другим касательства не имеешь, да и обучение уже практически закончилось, почему ты здесь?

Молчу, не зная что ответить. Вроде бы мы руки пожали, как бы приятели теперь, а с другой стороны, ведь всю правду не расскажешь, а врать не хочется.

Неожиданно на помощь приходит Дамир.

— Вот если бы ты, Салах, был повнимательней, и вместо того, чтобы по любому поводу хвататься за нож, иногда бы думал головой, то ты, наверняка, еще там, в казарме, во время драки задался бы вопросом. Как этот парень, вдруг оказался у вас за спиной, ведь только что был перед глазами?

В его ровном спокойном голосе звучит такое самоуверенное превосходство, что я начинаю понимать, почему он так бесит Салаха. Этот раз не исключение, и бывший дворянин еле сдерживает раздражение.

— Что ты хочешь сказать?! — И тут же, словно осмыслив и поняв несказанное. — Да ну, не может быть!

Некоторое время стоит полная тишина, а затем Салах весьма своеобразно пробует подтвердить свою догадку.

— Скажи, Юни, как выглядят мои стражи из Сумрака?

Я неприкасаемый и мусорщик, но не кретин, и на такие шутки не покупаюсь, поэтому изображаю полное непонимание.

— Кто? Откуда? Какие стражи?

В ответ из другого угла доносится смех Дамира.

— А паренек то не прост!

Тема для меня опасная, и не желая ее продолжать, я увожу разговор в другую сторону.

— Да ладно вам! Не понимаю, чего хотите то, лучше расскажите, что у вас тут творится, и что за страсти такие?

— Да никаких страстей, — хмыкает в ответ Салах, — ты что думаешь, тебя за красивые глаза из-под топора вытащили. Нет! То, что ты здесь, это не милость, а всего лишь отсрочка приговора.

Я, конечно, о многом догадываюсь, но догадки догадками, а узнать побольше мне крайне важно, поэтому старательно изображаю самую наивность.

— Как так? А я то думал...

— Че ты думал! — Голос Салаха вспыхивает раздражением. — Все мы здесь смертники, вопрос только когда это случится. Вон прошлый выпуск. Говорят, пошли на облаву за оборотнем, а нарвались на крутого дэва. Все там и остались, никто не ушел, даже маг, что с

ними был и командир отряда, хоть тот и из паладинов ордена был.

История меня крайне заинтересовала, и вопросы сыпятся из меня один за другим.

— Что за дэвы такие? Неужто никто с ними справиться не может? Что же у ордена и бойцов приличных нет, что ли?

— Не знаю, может и нет! — Салах замолчал, видимо, решив не вдаваться в подробности.

Я попытался еще что-то спросить, но ответа не последовало, и разговор как-то сам собой затих.

Не получив нужного от своих новых знакомых, я решил подмазаться к демону: «Расскажи мне о дэвах. Неужто они так сильны? Я же читал в книге про Тьму, про демонов и прочих, с кем должны бороться гранды на своих землях. Почему не борются?»

Пара мгновений тишины, и Гор все-таки соизволил ответить, но без своего обычного ворчания не обошелся.

Ну до чего же ты занудлив, ведь ночь уже! Спал бы себе как все люди, так нет, он вопросами балуется. Тьма ему, видите ли, интересна стала. Да ничего интересного. У Тьмы все также как и у вас, почти такая же градация. Демон в общем приближении равен заклинанию Триан. Дэв — заклинанию Дойс, а Темный дэв — заклинанию Эйн. И уровни, и даны, и даже сумрачные стражи — все есть. Этого ты в книге не прочел, зато читал о том, что Тьма оставила свой след в мире Света, и стали на земле появляться Дети Тьмы. Нечисть, как вы их называете. Люди обращаются в колдунов и ведьм, появляются монстры всякие, типа вампиров, оборотней и троллей. На них гранду выходить не по чести, мелкогато, для этого паладины ордена есть. Но вот беда, Дети Тьмы множатся день ото дня, а паладинов мало, вот тайный магистрат ордена Ревнителей веры и создает такие отряды как ваш. Один боец ордена, один маг, то бишь жрец Света, обученный противостоять магии Детей Тьмы, и по ситуации вся ваша команда целиком или только часть — вот и вся боевая группа. Одно плохо, там где нечисть, там вероятно и прорыв в мир Тьмы, а значит и существа посерьезней. Дэвы и темные дэвы, а против них нужны бойцы совсем другого класса, с возможностью вхождения в Сумрак. Для примера, вот прошлая группа пошла истреблять нечисть в провинцию Аршан, да взяла и погибла вся в полном составе. Неприятность, но зато сразу понятно, там прорыв, и балуется дэв не ниже второго дана пятого уровня. Вот только тогда гранд Акбар аль Аршан поднимает свою задницу и идет уничтожать исчадие Тьмы.

Гор замолчал, а у меня еще остался вопрос: «Погоди, вот ты говоришь прорыв, а откуда он взялся то?»

Темный дэв третьего дана пятого уровня способен пробить коридор сквозь Сумрак в мир Света, но по негласной договоренности сам он в мир Света не выходит. Договорились еще с незапамятных времен, они не пересекают границу миров, а воины Света не проникают в мир Тьмы. Темная сторона строго придерживалась договора ровно до тех пор, пока не было потеряно заклинание Прим-Сияние Тьмы. С того дня баланс сил нарушился, и темные дэвы, пусть и крайне редко, но все же выходят в мир Света. И чем больше проходит времени, тем все меньше и меньше у них опасения получить в ответ такой же разрушительный рейд со стороны Прим-Сияние Тьмы. К счастью для вас, людей, темные дэвы слишком ленивы и терпеть не могут солнечный свет, поэтому чаще они выпускают порезвиться своих собратьев классом пониже.

Я еще прислушиваюсь к своему внутреннему голосу, но чувствую, это все, большего от

демона на сегодня не добиться. Вздохнув, укладываюсь на соломе поудобней и закрываю глаза. Несмотря на все услышанное, на душе нет никаких панических настроений, а в голове крутится одна, на удивление спокойная мысль: «Ничего, поживем увидим, что там за дэвы!»

Все восемнадцать послушников, включая и меня, идут построены в ровную колонну по два. Идем с завтрака на утренние практические занятия. Как я уже выяснил, по-другому здесь не ходят, и всякое самостоятельное передвижение за пределами казармы запрещено.

Раз, два! Раз, два! Считает Салах, пытаюсь заставить колонну идти в ногу. Получается не очень, но в целом, ничего, шагаем ровно. Нас троих выпустили сегодня с утра, и получив в общей трапезной завтрак в виде куса ячменного хлеба и кружки воды, мы встали в общий строй. Салаху вернули командование, он тут старший отряда, и мы потопали на плац. Как глубокомысленно изрек Дамир, для получения устойчивого навыка не трусить перед нечистой силой.

— Стой, раз два! Налево! — Командует головной, и мы все дружно поворачиваемся. Я оказываюсь во втором ряду, и широченная спина Дамира закрывает мне весь обзор, а посмотреть есть на что. Плац совсем не похож на тот, что я видел в доме у Дидала Ашшура. Этот больше похож на крепость внутри крепости. Он со всех сторон окружен высокой стеной, причем одна из них — это стена мрачного здания с монументальными воротами, а остальные три усилены башнями не только по углам, но и посередине.

Поглазев поверх торчащих голов, я все-таки не выдерживаю и выглядываю из-за впередистоящей спины. Вижу замершего перед строем магистра Сар аль Бинаи. Как всегда, в широких полотняных штанах и длинной подпоясанной рубахе. Руки заложены за спину, ни дать ни взять, средней руки крестьянин осматривает своих батраков.

Голос демона в моей голове подтверждает мои сомнения.

Глядя на него, ни за что не согласишься, что перед нами второй человек в ордене, если не по рангу, то по влиянию, уж точно. Сам император советуется с ним по вопросам безопасности.

Магистр идет вдоль ряда, и я быстро возвращаюсь на свое место, а тот говорит негромко, но отчетливо, впечатывая каждое слово.

— Все, что вы могли получить за столь краткий курс, я постарался вам дать. Это немного, но надеюсь, поможет вам на нелегком пути борьбы с нечистью и всяким проявлением Тьмы. Сегодня ваш выпускной экзамен. — Глядя на нас, он усмехнулся одними уголками губ. — Тот, кто его не сдаст, тот в самом прямом смысле слова останется в этой школе навсегда. — Он повернулся и показал на небольшое кладбище у самой стены. — Вон там!

Строй затих, и в этой пронизывающей тишине слышны лишь шаги магистра и его голос.

— Я не жесток, и это не моя прихоть. Это суровая правда жизни. Там, в реальных условиях, тот кто испугается, промедлит, тот подставит своих товарищей и командиров. Из-за него может погибнуть вся группа, а задача не будет выполнена. Этого я допустить не могу, и пусть уж слабое звено порвется здесь и сегодня, чем в реальном деле погубит всю миссию.

Магистр замолкает, а трое послушников командуют.

— Разбиться по отделениям и приготовиться!

Все засуетились и бросились к отдельно стоящим деревянным навесам с развешенным там оружием и доспехами. Куда бежать мне, непонятно. Верчу головой, пытаюсь сориентироваться. Навесов всего три, как я понимаю, по количеству отделений. У крайнего машет рукой тот парень, что первым встретил меня в казарме.

— Иди сюда, чего встал?! Ты в моем отделении.

«Хорошо было бы сообщить об этом как-нибудь заранее, — ворчу на ходу, а Тули, затягивая ремни панциря, вяло оправдывается.

— Ты как снег на голову. В последний день, можно сказать! Да еще сразу в карцер. В общем, на тебя снаряги нет, бери вот копье, а там посмотрим.

«Нет, нормально, — возмущаюсь про себя, — все в броне, а я так. Сначала пугают, потом не дают доспехов! С кем будем сражаться не говорят! Да что за бардак в этой школе».

Пока я ругался, отделения уже построились. Первым командует Салах, вторым Дамир, а тем, в котором последним стою я, Тули. Все кроме меня в бронзовых шлемах и кожаных нагрудниках. В руках только копья, ни мечей, ни какой другой sprawy ни у кого нет. У меня, так же как и у всех, зажато в ладонях древко двухметрового копья из крепкой высушенной древесины.

Все три отделения вытянулись в одну линию, и магистр Бинаи вновь пошел вдоль строя, придирчиво оглядывая своих подопечных.

— Все, что вам надо знать сегодня, заключается в одной простой фразе. Будьте готовы ко всему! — Он остановился и, взяв у кого-то из бойцов копье, поднял его над головой. — Сегодня все по-боевому. Копья с настоящими, с заряженными магией наконечниками. Они способны поразить нечисть, какую бы магическую защиту та не использовала, главное, чтобы ваша рука не дрогнула.

Стоящий рядом со мной мужик тяжело вздохнул, и я расслышал его шепот.

— Раз не поскупились на заряженные копья, то хана нам, братцы!

Чувствую его животный страх, но сам пока ничего подобного не ощущаю. Возможно, я просто не понимаю с кем придется иметь дело, но скорее всего, у меня уже выковалась стойкая уверенность как в своих силах, так и в поддержке заклинания.

Первым выходит отделение Салаха. Шестерка бойцов растягивается в линию напротив крепких кованых ворот в стене. Где-то наверху в одной из башен гремит гонг, и створки ворот начинают расходиться. Поднимаю взгляд и вижу, как на башнях у бойниц занимают позиции арбалетчики.

«В кого они собираются стрелять?» — Успеваю задать себе этот вопрос, но тут же становится ясно, против кого все предосторожности.

Из темного зева распахнутых ворот раздается жуткий рев, и оттуда выходит настоящее чудовище. В два человеческих роста со столбообразными руками и ногами и огромным носом на свирепой морде. Оно пускает слюну и злобно скалится, показывая острые, словно заточенные зубы и два здоровенных клыка.

— Тролль! — Еле слышно выдавил стоящий рядом мужик. — Ох и не завидую я парням!

Шеренга Салаха, оцетинившись копьями, шагнула вперед, а Тролль, уставясь на людей, издал еще один жуткий вопль.

Чувствуется, что отделение обучено действиям против одиночного противника. Бойцы постепенно расходятся, стараясь взять чудовище в полукольцо, а тот стоит и лишь бросает исподлобья злобные взгляды. Эта заторможенность позволила людям надеяться на легкую победу и сыграла с ними злую шутку. Внезапно тролль бросился вперед с потрясающей скоростью, покрыв почти десять шагов в один прыжок. Мохнатая лапа смела человека как букашку, и тот, отлетев в сторону, упал на землю под отвратительный звук ломающихся костей. И тут же, развернувшись, чудовище отбило нацеленное в него копье, а ударом ноги отбросило назад его владельца.

В один миг стройное отделение превратилось в разрезанную пополам перепуганную четверку. Взревев, тролль бросился на ближайшую пару. Выставленные вперед копыя вошли в несущееся на них тело, но не остановили чудовище. Замах огромного кулака уже полетел в голову отшатнувшегося бойца, когда подскочивший Салах вонзил в спину тролля свое копьё. Зажав двумя руками, он вогнал оружие в волосатую спину почти до трети древка.

Монстр мгновенно обмяк и, не донеся до цели смертоносный кулак, завалился набок. Тут для уверенности в лежащую тушу вонзились еще три копыя, поставив финальную точку.

Один из послушников подошел к лежащему телу и, приподняв веко тролля, оценил его состояние. Затем он молча кивнул магистру, мол все труп. Сразу же ударил гонг, и выскочившие из ворот служители баграми оттащили мертвые тела в специальную яму.

Как только плац расчистили, вновь прозвучал сигнал, и второе отделение Дамира выдвинулось вперед. Дублирующая ворота, решетка пошла вверх, и вся шестерка замерла в ожидании очередного чудовища.

Лязг стопора, решетка застыла в верхнем положении, и все внимание приковано к проему ворот. Напряжение на пике, и тут из темноты появилась худенькая молодая женщина. Жалкий измотанный вид, глаза смотрят с мольбой и немым укором. Стройное тело обтянуто длинной, грязной рубахой, на хорошеньком личике пухлые губы молят о пощаде.

— Не убивайте! Люди добрые, я ничего плохого не сделала!

Расстояние уменьшается с каждым шагом, и я чувствую, как дрожат в нерешительности руки бойцов. Они настраивались на чудовище, а тут такое!

Еще пара шагов, и вдруг хрупкое безобидное существо в один миг превратилось в жуткого монстра с крыльями нетопыря и пастью гиены. С ревом оно бросилось на грудь ближайшему бойцу, и острые зубы твари рванули незащищенное горло. Кровь хлестнула фонтаном, а ошалевшие от случившегося охотники отскочили и сбились в кучу.

Копья нацелены на монстра, а тот, оторвавшись от своей жертвы, обвел сжавшихся людей взглядом безжалостных красных глаз. Еще один миг, и тварь бросилась прямо на копыя, в самую гущу человеческого комка. Несколько человек повалились, смятые напором, но остальные, устояв, озверело набросились на чудовище. Удар за ударом они кромсают тело монстра, даже не замечая, что перед ними уже давно лежит истерзанное тело молодой женщины.

Бррр! Невольно ежусь. Последняя схватка произвела впечатление. Не хотелось бы мне участвовать в чем-то подобном.

Звучит гонг. Служители успокаивают разошедшихся бойцов, оттаскивают мертвых и уносят раненых. Чувствую, как неприятно заныло под ложечкой, а что интересного приготовили для нас.

Поле расчищено, и наше отделение выходит к воротам. Тули как командир справа, я на другом конце. Руки сжимают древко копыя, острое нацелено на уровне глаз. Решетка уже открыта, все взоры устремлены к арке ворот, а оттуда — из темноты уже слышен гулкий топот тяжелых шагов.

Еще мгновение, и на простор выскакивает жуткая тварь. Мощные задние ноги с огромными как ножи когтями. Плоская голова с вытянутой челюстью, усеянной острыми зубами. Сутулая спина увенчана роговой защитой, а маленькие передние лапы заканчиваются орлиными когтями.

«Мать честная, что за исчадие ада?» — Восклицаю и произвольно вместе со всей

перенгой делаю шаг назад. В голове появляется иронично-издевательский голос Гора.

Спрашивал, отвечаю! Перед тобой обыкновенный рядовой солдат Тьмы, другими словами, демон. Так что, ты почти прав.

Дальше не слушаю, потому что адская тварь бросается на нас. Мое копьё вместе со всеми выставлено вперед, и демон останавливается перед частоколом. Змеиный глаз с вертикальным зрачком, кажется, смотрит мне прямо в душу, а над плацем раздаётся мощный угрожающий рык. Открытая пасть с капающей слюной в дюйме от наконечников наших копий. Кто-то пытается ткнуть ее, но та мгновенно реагирует, а в ответ прямо в лицо смельчаку летит огненная струя.

Жуткий человеческий вопль и наш строй ломается. Обгорелый труп падает в песок, а его соседи с обеих сторон в ужасе отскакивают назад. Острия копий опущены вниз, и демон, словно ждавший этого, одним рывком настигает ближайшего. Щелкает жуткая пасть, и перекушенный пополам человек летит в сторону.

Мгновенная пауза. Нас уже четверо. Отступая, мы сжимаемся плотней, а демон не сводит с нас своих жутких глаз. Грозный рев и рывок вперед! Одно копьё перекушено, три других скользят по коже чудовища, не пробивая ее. Удар хвоста и еще один из нас падает лицом в песок. Над головой Тули разинутая пасть чудовища.

Я не хотел использовать Сумрак и светить свои возможности до последнего, но ситуация вынуждает. Шаг в Сумрак, защита на максимуме! Из серой взвеси на меня тут же бросается чудовище. Пасть размазывается по силовому щиту, и я могу его рассмотреть. В памяти сразу же всплывает картина той ночи, когда я получил заклинание. Адские псы с огромными змеиными головами. Слюна капает с торчащих клыков, на выгнутых спинах оцетинились роговые шипы.

Сегодня я не испугался как тогда, хоть этот будет и побольше. Наоборот, мой разум тут же просчитал ситуацию: «Как сказал Гор, это рядовой демон, значит, по нашей классификации заклинаний у него Триан. Первый дан, пусть даже максимальный уровень. Что получается? Выглядит страшно, а на деле не очень».

Еще один удар пса сотряс мой сумрачный щит, но я спокоен, моя защита потеряла лишь один уровень. Если я все правильно рассчитал, то опасаться не стоит, но и позволять безнаказанно расходовать мой лимит тоже незачем. Тварь снова бросается на меня, и я вкладываюсь в удар. Нацеленное силовое поле бьет четко в плоскую башку. Пса отбрасывает назад, но он вновь встает и ошалело трясет головой.

«Сюрприз!» — Озадаченно чешу затылок. Подобный удар до этого напрочь выводил из строя всех стражей этого уровня, а этому нипочем. Такой поворот сильно осложняет дело. Мой удар понизил мой же запас еще на один уровень. Осталось три из пяти, и если так пойдет дело, то рано или поздно, эта псина меня сожрет.

Пришедшая в себя адская зверюга вновь бросается на меня, и я рефлексивно замахваюсь копьём. В Сумраке от этого оружие мало пользы, но меня вдруг поражает идея: «А что, если накачать его энергией Сумрака!»

Загораюсь новым замыслом и, сфокусировавшись на наконечнике, представляю как моя энергия перетекает в отливающий синевой металл. Это поразительно, но я ощущаю этот процесс почти буквально. Чувствую, как уровень энергетической силы ползет вверх от кончика древка до наточенного острия. Копьё словно потяжелело в моей руке, а чудовище, уже оторвавшись от земли, распласталось в прыжке.

Вложившись всей силой, бросаю копьё почти в упор. Удар пробивает грудь пса и

опрокидывает его в серую кашу под ногами. Тот порывается встать, но тут же падает вновь. Я знаю, эта тварь не мертва, убить ее, если верить Гору, невозможно, но из строя она точно выведена и восстановится не скоро.

Сумрак уже поджигает, и не тратя время впустую, я подскакиваю к дергающемуся в судорогах псу и хватаюсь за копьё. Последний взгляд по сторонам, и диссонансом к серой пустыне замечаю одинокого непрошенного зрителя. Человек в длинной хламиде с капюшоном стоит и смотрит на меня. Кто это и что он делает, выяснять некогда. Выдергиваю копьё и на последних каплях дыхания вылетаю из Сумрака.

Свет бьет по глазам и желудок сводит от спазма. Я еле стою на ногах, а перед глазами гребень и разинутая пасть демона над сжавшимся в комок Тули. В глазах все расплывается, но из последних сил размахиваюсь и всаживаю копьё в спину чудовища, стараясь попасть между роговых пластин. Демон заваливается набок и зарывается мордой в песок, а я не могу остановиться. Вытаскиваю копьё и всаживаю его снова и снова. Черная кровь растекается по песку огромной жирной кляксой, а я все бью и бью. И только полностью обессилив, я поднимаю голову и осматриваюсь. Из шестерых нас осталось трое, но на ногах стою лишь я. Тули лежит здесь же придавленный мертвой тушей, а еще один только поднимается с земли.

Над плацем стоит полная тишина, а мой взгляд скользит по обалдевшим лицам моих нынешних сослуживцев, по стрелкам на башнях с облегчением снявших палец со спусковой скобы, затем идет дальше и останавливается на магистре. Рядом с ним человек в белой хламиде, откинутый капюшон открывает длинные седые волосы.

«Я его знаю! — Мелькает в голове почти одновременно с тревожным пониманием. — Я только что видел его в Сумраке. Он следил за мной!»

Наконец-то звучит гонг, и начинается суэта. Служители оттаскивают мертвых, сносят в лазарет раненых. Один из них подбегает ко мне и кричит в самое ухо.

— Магистр тебя зовет!

Не сразу, но до меня все-таки доходит смысл, и еле волоча ноги, я начинаю двигаться в ту сторону. Магистр Бенаи, надо отдать ему должное, стоит и спокойно ждет, когда же я дотащусь и встану перед ним, вытянувшись во фронт. Только после этого он оборачивается к седому старику.

— Игемон, это тот самый неприкасаемый, о котором я вам говорил.

Тут только я вижу в руках старика посох с символом верховной власти. Два переплетенных змеиных тела с головами, обращенными в разные стороны, говорят мне, что передо мной глава и игемон ордена Ревнителей веры Марисий аль Хаши. Я вытягиваюсь и стараюсь не смотреть в глаза суровому старцу, а тот обращается ко мне, и голос звучит мягко и располагающе.

— Сейчас я спрошу тебя кое о чем, сынок, и ты расскажешь мне всю правду без утайки. — Внимательный взгляд черных пронизательных глаз уставился мне в лицо. — Ты мусорщик и неприкасаемый?

Я киваю, а тот продолжает.

— Но при этом ты способен входить в Сумрак. Не каждому из лучших бойцов империи такое удастся, а ты можешь. Тебе не кажется это странным, наличие такой способности у мусорщика?

Вот теперь я смотрю ему прямо в глаза и стараюсь сам верить тому, что говорю.

— Я не родился мусорщиком. Меня подобрал старик из касты неприкасаемых. Его звали Перл. Он вырастил меня, а своих настоящих родителей я никогда не знал. — Излагаю

заранее продуманную легенду обстоятельно и неторопливо, словно вспоминаю далекие события. На самом деле я подготовился, еще сидя в тюрьме до суда. Тогда я думал, что орденские прокураторы будут выяснять и копать, что-откуда. Если бы я знал, что без лишних затей отправят на плаху, то и мучиться бы не стал, но, как говорится, никогда не знаешь что и где пригодится.

Задумавшись, будто вспоминая, рассказываю дальше.

— Восемнадцать лет я не знал о своем даре и рос способным, но вполне обычным мальчиком, пока не попал на ринг. Там это произошло в первый раз и совсем случайно...

Подняв руку, седобородый старик неожиданно прервал меня.

— Скажи, когда ты в Сумраке, видишь ли ты запись заклинания у других людей?

Уверенно киваю.

— Да, я видел надпись на левой руке, но я неграмотен и прочесть ее не мог.

Прищуренный взгляд оценивающе прошелся по моему лицу, а затем игемон улыбнулся.

— Хорошо, сынок, я узнал что хотел. Теперь ступай, ты заслужил отдых.

Изобразив на лице благодарность и туповатую безмятежность, разворачиваюсь и шагаю туда, где на другом краю плаца строятся остатки моего отделения. На ходу абстрагируюсь от всего и напрягаю слух. Почти тут же слышу ровный голос Сар аль Бинаи:

— Что скажете, мой господин?

Ответ игемона звучит совсем по-другому, чем когда он разговаривал со мной. Теперь в интонациях этого человека нет ни малейшей мягкости, скорее это голос жесткого, не знающего сантиментов руководителя, всегда добивающегося своей цели.

— Крайне подозрителен. Никогда не слышал, чтобы хоть кто-нибудь смог войти в Сумрак самостоятельно, без подготовки и учебы! И потом, почему не видно записи заклинания? Даже моего опыта не хватает, чтобы определить каким именно он обладает.

— Возможно, — выразил свою мысль Бинаи, — заклинание почти атрофировалось в его организме, без использования и по причине скудоумия владельца. Отсюда отсутствие стража, а потом внезапная активация на ринге послужила катализатором, и как результат сбой: слабое заклинание позволило войти в Сумрак. Я читал в хрониках, такое бывало.

— Так ты полагаешь, у него низкородное заклинание?

Ответ магистра прозвучал безапелляционно.

— Уверен, Триан, не выше. Представляете, когда я брал его в Сумраке, он кинулся на меня с обычным мечом! А с каким изумлением он смотрел на обломок в своих руках, когда я срезал его клинок энергетическим ударом. Без всяких сомнений, он не имеет ни малейшего представления об оружии Сумрака.

Услышав последнее, я даже взбодрился. Кажется, меня не будут разбирать на части! Излишняя самоуверенность магистра и мое полное истощение после крысиной ямы сыграли мне на руку.

Следующие два дня прошли в полном безделье. Все ждут дальнейшего решения ордена. Оставят всю группу здесь в столице или отправят в провинцию, а может вообще раскидают по отделениям в разные концы империи.

Весь день мы проводим на плацу, но занятий никаких нет. В рамках желтого песочного прямоугольника нам предоставлена полная свобода. Хочешь занимайся, а хочешь валяйся без дела. Я выбрал третий вариант и лежу в тени навеса, спасаясь от жаркого солнца. Скучать в одиночестве мне не приходится, поскольку собеседник у меня всегда с собой. Никто не рискнет назвать его приятным, но то, что Гор является для меня главным и по сути единственным источником информации, отрицать не приходится.

Полуденное солнце жарит немилосердно, и наш диалог с демоном ведется в таком же ленивом ключе.

— Послушай, — перехожу к тому, что меня действительно волнует, — то копье, что я бросил в адского пса, это как, все еще часть защиты или уже нападение?

Гор медленно растягивает слова, словно его тоже достает испепеляющая жара.

Что такое?! Мой маленький глупый мусорицк начал умнеть на глазах! Он уже задает умные вопросы.

Я не реагирую на его сарказм и жду ответа. Небольшая пауза, и демон все же начал говорить по существу.

Да, соглашусь, это первый уровень второго дана. И пусть, по-моему, ты получил его незаслуженно легко, я вынужден признать, что твоя находчивость вызывает уважение.

Сказать, что я польщен, это ничего не сказать. Ведь если я не ослышался, то Гор только-что меня похвалил. Злая ирония, сарказм, издевки — это привычно, но похвала... Я даже онемел от неожиданности и вместо благодарности брякнул первое, что пришло на ум.

— Ничего себе, легко! Да меня чуть не сожрало адское чудовище!

Не преувеличивай! Ты еще настоящих чудовищ не видел, а тот сморчок был самый рядовой солдат Тьмы, демон низшего уровня. Чудовищем его назвать язык не повернется.

Спорить по поводу терминов я с Гором не собираюсь. Бесспорно, у нас с ним разные представления о чудовищах, еще неизвестно, как он сам выглядит. Если тот черный смерч, что я видел в ночь получения заклинания, это его истинный облик, то да, на роль настоящего чудовища у него прав несомненно больше. Пусть он этим тешится, а меня волнует другое, какие преимущества дает мне этот новый дан.

— Первый уровень второго дана, — повторяю для пущей прочувственности, — какие новые возможности он открывает?

Демон иронично хмыкает мне в ответ:

А ты что, не заметил?!

— Да нет, я не о том. — Не даю ему отделаться пустяшной фразой. — Системно, что поменялось? Какая у меня теперь защита, какой силы удар?

Тяжело вздохнув, Гор все же пускается в разъяснения:

Ну до чего же ты нудный! Все тебе по полочкам разложи да покажи! Здесь есть аналогия с защитой. Для всех, кто ниже тебя по рейтинговой системе, то есть стражей заклинания Триан всех данов и уровней, и Дойс первого дана — достаточно одного твоего удара. Один хороший удар выведет их из строя, а вот для Дойс второго дана необходимо

уже три, а для третьего шесть ударов. Стражи заклинания Эйн пока вообще тебе не по зубам. Твои удары будут чувствительны для них настолько, чтобы полностью вывести их из игры только на пятом уровне нападения.

Он замолкает, но мое любопытство еще полностью не удовлетворено, и я тороплюсь с вопросом:

— А что с защитой?

С защитой?! — Демон специально притормаживает, издеваясь надо мной. — С защитой все просто. Первый уровень дана Нападение, это шестой если считать в общем порядке, плюс второй дан прибавляет тебе еще два уровня. Следующий дан, надо сказать, прибавит целых четыре и первый уровень дана Проникновение будет уже шестнадцатым.

«То есть, — прикидываю для себя, — мой резерв сейчас состоит из восьми уровней. Неплохо!»

К этому сразу же возник другой вопрос, который я тут же озвучиваю.

— Это хорошо, а вот сколько ударов я могу сейчас выдержать без ущерба для себя?

Этот вопрос неожиданно разозлил демона, и он напустился на меня.

Что за дурацкие вопросы?! Зря я тебя хвалил, как был тугодумом, так им и остался. Я же тебе уже объяснял систему. Даже для человека запомнить ее не сложно, а там все ясно разложено!

Вспоминаю и мысленно соглашаюсь с правотой демона. Поторопился! Систему я отлично помню, благо с памятью у меня теперь полный порядок. Вспоминаю, и получается, что никакой разницы для меня сейчас нет. Что с пятым уровнем Триан, что с первым Дойс, удары сумрачных стражей снимают одно и тоже количество уровней.

«Ну ладно! — Как-то не особенно огорчаюсь. — Правильное понимание своих возможностей, уже полдела».

Пока я раздумывал и подсчитывал, Гор пропал из моей головы, и я бездумно расслабился. Вытянувшись во весь рост, лежу в тени и смотрю как наиболее безбашенные отрабатывают упражнения на плацу. Засмотревшись, замечаю подошедшего Тули, когда он уже совсем рядом.

— Знаешь, — он пригладил выбившиеся вихры и замялся, — в общем, спасибо тебе хочу сказать. Если честно, струхнул я тогда. Если бы не ты, то уже в яме бы лежал.

Я смотрю на худую нескладную фигуру парня, и в голову приходит неприятная мысль. По замыслу магистра, каждый кто струсил должен был погибнуть вчера, и выходит, что я невольно вмешался в судьбу этого парня.

«Аукнется мне это еще. — С какой-то щемящей тоской мелькает в голове. — Богиня судьбы такого не любит и не прощает!»

Тули все еще стоит надо мной, и я чувствую, что надо бы что-то сказать в ответ. Перебарываю мрачный настрой и улыбаюсь парню.

— Ничего, кто бы не струхнул, когда такое чудовище навалилось.

— Ты не струсил! — В юношеских чертах парня прорезалось не по годам суровое выражение. — Я твой должник, а долгов я не забываю! Когда бы Хранители ни позволили, всегда буду счастлив отплатить сторицей!

Вот это уже серьезный разговор. Быстро поднимаюсь и протягиваю ему руку.

— Рад был помочь, рад твоей дружбе!

В ответ крепкая рука сжимает мою ладонь. Глаза в глаза, и я чувствую абсолютную искренность этого парня.

В следующее мгновение на плац влетает один из наших и кричит:

— Эй, мужики, там покупатели приехали!

Я уже знаю, что покупателями здесь называют тех паладинов ордена, кто набирает команду для очередного рейда.

Мы все стоим в строю и смотрим на немолодого мужчину в бронзовом нагруднике поверх орденской хламиды.

Его зовут Талс аль Шамир. — Звучит во мне голос Гора. — В ордене с пятнадцати лет, начинал с послушника и за тридцать лет дослужился до комита звена. Те, кто его хорошо знают, считают его отмороженным на всю башку. Лезет в любое пекло, не задумываясь. Орден поручает ему самые рискованные и опасные операции. Связываться с ним не советую.

«Нормально, он не советует! Как будто кто-нибудь меня спрашивает!» — Бурчу про себя и смотрю на идущего вдоль строя мужчину. На левой руке сквозь обильный волосяной покров пробивается татуировка ШМ, а на серебряном браслете выгравировано Дойс-Идущий Рядом 2–5.

«Ого! — Не могу сдержать невольного восклицания. — Что-то последнее время мне везет на любителей прогуляться по Сумраку».

Пройдя до конца строя, Талс вернулся к стоящему в центре магистру. Я слишком поздно сообразил, что неплохо было бы послушать и попал уже на самый конец.

— Дело непростое, возможны любые варианты.

На скрежещущий как железо бас паладина ответил спокойный как текущая вода голос магистра.

— Я уже сказал свое мнение, возьми третье отделение, на экзамене оно показало себя с лучшей стороны. Правда, людей в нем осталось маловато, но можно дополнить из других отделений. Сколько бойцов вам вообще надо?

Недолгое молчание, словно славный солдат подсчитывал в уме, и паладин заскрежетал вновь.

— Возьму семерых. Добавьте к этому вашему отделению сколько не хватает и завтра же выступаем. Я не намерен задерживаться, время не ждет!

С некоторой долей сожаления обвожу плац глазами. Не то, чтобы я буду скучать по этому месту, но последние два дня прошли так спокойно и безмятежно, что будь моя воля, я бы так и остался лежать под навесом и лениво смотреть на бескрайнее голубое небо. Не знаю, сколько бы я так выдержал, скорее всего, недолго, но все-равно я благодарен судьбе за эти два дня. За это время я словно бы подготовился к очередному крутому зигзагу в моей жизни, и к тем опасностям, что ждут меня впереди.

Арка городских ворот проплыла над головой, и в глаза ударило уже вставшее над горизонтом солнце. Жмурясь, шагаю вслед Тули, за спиной тяжеленный мешок, в руке боевое копьё. За мной еще пятеро таких же как я. Надвинутые капюшоны скрывают мрачные лица. Шлепают босые ноги, длинные хламиды со знаком зелота на груди метут землю подолом.

Впереди нашего воинства на гнедом жеребце едет славный паладин Талс аль Шамир, за ним тоже верхами — его оруженосцы. Блестят начищенные шлемы, трепещутся гербы ордена на белых плащах. Между этой бравой троицей и нашей мрачной командой верхом на

муле едет жрец храма Преосвященных Хранителей. Он словно соединительное звено между несоединимым — между посвятившим себя служению паладином и нами, висельниками.

Из старого отделения нас осталось только трое: Тули, я, да еще один нехорошего вида мужик, по слухам, приговоренный за грабеж и убийства. Остальные собраны из других отделений. Никого из них я не знаю, и глядя на их зверские рожи, знакомиться совсем не хочется.

Дорога пошла под гору, и наш караван непроизвольно прибавил ходу. С высоты своего мула обернулся жрец и окинул нас взглядом. На миг наши глаза встретились, и этот неприятный пронизывающий взгляд напомнил мне о последнем разговоре с магистром. Он вызвал меня к себе, когда сборы были уже закончены, и притомившийся народ укладывался спать. Не ожидая ничего хорошего, я вошел в келью магистра и поразился ее аскетичности. В любом из тех сараев, где я жил до этого, было и то уютнее. Серые некрашенные стены, деревянное ложе, да стол с горячей свечой, вот и все убранство. Войдя, я остановился у входа и опустил голову. От темных углов повеяло холодом и сыростью.

Магистр, сидя за столом, даже не поднял голову, а, продолжив писать, озадачил меня вопросом:

— Сегодня на плацу я видел, что ты хотел меня о чем-то спросить?

Пока шел, я готовился к чему угодно, но только не к этому. Вопросов у меня, конечно, навалом, но как он узнал?! Ведь даже близко не подходил! Такое начало ошеломило меня настолько, что я несколько растерялся.

Тогда магистр приостановил работу и обернулся. В темных пронизательных глазах на узком бледном лице блеснула лукавая усмешка.

— Мне показалось?

— Нет, вы правы, вопросы у меня есть. — Я, наконец, сумел справиться с волнением и решился задать самый волнующий из всех. — Кто я сейчас? Каков мой статус и чего мне ждать от людей? Как будут реагировать на мою касту там, за стеной?

Во взгляде магистра прибавилось жесткости, и он произнес негромко, но словно впечатывая в меня каждое слово.

— Сейчас ты не человек, ты зелот — оружие Света! Острие копья в руке ордена, стоящего на пути надвигающейся Тьмы. Пока ты служишь великой цели, на тебе нет касты и ты неподсуден мирским законам. Только Верховная комиссия ордена Ревнителей веры может похвалить тебя, наказать или казнить. Можешь скрыть свою касту повязкой, можешь оставить открытой, твое дело, никто во всей империи не посмеет сказать тебе ни слова, ибо у зелота нет ни друзей, ни семьи, ни касты, ни имущества, у зелота есть только Бог на небе и орден на земле.

Сказать, что слова магистра меня обрадовали, так погрешить против истины. В поселке отверженных о зелотах ходили разные слухи, в основном нехорошие. По большей части их называли цепными псами ордена Ревнителей веры. Рассказывали о чудовищной жестокости и безжалостности, что мол по приказу ордена, они пытали и сжигали людей целыми деревнями, не считаясь ни с женщинами, ни с детьми, ни со стариками. Не скажу, что я был поражен, нет, что-то подобное мне и представлялось, только в мыслях это одно, а услышать в реалиях — это совсем другое.

Замолчав, магистр внимательно проследил за моей реакцией и продолжил:

— Запомни, пока ты служишь Свету, ты зелот, но если вдруг ты решишь отказаться, то в тот же миг вновь превратишься в осужденного на смерть неприкасаемого. — Его губы

вытянулись в жесткую линию. — Как видишь, выбор всегда за тобой.

В тот момент я вдруг вспомнил тех бойцов на арене. У них на браслетах была гравировка РВ, и Гор говорил, будто они участвовали в рейдах против детей Тьмы. Это воспоминание заставило меня спросить.

— Так значит, либо беззаветная служба ордену, либо вновь на плаху. Или могут быть исключения?

— Только одно. — Сар аль Бинаи невольно усмехнулся. — Орден разочаруется в твоей службе и сам изгонит тебя. Тогда казнь, возможно, заменят на Крысиную яму.

Ответ лишь подтвердил мне, что выхода отсюда не существует, и тогда, глядя прямо в глаза магистру, я задал последний вопрос.

— Почему вы взяли меня, ведь знали же, что я не успею пройти ни обучения, ни проверки на надежность и верность. Что если выйдя за ворота, я попросту сбегу?

— Нет, — Бинаи покачал головой, — сейчас не сбежишь.

На мой вопросительный взгляд и невысказанный вопрос «в чем кроется его уверенность» он усмехнулся:

— По двум причинам: первая, ты не знаешь мира и не представляешь куда бежать, и вторая, ты любопытен. Тебе интересно, что будет дальше и чем все закончится. Возможно потом, когда ты лучше узнаешь мир... — Он вновь задумался. — Возможно, но что-то мне подсказывает что останешься. Есть в тебе непонятная мне сила, настолько огромная, что тебе понадобится помощь, чтобы справиться с ней. Поэтому запомни — я на твоей стороне и всегда помогу, если ты попросишь.

Слова магистра до сих пор в моей голове, и они меня озадачивают. Он не стал меня пугать, грозить карой в случае побега, а обещал помощь. Это странно и подозрительно! Зачем это ему?

В памяти вдруг всплыло морщинистое лицо старика Перла и его поднятый вверх указательный палец: — «Бесплатный сыр только в мышеловке!» Вздрагиваю и, подняв голову, осматриваюсь. Пока я пребывал в воспоминаниях, мы уже изрядно удалились от городских ворот. Все подустали, и строй, что еще хоть как-то держался в городе, теперь совсем развалился. Тули уже шагал не впереди, а бок о бок со мной, остальные тоже брели скопом, и только славный паладин Галс аль Шамир сидел на своем скакуне так, будто аршин проглотил.

Вместе с реальностью вернулись и звуки, от которых я почти отключился. Топот босых ног, гомон голосов за спиной и голос Тули у самого уха. К своему стыду, понимаю, что он мне о чем-то рассказывал, а я даже не слушал. Пытаюсь вникнуть и ловлю откуда-то с середины:

— ...идем в провинцию Ашанги. Там мол черти-что творится. Девки молодые пропадают чуть ли не каждую ночь. Народ в деревнях с вечера до утра запирается на все засовы и носа со двора не кажет. Ведьму какую-то вроде бы поймали, но напасти не унимаются.

Название провинции звучит уж больно знакомо, и я вспоминаю, где его уже слышал. «Точно! На ферме Дидала Ашшура, когда я там занимался подсчетами урожая. — Грустно вздыхаю про себя. — Вот было чудное время! Тишина, покой и жратва деревенская от пуза! — Покопавшись в памяти, уточняю даже момент. — За столом, во время обеда крестьяне рассказывали, и почти тоже самое, что девчонки молодые пропадают».

Все это кажется мне странным, и я не могу удержаться от вопроса.

— Ну хорошо, люди пропадают, ведьма, а мы то тут причем? Пусть проведут расследование, зачем туда паладина посылать, да еще с командой смертников?

Посмотрев на меня, Тули кивает в сторону махающего хвостом мула.

— Вон видишь жреца?! Это Халим бен Шали — личность известная! Беспощадный борец с нечистью и все такое. Он будет вести следствие по этому делу, а раз уж расследование поручили такому человеку, то значит, дело тут не только в десятке пропавших крестьянских баб. — Он грустно улыбнулся. — Чувствую, хлебнем мы еще горяшка!

Такая осведомленность мне кажется подозрительной, и я язвительно замечаю:

— Ты-то откуда все это знаешь?

С той же грустной улыбкой Тули тяжело вздыхает.

— Не всегда же я командовал отделением смертников.

Я не решился выпрашивать подробности, но, видимо, на моем лице было написано такое нескрываемое любопытство, что он продолжил сам.

— Знаешь, у нас тут не принято распространяться о себе, может выйти боком. Но ты другое дело, ты спас мне жизнь. — Он помолчал, словно вспоминая далекое прошлое. — Как ты можешь видеть по моей касте, я из потомственной семьи военных. Мой отец, мой дед и все мои предки служили империи на поле боя. Я не исключение. В тот год я командовал кавалерийской схолой в армии гранда Марух аль Даршан. Мы разгромили орду дикарей, вторгшихся в земли Даршан и Ашанги, а затем погнали их на север. Там нас ждала неудача, армия попала в засаду и вынуждена была отходить, неся тяжелые потери. Моя схола дралась в арьергарде, прикрывая тыл отходящей армии. В одном из боев я получил удар мечом в голову и упал с лошади. Кровищи видать было много, потому что и свои и чужие решили, что я мертвый, но шлем меня спас, и удар лишь рассек кожу. Когда я пришел в себя, то никого из живых вокруг уже не было, только трупы. Я побрел через джунгли на юг. Без еды и воды, через три дня я упал от бессилия и должен был умереть, но судьба спасла меня вновь. Сознание вернулось ко мне в хижине у ручья, где юная хозяйка дома выходила меня, несмотря на то, что я был врагом ее народа. Я прожил в ее доме неделю пока набирался сил. Следом еще неделю, потому что не хотел уходить, а потом уж остался насовсем, потому что мы полюбили друг друга. Так прошел год. Самый счастливый год моей жизни! Следующей весной армия империи вернулась, и первое что сделали наши — это арестовали меня как дезертира. — Тули еще раз тяжело вздохнул и скривился в усмешке. — Так я узнал, что за счастье надо платить!

Тули замолчал, а у меня от этой истории чуть слеза не навернулась. Я сентиментальностью не отличаюсь, а в этот раз чуть не дал слабину. Искося глянул на шагающего рядом парня и с легкой завистью подумал: «Ведь он ненамного старше меня, а сколько всего в его жизни уже случилось! И война, и любовь! А у меня...»

Замолчав, Тули подмигнул мне и, прибавив шагу, вырвался вперед. Я молча пристроился ему в спину. Понятно. После такого рассказа мне бы тоже захотелось побыть в одиночестве.

С высоты перевала смотрю на долину Ашанги и конечную цель нашего похода. Вот он город Мерис — центр самой северной провинции империи. Врезавшись в склон, он как бы сползает по нему длинной лентой городских стен, кварталами своих домишек и узких улочек. Еще ниже, у самого подножия, желтеют ровные квадраты полей, торчат крыши одиноких ферм, и весь этот осколок цивилизации — лишь крохотный островок в безбрежном зеленом океане джунглей.

Тропа пошла вниз, и наш маленький караван радостно прибавил шагу. Радость понятна, последние дни пути дались особенно тяжело. Северная часть провинции Ашанги завоевана совсем недавно, деревень и ферм здесь мало, и все они жмутся к городам, к их стенам и гарнизонам. Последний был почти неделю назад, и с тех пор мы не видели ни человеческого жилья, ни нормальной пищи. Дорог как таковых здесь тоже нет, только бесконечные непроходимые джунгли. Едва видимая тропа, исполинские деревья, полчища насекомых, змеи и хищники! И это еще не полный букет того, с чем нам пришлось жить целых семь дней.

Еще с утра наш проводник сомневался, что сегодня мы успеем дойти до города, но к полудню сомнения уже рассеялись. Желание, наконец, спокойно уснуть под крышей и в безопасности было так велико, что мы шагали как одержимые, без отдыха и привалов. Наградой нам стали красные в лучах заходящего солнца городские стены и — словно ждущие нас — открытые створки городских ворот.

Увидев вооруженных всадников, на мост выбежали копейщики. Их старший поднял руку, останавливая нас.

— Кто такие?!

Талс аль Шамир молча дал ему разглядеть гербы ордена на плащах, а выехавший вперед жрец протянул стражнику подорожную.

— Специальная комиссия ордена Ревнителей веры прибыла в ваш город для расследования и наведения порядка.

Взглянув на печать, ветеран кивнул своим. — Пропустить! — А затем склонил голову в сторону жреца. — Мы рады приветствовать столь высоких гостей в нашем городе! Мой человек проводит вас к лучшему постоялому двору.

Тотчас же зацокали лошадиные копыта, и мы потянулись вслед за всадниками в темнеющую арку ворот. Замелькали узкие улочки, крыши домов и ветви плодовых деревьев за высокими заборами. Двигались быстро, и очень скоро проводник вывел нас к гостевому дому с мощеным двором и хозяйственными постройками. Там начальству отвели помещение в доме, а нам семерым уже привычно приказали располагаться в конюшне.

Побросав мешки и копья, народ обессилено повалился в копну желтой соломы в самом углу высокого сарая. Первое время все счастливы только от того, что бесконечная дорога закончилась, на плечи не давит тяжелый мешок, а вокруг не жужжит рой насекомых, но очень скоро напомнил о себе урчащий желудок и, думаю, не только в моей голове появилось опасение, что про нас попросту забыли. Все уже начали поглядывать на Тули, мол давай командир, выясни в чем дело, но тут заскрипела дверь и в конюшню вошла молодая женщина. Не заметив нас, она взяла вилы и стала накидывать лошадям сена.

Первое время все молча смотрели на смуглые лодыжки и обнаженные работающие

руки, а затем я услышал шорох движения, больше похожий на готовящегося к броску хищника. Скосив взгляд, вижу, как один из наших осторожно поднялся и, подкравшись, внезапно вырос за спиной у перепугавшейся женщины.

— Смотрите ребята, кого нам послали! — Он резко схватил попытавшуюся вырваться служанку. — Пожрать было бы лучше, но и такое развлечение сойдет!

Он весело заржал, и вокруг меня раздался довольный гогот в ответ.

— Тащи ее сюда, Шмыга!

Рядом оживленно заворочался мрачный тип с совершенно пустыми садистскими глазами.

— Давненько тепленького то не пробовали!

Зажав своей жертве рот, Шмыга потащил ее к соломе, а та, обезумев от ужаса, лишь тарасила глаза и что-то мычала сквозь его грязную лапу.

Обычно я в чужие дела не лезу, там, где я жил тоже всякого дерьма хватало, но тут вдруг так противно стало и так жалко эту бедолагу безответную, что я неожиданно для себя произнес негромко, но достаточно, чтобы все услышали:

— Оставь бабу в покое, Шмыга!

Я в своей жизни первый раз заступаюсь за кого-то другого. Это, как и то, что вокруг самые отпетые отморозки, каких только можно представить, завело меня настолько, что я просто жажду, чтобы кто-нибудь из них пошел сейчас против. Я уже готов шагнуть в Сумрак, но к моему удивлению, Шмыга, лишь глянув в мою сторону, тут же отпустил женщину.

— Да ладно! Чего ты, молодой, я же пошутил!

Я по-прежнему не спускаю с него глаз, и он, словно торопясь подтвердить свои слова, подтолкнул служанку к двери.

— Давай, давай, милая! Иди, скажи кому, чтоб пожрать принесли что ли!

Женщина, все еще не веря своему освобождению, пятится к выходу, а буйные головорезы вокруг меня, еще мгновение назад жаждавшие кровавой потехи, как-то враз успокоились и без малейшего проявления недовольства вновь укладываются по местам.

Не понимая что происходит, медленно перевожу взгляд с одного лица на другое. Все старательно отводят глаза, как будто ничего не случилось, но я-то знаю, что это не так. Я только что вырвал добычу у пятерки самых свирепых хищников на земле, и они молча утерлись, даже зубы не показали.

В моей голове царит понятное недоумение, в которое вдруг вклинивается насмешливый голос Гора.

Не будь идиотом! Они же не слепые и видели, кто демона в одиночку положил, я уж не говорю про драку в казарме, где ты троих уделал. Кто будет с тобой связываться?! Эти люди хоть и отмороженные на всю бабку, но чутьем чувствуют, когда на рожон лучше не лезть.

Откидываюсь на спину с мыслью: «В кого я превратился, если даже такие отморозки меня боятся». Прикрываю глаза и, так и не дождавшись ужина, отключаюсь в тревожном настороженном сне.

Суэта началась с самого рассвета, даже пожрать толком не дали. Жуя на ходу черствую лепешку, шагаю вслед за Тули по узким извилистым улочкам. Слева глухая стена, справа такая же, идем как по ущелью, даже солнце сюда еще не пробивается. Торопимся, пока не выходим на центральную площадь. Народу здесь уже много, но пока не битком.

Разряженные по-праздничному горожане еще подтягиваются, вытекая многочисленными ручейками из боковых улиц.

На другом конце, у здания магистрата, вижу нашего паладина, жреца и еще кучку важных сановников. Вдоль крыльца выстроилась цепочка городской стражи, отделяя толпу зевак от выложенного вокруг столба штабеля дров.

Оруженосец аль Шамира остановился и показал Тули на здание магистрата.

— Займете место на углу крыльца и ждите приказа. Никуда не суйтесь, толпу не задирайте, понятно?

Тули кивнул, и мы двинулись по краю площади, обходя толпу. Добравшись до здания магистрата, встали на самом углу широкого крыльца в тени портика.

Ожидание затянулось. Площадь уже забилась до отказа, и сразу стало понятно, чего так торопились. Сейчас можно было бы и не пробиться.

Нагнувшись к самому уху Тули, спрашиваю шепотом:

— Как думаешь, что тут намечается?

Покосившись на меня, он поясняет, борясь с зевотой.

— Для успокоения народа, хотят провести показательное следствие, суд и казнь! Помнишь, я говорил про ведьму.

— А мы здесь зачем? — Искренне недоумеваю, но Тули тут же ставит меня на место.

— Не расслабляйся! Забыл, что ведьма у нас на плацу устроила?! На городскую стражу надежда худая, чуть что, побегут как перепуганные кролики.

Молча соглашаюсь с его правотой, но напряжения по-настоящему не чувствую и от скуки пялюсь на толпу. Народ уже заведен и горит праведным гневом. Не важно кто, но кто-то должен ответить за их страх и боль.

Сквозь стоящий над площадью гомон вдруг слышится скрип колес и цоканье подкованных копыт. Взволновавшее людское море тут же развернуло головы в ту сторону, и по всей площади прокатился гневный ропот. С центральной улицы показалась телега с установленной на ней клеткой. Эскорт конной стражи врезался в толпу, пробивая дорогу. Народ начал неохотно расступаться, пропуская повозку, а вслед ей посыпались ругательства и проклятия.

Мой взгляд вслед за всеми устремился к телеге. Там, прижавшись всем телом к решетке, стоит хрупкая девушка. Спутанные длинные волосы, пальцы вцепились в железные прутья, огромные испуганные глаза, словно впитывают бурлящую вокруг ненависть.

— Ведьма! — Шмат жирной грязи ударился в прутья и, разлетевшись, испачкал лицо девушки. — Гореть тебе в пламени! — Полетели камни! Один из них, попав, рассек кожу на лбу, и красная струйка потекла по лицу, оставляя кровавую дорожку.

Медленно раздвигая толпу, телега все же пересекла площадь и добралась до крыльца магистратуры. Стража вывела ведьму, и та, подхватив сковывающую ее цепь, тяжело поднялась по ступеням. Теперь ее можно хорошо рассмотреть. Широкие скулы, раскосые черные глаза на миловидном, почти круглом лице.

— Она явно не из здешних! — Оборачиваюсь с этой мыслью к Тули и удивленно вскрикиваю. — Эй, ты чего?! Что с тобой?!

Он молчит, но его побелевшее лицо говорит само за себя. Пошатнувшись, парень чуть не падает в обморок, но я успеваю подхватить и услышать его шепот.

— Это она, моя спасительница!

Вот те раз! Я раздражен и зол на себя, потому что первым моим порывом было

сострадание и желание помочь. Держу Тули и крою самого себя: «Нет, нет, нет! Не надо лезть в чужие проблемы, мне и своих хватает! Разок спас этого парня и хватит! Мы с ним не братья, и не друзья! Не надо было слушать его истории, не надо вообще никого ни о чем спрашивать! Все равно все скоро умрут, и Тули ненадолго переживет свою ведьму».

Пока я ругаюсь с самим собой и привожу в сознание своего командира, на крыльце уже разворачивается процесс дознания. Жрец, облаченный в белоснежную мантию и в высокой позолоченной шапке, ведет следствие. Его голос уверенный и степенный разносится над площадью:

— Я Халим бен Шали, присланный сюда Священной комиссией ордена Ревнителей веры для проведения дознания и суда, задаю тебе свой первый вопрос. Веришь ли ты во Всемиловейших Хранителей Света? — Суровый взгляд остановился на лице девушки, и та, подняв глаза, ответила просто и бесстрашно.

— Нет! Мой народ верит в других богов!

Кивок жреца позволяющий задать вопрос магистрату, и его хриплый голос.

— Зачем ты пришла в этот город?

— Я хотела найти одного человека. — Ответ удивил следствие и заинтересовал паладина Талса.

— Кого? Как его имя?

— Я не знаю. — На лице девушки вдруг появилась улыбка. — Я звала его Сайвин Ли, что на вашем языке значит моя любовь.

В этот момент я почувствовал, как пальцы Тули впились в мою руку, а почтенный бен Шали перешел к главному.

— Причастна ли ты к смерти девяти девушек из этого города?

— Нет!

Ответ не обескуражил жреца, и вопросы посыпались один за другим. Иногда его сменяют или магистрат или паладин Талс, но главный вопрос все-таки задает он сам.

— Владеешь ли ты опасной для людей магией?

Девушка замаялась, понимая чего будет стоить ей правдивый ответ, но, вскинув подбородок, ответила с вызовом.

— Да!

— Ведьма! — ахнула толпа, а жрец, удовлетворенно обведя всех присутствующих глазами, изрек:

— Вы все слышали добровольное признание этого создания Тьмы. — Он сложил руки на животе. — Не понадобились ни свидетели, ни перекрестные допросы. Для очистительного огня достаточно добровольного признания.

Паладин Талс сделал шаг вперед и нагнулся к уху бен Шали. Я тут же напрягся и услышал его шепот.

— Почтенный, меня заботит то, что она не призналась в убийствах.

Поморщившись, жрец скосился в сторону паладина, так некстати решившего проявить принципиальность.

— Ведьма как обычно юлит, она признается на костре, когда Священное пламя исцелит и очистит ее душу.

— А если нет?! — Паладина оказалось не так легко сбить с толку. — А если у нее есть сообщники и убийства продолжатся?!

— Чего ты от меня хочешь?! — Халим бен Шали не смог сдержать раздражения. —

Может прикажешь отпустить ее!

Не ответив, Талс аль Шамир просто отодвинул жреца немного в сторону и обратился к девушке напрямую.

— Есть ли в округе еще дети Тьмы или другие твои сообщники?

Непонимающее выражение на осунувшемся девичьем лице, и искренний, простой ответ.

— У меня нет сообщников. — Еще мгновение, она словно бы задумалась, а потом добавила. — Я не знаю, кого ты называешь детьми Тьмы, но если ты спрашиваешь про тех, кто желает людям зла, то такие есть.

— Где они? — Паладин в миг стал похож на породистую гончую, а девушка, заметив это, улыбнулась и ответила так, будто говорила о чем-то очень обычном.

— Недалеко отсюда в пещерах живут странные существа, и вот они вас очень сильно не любят.

Талс аль Шамир бросил быстрый взгляд на магистрата.

— Знаешь о каком месте она говорит?

В ответ тот лишь пожал плечами.

— Да в горах этих пещер столько, что не пересчитать.

Взгляд паладина вновь переключился на ведьму.

— Можешь сказать точнее, где это место? — Он снял с пояса тубус и вытащил скатанный в трубочку пергамент. — А лучше покажи на карте.

Девушка вновь улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Я вашим премудростям не обучена. — Ее рука поднялась и указала на север. — Где-то там, точнее сказать не могу, но если уж вам так надо, то могу показать на месте.

Она еще не договорила, а глаза Талс аль Шамира уже смотрели на представителя Священной комиссии и спрашивали без слов. Что скажешь? Надо брать и тащить ее в горы! Найдем гнездо и сожжем ее там, вместе со всем выводком.

Жрец насупился и с сомнением покачал головой.

— Опасно. Сколько их там, что за твари, мы ничего не знаем.

Паладин отмахнулся.

— Это уже не твоя забота! Прикроешь нас только, чтобы нелюдь не засекала раньше времени, а дальше я сам разберусь.

Звучащая в каждом слове Талса уверенность подействовала на Халим бен Шали, и тот кивнул магистрату.

— На сегодня казнь отменяется, пусть народ расходится.

Городской чиновник бросил нервный взгляд на толпу.

— Боюсь, так просто они не разойдутся. — На всякий случай он нашел глазами начальника гарнизона и подал знак. — Стягивай всех бойцов сюда.

Видя это перемигивание, жрец бен Шали недовольно скривился, а вот паладин Талс оскалился в усмешке.

— Не разойдутся, говоришь! — Он подошел к краю крыльца и громогласно объявил: — В ходе следствия выяснилось, что недалеко от вашего города есть гнездо детей Тьмы. Ведьма согласилась провести нас к нему. Мы не знаем, что там за твари и сколько их, поэтому нам нужна ваша помощь. Выступаем завтра с рассветом, а сейчас каждый, кто хочет помочь нам в этом почти безнадежном деле, может подойти и записаться в добровольцы.

На площади мгновенно стало тихо, а еще через мгновение наиболее благоразумные потянулись к боковым улицам.

Здоровенная лапа Талс аль Шамира выхватила у секретаря перо и пергамент, а его луженая глотка заорала.

— Ну же, давайте подходите и записывайтесь! Ничего не бойтесь, магистрат обещает оплатить похороны героям за счет городской казны.

После этого процесс рассасывания пошел в разы быстрее, и вскоре площадь почти опустела. Паладин Талс, развернувшись, сунул пергамент и перо в руки слегка очумевшему магистрату.

— Учись, вот как надо с народом разговаривать! — Он хмыкнул и добавил: — Мне понадобятся проводник, провиант и носильщики. Чтобы все было завтра к рассвету. — Не став слушать вялые оправдания магистрата, Талс зашагал к выходу, бросив на ходу своим телохранителям. — Ведьму в клетку, с собой заберем!

Я, наконец-то, смог оторвать взгляд от происходящего и посмотреть на Тули. Бледность почти сошла с его лица, и вообще он уже выглядел настолько нормально, что я позволил себе пошутить.

— Вот видишь, раз твою зазнобу не сожгли сегодня, значит Хранители на вашей стороне. Глядишь, еще все и образуется.

В ответ он глянул на меня так, что где-то внутри меня, как осадок, осталось стойкое чувство, что все это хорошо уже не закончится.

Проводник остановился и, обернувшись, нервно замотал головой.

— Дальше по этой тропе лучше не ходить!

— Это почему же?! — Паладин Талс натянул вожжи, останавливая коня, а вслед за ним замерла вся цепочка растянувшегося каравана.

— Там, — мужчина ткнул пальцем в лесную чащу, — охотничьи угодья гранда Ситха аль Ашанги, а он очень не любит, когда нарушают границы его владений.

Подъехавший жрец, едва услышав имя Ашанги, помрачнел и вопросительно взглянул на привязанную к седлу ведьму.

— Ты уверена, что нам туда?

Та лишь молча кивнула, и Халим бен Шали нахмурился еще больше.

Увидев эту мину, паладин возмущенно фыркнул.

— Прекратите, почтеннейший, мы же не оленей на его земле стрелять собрались!

— Это так, — жрец задумчиво потер вспотевший висок, — но лучше все же сначала послать гонца и запросить разрешение. Ситх славится дурным нравом, а ссориться с племянником императора в планы Священной комиссии не входило.

Я стою от них в десяти шагах и мне приходится использовать силу заклинания, чтобы разобрать, о чем они там шепчутся. Препирательства продолжаются, и это становится уже неинтересно. Я отвлекаюсь и оглядываюсь назад. Мы вышли сегодня с рассветом и вот уже полдня лезем в гору, пробираясь сквозь непролазные джунгли. Проводник держится проторенной тропы, и весь отряд следует за ним, растянувшись в длинную цепочку. Впереди, как обычно, конный кулак паладина с его оруженосцами, затем жрец, ведьма, следом движемся мы, а за нами еще десяток носильщиков с провиантом и запасами.

Спор нашего начальства не утихает, и я прислушиваюсь вновь. Голос Халима бен Шали понизился до раздраженного шипения.

— Да пойми ты, я имею специальное предостережение насчет гранда Ашанги. Мне настойчиво рекомендовали избегать всяких контактов с ним.

— Тем более! — Обрадованно изрек Талс. — Быстренько поднимемся к пещере, сожжем нечисть и уберемся восвояси. Когда до гранда дойдет слух, то нас уже не будет на его земле, а может, и вообще, он ничего не узнает!

Жрец преисполнился сомнением.

— Думаешь?!

— Уверен! А по-другому никак. Ты сам посуди, пока гонца отправим, пока он вернется, сколько времени пройдет?! Нечисть нас почует и сбежит! Тогда что, весь поход напрасно! А что мы доложим Священной комиссии?!

Последний довод видимо достиг понимания, и жрец махнул рукой.

— Ладно, поехали! Если что, скажем, что заблудились.

После этого паладин Талс ткнул пятками коня, и тот двинулся по тропе. За ним оруженосцы, жрец, а когда очередь дошла до меня, то и я зашагал вслед за Тули.

Шли как одержимые без привалов и отдыха и остановились, лишь когда ведьма указала вверх, на лесистый склон прямо над нами.

— Это там! Видите вон ту одинокую скалу?! Где-то там, рядом с ней должна быть и пещера.

Паладин прикинул на глаз расстояние, затем глянул на клонящееся к верхушкам гор солнце и вынес вердикт:

— Пока доберемся, будет уже темно, а соваться ночью, без разведки, крайне рискованно. — Он оглядел расстилающуюся вокруг поляну и удовлетворенно кивнул. — Заночуем здесь, а тварями займемся завтра по светлomu.

Вскоре запылали костры, а от бурлящих котлов потянуло сытным варевом. Все раздельно, как и на марше. Руководство, zeloty, носильщики, все сами по себе.

Над нашим котлом кашеварит Шмыга, а остальные шестеро сидят вокруг огня и терпеливо ждут. Тули присел рядом со мной. Вид у него мрачнее тучи. За весь день ни слова не проронил. Я знаю, держать все в себе, ой как нелегко, рано или поздно его прорвет и кому на голову он выльет ушат своих переживаний?! Конечно мне, больше некому. И вот вопрос, а хочу ли я лезть во все эти проблемы? Я этого парня знаю всего пару недель, и уже один раз пришлось вписываться за него. Теперь снова! Да он ходячая головная боль! Мне это надо?!

— Все готово! — Шмыга поднял над котлом довольную рожу. — Подходи!

Народ повскакивал и, протягивая миски, выстроился в очередь. Первым Тули, вторым я, строго по ранжиру, и это даже не мой выбор, так уж повелось с самого первого дня похода.

Половник кинул мне в миску увесистую плюху каши, и отойдя, я присел на поваленное дерево. Усердно работаю ложкой и стараюсь больше не мучить себя дурацкими вопросами, но где там. Едва я закончил и вытер миску куском лепешки, как рядом подсел Тули и начал с ходу, без всяких предисловий.

— Ну не могу я больше! Душу рвет! — Его горящие глаза уперлись мне прямо в лицо. — Не могу я допустить, чтобы Суань Ли сожгли. Она же спасла, выходила меня! Я люблю ее! Думал забуду, пройдет! А тут, как увидел, так захлестнуло прям!

Весь мой скепсис видимо написан у меня на лице, потому что Тули вдруг испуганно вскидывает ладони.

— Нет, ты не думай, я тебя ни о чем не прошу! Мне просто выговориться надо. — Он придвинулся вплотную к моему уху. — Может завтра уже не смогу! Я хочу сегодня ночью украсть Суань Ли и бежать на север.

«Ну что за идиот! — Вздыхаю про себя. — Хочешь бежать, так беги! Зачем ты мне то рассказываешь? А если я донесу?! А если я вообще не хочу знать?!»

Вздыхнув еще раз, почему-то говорю совсем другое.

— Нет, сейчас бежать нельзя! Местность чужая, припасов у тебя нет. Далеко за ночь вы не уйдете. С утра хватятся, начнут искать и организуют погоню. Девчонка истощена и быстро идти не сможет, так что поймают вас быстро, а второго шанса, как ты понимаешь, уже не будет.

— Тогда что же делать?! — В глазах Тули блеснуло настоящее отчаяние. — Я ее не брошу!

Неожиданно где-то внутри проснулся голос Гора.

Не вздумай! Я же вижу куда ты клонишь! Не вздумай с ним связываться! Ну посмотри на него! Он же идиот! Сам погибнет и тебя за собой потащит!

Я и сам все это знаю, но все равно поступаю строго наоборот.

— Знаешь как сделаем, ты аккуратненько так, чтобы не заметили, дай ведьме знак...

Вспыхнувшее негодованием лицо Тули прервало меня на полуслове, и я тут же поправился.

— Ну ладно, ладно, не ведьме, зазнобе твоей, имя прости не запомнил. В общем дай ей знак, чтобы она знала, что ты здесь, а завтра, когда начнется чехарда с нечистью, я постараюсь тебя прикрыть, и вы под шумок сбежите. Сколько нас там останется после боя неизвестно, но я думаю, в любом случае, не до тебя будет.

Ладонь Тули жестко сжала мою руку.

— Спасибо! Я твой должник навсегда!

На это я уже ничего не отвечаю, а подложив свой мешок под голову, укладываюсь на ночевку. Лежа смотрю, как Тули направляется в сторону привязанной к дереву ведьме и вздыхаю: «Ну куда ты поперся, темно уже! Ближе подойти не дадут, а издали она не разглядит ничего!»

Тули, конечно же, меня не слышит и старательно делает вид, что решил просто размять ноги. Рядом с ведьмой два оруженосца паладина, они тоже укладываются спать, но заметив подходящего зелота, один из них оставил все дела и поднялся.

— Тебе чего? — Мощная фигура матерого вояки встала на пути парня.

Ответить Тули не успевает, потому что воздух над лагерем вдруг разрывает душераздирающий вопль. Этот крик подбрасывает меня на ноги, и взгляд устремляется к стоянке носильщиков. Там паника, и люди бегут в разные стороны, а над ними повисает новый вопль.

Срываюсь туда. Впереди вижу бегущего паладина с обнаженным мечом. Теперь орут уже все и кругом. Пламя костров разбрасывает рваные тени, дополняя роящийся вокруг хаос. Споткнувшись о корягу, лечу на землю. Болью отзывается плечо, но не до этого. Прямо передо мной, жуткая тварь, оседлав лежащего бедолагу рвет ему грудь острыми зубами. Перепончатые крылья вздернуты вверх, отвратительная, остроухая морда вгрызается в дергающееся под ней тело.

Осторожно, стараясь не привлекать внимания, поднимаюсь, но не успеваю. Замираю на полусогнутых, потому что тварь, оторвавшись от своего кровавого пиршества, подняла на меня взгляд своих красных горящих глаз. Мгновение мы смотрим друг на друга, и вдруг грудная клетка чудовища взрывается изнутри и наружу вылетает острие отточенного клинка.

Еще один миг трачу на осознание, но тут же по наитию ухожу в Сумрак. Вместе с парящей в воздухе серой взвесью приходит и понимание. В двух шагах от меня паладин Талс вытаскивает меч из спины поверженной твари. Бросаю взгляд по сторонам и насчитываю еще две таких же. Обе замерли в серой неподвижности над телами своих жертв.

«Они не в Сумраке!» — С облегчением выдыхаю и смотрю на Талса, который, подойдя вплотную, наотмашь рубит еще одну нежить, а затем также спокойно и деловито кончает и последнюю.

Хладнокровие паладина на фоне бешеного ритма собственного сердца вызывает легкую зависть, и я шепчу, оправдываясь перед самим собой: «Так-то любой дурак мог сделать! Кто ж знал-то?!»

Выхожу в реальность и еще раз застываю от изумления. Вместо монстров, рядом с истерзанными телами носильщиков лежат три обнаженные девушки. Мертвые, но без единого следа насилия. То, что они и есть те самые жуткие твари не вызывает сомнений, но как это возможно, и куда делась разорванная грудная клетка, что я видел собственными глазами.

Мой ступор прерывает изумленный вскрик.

— Я ее знаю! — Один из подошедших тычет пальцем в девушку. — Это дочка нашего

мясника!

Рядом такой же возглас удивления.

— А эта пропавшая дочь мельника! Что ж это делается-то?! Надо бы похоронить по-людски, что ли.

На все это изумление, отвечает паладин Талс. Взяв из рук своего оруженосца заточенный кол, он без слов вбивает его в идеально белое, девичье тело.

— Кровососы это! — Он берет второй кол и проделывает тоже самое со следующим трупом. — Всю эту мерзость надо обезглавит да сжечь, и чем быстрее, тем лучше!

В застывшей, тяжелой тишине остро прорезался голос жреца. С видом полного погружения в себя и читая нараспев заклинания, он с ходу начал обход одного лежащего тела за другим.

Нисколько не купившись на всю эту торжественность, Талс встретил его претензией.

— Как они узнали про нас?! Ты ставил защиту?

— Конечно! — Взвился Халим бен Шали, мгновенно забыв о благочестии. — Я исключил любое магическое видение нашего отряда.

— Тогда как ты объяснишь вот это?! — Паладин обвел взглядом тела девушек. — Это не просто случайные вампириши, они пришли за нами.

Жрец недоуменно пожал плечами.

— Не знаю! Все возможно, все-таки их гнездо совсем близко!

Солнце печет немилосердно, и от желтоватой громады скалы ощутимо пышет жаром. На ее фоне темный зев пещеры виден так хорошо, словно его намазали жирным углем. Паладин Талс с телохранителями и Тули впереди, в шагах трех. Укрывшись за камнем, они следят за входом в пещеру.

Талс посмотрел на Тули и ткнул пальцем в сторону чернеющей дыры.

— Ты со своими зелотами войдешь туда первым. Я со своими прикрою вас с тыла. Как только твари проявятся, мы ударим и покончим с ними. Днем кровососы спят, а сонные они не такие быстрые, поэтому, надеюсь, больших проблем не возникнет.

Стоящий рядом с мной Шмыга недовольно возмутился.

— А че мы первыми?! Шли бы сами!

Услышав, Талс бросил на нас испепеляющий взгляд.

— Блуждать по темным лабиринтам в поисках нежити можно долго, лучше если твари сами выйдут на нас. Они реагируют на страх, а вы так дрожите, что я даже отсюда чувствую вибрацию! — Он хохотнул довольный своей шуткой. — Будете приманкой, понятно!

На обескураживающую прямопу паладина Тули лишь молча кивнул, и я вижу, что мысли моего приятеля далеки отсюда. Он думает только о том, как бы освободить свою ведьму, а с таким настроением идти в бой, это полное самоубийство.

«Надо бы его как-то отвлечь, что ли». — С такой мыслью оборачиваюсь назад. Там, в стороне от тропы — жрец, прикованная к дереву ведьма, а за ними носильщики, лошади и весь наш нехитрый скарб. Неожиданно приходит на ум хорошая мысль, и я делаю пару шагов вперед.

— Чего тебе?! — Паладин Талс бросает на меня взгляд, и я изображаю невинное лицо.

— Оправиться бы перед боем!

Талс недовольно кривится из-за отсрочки, но все же соглашается.

— Хорошо, только быстро!

Тули смотрит на меня, пытаюсь понять к чему это, и я аккуратненько дергаю его за рукав, мол давай за мной. Нам вроде бы надо сойти с тропы в лес, но здесь обрыв и густые заросли, поэтому приходится спуститься чуть ниже. Тут тоже как бы неудобно, и я тяну остановившегося было Тули дальше. Еще три шага вниз, потом направо в лес, а вот теперь то что надо. Отсюда, по прямой до ведьмы шагов пять и ее отлично видно между деревьями. Она поднимает взгляд, наши глаза встречаются, и в этот момент, я вытаскиваю на линию видимости Тули. У девушки от изумления округляются глаза, а я подношу палец к губам, мол тихо, и на мгновение оставляю их один на один. Безмолвное свидание длится лишь краткий миг, а затем я беспощадно оттаскиваю очумелого Тули.

— Все хватит, слишком большой всплеск эмоций, не дай бог жрец почует неладное! — Встряхиваю парня и вижу, что это мгновение вернуло его к жизни.

«Вот и отлично, — оцениваю результат, — теперь хотя бы есть шанс, что он не погибнет в первый же момент схватки»

Солнечный свет бьет в спину, частично разгоняя пещерный мрак. Я иду в первой шеренге, рядом со мной Тули и Шмыга. В затылок дышит остальная четверка. Темнота нарастает с каждым шагом, и с каждым шагом повышается накал напряжения. Я просто физически ощущаю, как рядом потеет от страха Шмыга.

Ожидание выматывает, и каждый из нас уже не по разу подумал — быстрее бы уж! Впиваюсь взглядом в чернеющую пустоту, стараясь уловить любое движение.

Едва уловимый шорох, и бешеный крик Тули.

— Вон она!

Три наконечника взлетают одновременно, ловя бросок твари, и та, захлопав крыльями, повисает на копьях. Пронзенная, она извивается и визжит настолько пронзительно, что закладывает уши. Мы, слегка очумев, все еще держим нежить на копьях, и тут вдруг эти твари посыпались со всех сторон. Хруст перепончатых крыльев ударил как шквал ветра, сбивая с ног и закручивая в каком-то безумном водовороте. Визг, рычание нежити и человеческие вопли! Не удержавшись на ногах, падаю и тут же на меня валится еще кто-то. Пытаюсь выбраться из-под навалившегося тела и вижу стеклянные глаза Шмыги. Из распоротого горла хлещет кровяца, а сидящая на нем тварь продолжает рвать его на куски. Рвотный позыв булькнул в глубине желудка, и вдруг разинутая пасть прямо перед глазами. Тупорылая оскаленная морда с тысячью мелких острых зубов рванулась к моему горлу и...

Спасительная пелена за клубилась вокруг падающими хлопьями серой взвеси. Хвала Хранителям, заклинание на страже и вовремя закрыло меня Сумраком. Жуткая пасть зависла в ладони от шеи, но страха уже нет и бешеной волной накатывает ярость.

— Сдохни, тварь! — Ору и, вкладываясь в удар, бью кулаком прямо в поросычье рыло. Оскаленная морда медленно отвалилась в сторону, но я знаю, как это выглядит в реальности. Такой удар из Сумрака раскрошил череп в кашу.

Сбрасываю с себя растерзанное тело Шмыги и поднимаюсь. Вокруг сплошной бурелом из оскаленных рож, перепончатых крыльев и когтистых лап. Не разбирая, бью кулаками куда придется и выбираюсь из завала. Сил уже нет, Сумрак давит на голову и дыхание. На самом пределе успеваю заметить, как в серой взвеси появляется силуэт паладина Талса, но ничего больше уже не вижу и выныриваю в реальность. Здесь настоящая жуть, кругом кровяца и вонь! Повсюду исковерканные тела людей и нежити. Старюсь не наступить, обхожу разможенные уродливые черепа и скалюсь как одержимый: «Моя работа!»

Битва уже закончена, на моих глазах последняя тварь, отскочив к скале, кляцает зубами в бессильной ярости. Удар из Сумрака беспощаден и страшен по своей разрушительности. Я не вижу меча паладина, но, судя по разорванной надвое пасти, он ударил именно туда.

Отупение понемногу проходит, и я уже разумно могу взглянуть на мир. Оруженосцы паладина начали вытаскивать трупы. Из наших вижу только одного, и тут же спохватываюсь: «А где Тули?!»

Бросаюсь обратно и начинаю раскидывать тела. Отшвыриваю труп твари в сторону, под ним то, что осталось от кого-то из наших. Определить невозможно, потому что у него откушена голова. Сталкиваю в сторону безголовое тело и вижу под ним бледное лицо Тули. Подношу ладонь к губам и чувствую дыхание.

«Живучий сукин сын!» — Обрадованно вытаскиваю Тули наверх и тащу на воздух.

Подхожу к изувеченному моим же ударом трупу и смотрю как уродливое чудовище буквально на глазах превращается в красивую девушку. Неестественно белую, но все же красивую и без единой ссадины и травмы. Эта уже седьмая и впечатляет не так сильно, как первая, но все же. Постояв и пробурчав в очередной раз, колдовство, тащу труп к выходу. Там носильщики уже натаскали приличный штабель хвороста, и оруженосцы паладина, предварительно отрубая головы, складывают тела на самый верх готовящегося костра.

Жрец со смиренным видом стоит тут же. Рядом паладин Талс, а вот Тули и еще один зелот из нашего отряда лежат в тени. Раны у обоих не смертельные, но крови потеряли много, и скорее всего, в город их придется тащить на носилках.

Последняя обезглавленная девушка уложена поверх остальных. Семеро оставшихся в живых носильщиков стоят поодаль настороженной группой. Один из оруженосцев запалил факел и поднял вопросительный взгляд на паладина.

Тот, немного подумав, произнес жестко и безапелляционно.

— Ведьму давайте туда же, в костер. Незачем ее обратно в город везти.

Второй оруженосец понимающе кивнул и подошел к лежащей у камней связанной ведьме. Без единого сомнения он схватил ее за лодыжку и потащил к костру прямо по камням. Опустив голову и смотря под ноги, заслуженный ветеран заметил наконечник копья только когда он уперся ему в живот.

— Оставь ее! — Голос Тули прозвучал тихо, но убедительно.

Все уже настолько устали и отупели за сегодня, что не только не заметили, как тот поднялся и подошел, но вообще не сразу поняли, что происходит. К первому дар речи вернулся к Халиму бен Шали.

— Ты что делаешь, сынок?! — Жрец попытался было увещевать парня, но его прервал паладин Талс.

— Эй, не дури! Хочешь отправиться в костер вместе с ведьмой! — Талс аль Шамир решительно шагнул вперед, но Тули резко ткнул копьем в его сторону.

— Не подходи!

Слегка ошарашенный происходящим Халим бен Шали произнес единственное, что пришло ему на ум.

— Ведьма околдовала бедного юношу!

Паладин Талс бросил взгляд на жреца, потом на острие копья, а затем кивнул своему оруженосцу.

— Разберись!

Все это время я стою и молча смотрю на происходящее. Я вижу, как оруженосец вытащил меч и двинулся на Тули, а тот, бледный как смерть, еле держится на ногах. Окровавленные тряпки говорят об открывшихся ранах, и исход боя вряд ли вызывает сомнение.

В этот момент в моей голове крутятся разные мысли, и все по большей части неприятные: «Если я не вмешаюсь, то парня сейчас убьют, и девушку, то бишь ведьму тоже, а если вмешаюсь, то придется кончать всех остальных. А потом? Что будет со мной потом?!»

Не придя ни к какому решению, я понимаю, что ждать дольше нельзя и, скрипя сердцем, преграждаю дорогу оруженосцу.

— Стой! Хватит уже на сегодня смертей! Пусть эти двое, — показываю копьём на Тули и ведьму, — идут куда хотят, ясно же что эта девчонка никакая не ведьма и к убийствам не причастна. Она за ним сюда пришла, а за любовь вроде бы сжигать не принято!»

Первое мгновение никто не находит слов, но потом возмущенно взрывается Халим бен Шали.

— Да что ты себе позволяешь, щенок! Да как ты вообще смеешь!

Он еще вопит, а оруженосец бросает взгляд на своего командира, — что делать? Паладин Талс молчит, он видел меня в Сумраке и понимает, что справиться со мной будет не просто. Я его тоже понимаю, как и то, что уступить он не может. Еще миг, и перехватываю его короткий кивок оруженосцу. Все ясно, тот должен отвлечь меня, чтобы Талс смог выбрать удобный момент для атаки. Что же, он верен себе и не отказывается от своей любимой тактики.

Мой взгляд контролирует любое движение. Мгновение, еще одно, и вот оно — началось! Меч оруженосца с легкостью отбивает копьё Тули и взлетает над моей головой. И тут вдруг происходит нечто невообразимое! Голова атакующего меня ветерана взрывается как гнилой арбуз, обдав фонтаном крови и мозга. Не успеваю опомниться, как в тот же миг жреца сметает неведомая сила. В полной тишине его тело гулко шлепается о камни под хруст ломающихся костей. В это же мгновение уши разрывает душераздирающий крик. Кидаю в ту сторону взгляд — носильщики бросились в рассыпную, но кто-то невидимый ловит их как тараканов и разрывает на части.

«Сумрак! — Наконец-то доходит до меня. — Кто-то атакует нас из Сумрака!»

Немедленно ухожу в пограничный мир. Сквозь окутывающую серую взвесь вижу самого Талса, его серебряных стражей, но они не атакуют меня. У них есть враг страшнее. В мертвом неподвижном пространстве крутится огромный черный смерч, очень сильно напоминающий мне тот, что я видел в свою первую ночь знакомства с заклинанием. Он раскручивается и поднимается над человеком в плаще с капюшоном. Гигантская воронка взлетает к серым небесам и неожиданно разделяется на три змееподобные химеры. Хлопают громадные перепончатые крылья и, изрыгая черное пламя, твари бросаются на паладина Талса. В один миг все скрывается в облаке поднятой серой взвеси, а когда та оседает, то я больше не вижу ни паладина, ни его стражей.

Чудовища вновь набирают высоту и кружат надо мной, готовясь к броску. Еще один круг, и, разрезая серую мглу, химеры рванулись вниз. Их жуткие морды растут с каждым мгновением, и я уже вижу огромные клыки и языки черного пламени. Усилил до предела свой сумрачный щит, я вкладываю силовую энергию в копьё и жду. Мгновение, еще, еще! Пора! Моя рука бросает копьё и то вонзается прямо в центр несущейся на меня черной тучи. Небо разрезает вспышка молнии и одна из химер, словно отброшенная молотом, вылетает из

тройки, но две другие врезаются в мой невидимый щит. Меня прошивает парализующая волна, словно в тело ударило одновременно сотня ядовитых игл, но, скрипя зубами, я продолжаю стоять, держа защиту из последних сил. Размазанные змеиные морды отскакивают и, кружась, вновь набирают высоту, но одна из них осталась на земле. Обхватив когтистыми лапами древко копья, она катается в серой взвеси и пытается вытащить его из себя.

Выдохнув, я слежу как надо мной две твари стягиваются в единый кулак для новой атаки. Чувствую нарастающую пустоту и пугающую слабость, такую словно меня высосали досуха. На миг мелькает мысль: «Интересно, какого уровня эти бестии, и какой запас у меня остался?» Словно в ответ, мой невидимый щит вдруг проступает в воздухе и покрывается паутиной трещин. Еще мгновение и, к моему ужасу, он разваливается и осыпается к моим ногам тысячью мелких осколков. Вместе с рухнувшей защитой из меня словно вытекли последние силы. Я мгновенно ослаб настолько, что даже руку не могу поднять, а химеры, слившись в одну исполинскую тварь, уже помчались вниз.

Смотрю на растущую черную тучу и понимаю, это конец.

— Ну нет! Лучше уж сдохнуть в реальном мире чем тысячелетия гнить в этом поганом Сумраке! — Яростно рыча вываливаюсь в реальность и падаю без сил.

Бум, бум, бум! Бешено колотится сердце. Раскаленный лоб уткнулся в холод камня, а я не могу пошевелить даже пальцем. Через силу отрываю голову и поднимаю взгляд. Прямо напротив — тот самый человек в черной хламиде. Ветер полощет капюшон, и я вижу белое изможденное лицо, злые прищуренные глаза, орлиный нос и бескровные сжатые губы. Это лицо я не знаю, но точно уже никогда не забуду.

Рука незнакомца ложится на эфес меча, и сталь медленно выходит из ножен. Колышется плащ в такт приближающимся шагам, и у меня нет сомнений в намерениях этого человека.

«Если ты не встанешь, — ору на себя, — он убьет тебя!»

Напрягаю каждую клетку своего разбитого тела и приподнимаюсь. Как есть на карачках ползу прочь! Чувствую, как с каждым шагом смерть нагоняет меня, но все равно ползу, и словно в награду за мое упорство вдруг чья-то рука хватает меня за рукав и стаскивает в расщелину. Падаю на что-то мягкое и первое, что вижу это сияющая рожа Тули и руки ведьмы делающие магические пасы. Потом шорох шагов и вскоре прямо над нами появляется фигура в плаще. Ледяные бесцветные глаза смотрят на меня в упор и, не останавливаясь, проходят мимо.

«Что случилось?!» — Вспыхивает в голове, и я понимаю, что он не видит меня. В памяти проносятся пасы ведьмы и осознание — она как-то скрыла нас от него.

Шаги удаляются и возвращаются, слышатся ругательства человека, не понимающего куда я делся. Мы лежим тихо и ждем. Наконец, незнакомец перестает искать и подходит к штабелю со сложенными на нем обезглавленными телами девушек.

Отсюда из расщелины мне хорошо видно, как он поднимает каждую голову и целуя в губы шепчет:

— Прощай, моя милая!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net